

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

MONGOLICA

Том XXVII • 2024 • № 4

Санкт-Петербург

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Адрес учредителя: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Адрес редакции: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Адрес издателя: 191186,
Санкт-Петербург, д. 18.
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Регистрационный номер
свидетельства о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Номер подготовлен
при финансовой поддержке
РНФ и Кабинета Министров
Республики Татарстан (проект
№ 23-28-10046) в соответствии
с Программой стратегического
академического лидерства
Казанского (Приволжского)
федерального университета.

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/mt8g-2b6e-f1e2

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXVII • 2024 • № 4

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Посвящается 300-летию Российской академии наук

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор,*
доктор филологических наук (Россия)

Д. А. Носов, *секретарь редколлегии, кандидат*
филологических наук (Россия)

М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*

Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*

А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*

Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*

Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*

И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН*
(Россия)

Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*

В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*

Э. Мунхцэцэг, *кандидат филологических наук*
(Монголия)

С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*

К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*

М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*

Ц. Саранцацрал, *доктор филологических наук*
(Монголия)

Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор*
(Россия)

С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*

Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*

Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*

Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет – М. В. Алексеева

Литературные редакторы и корректоры – Д. А. Носов, И. В. Кульганек

Технический редактор – М. А. Козинцев

Подписано в печать 12.12.2024

Формат 60×90 1/8. Объем 10 печ. л. Заказ № 188

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт».

Адрес типографии: 191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8,
лит. А, офис 14.

e-mail: info@litobook.ru

12+

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2024

© Коллектив авторов, 2024

В НОМЕРЕ:

М. А. Лиджиев. Е. Э. Хабунова — ученый-фольклорист (к 70-летию).....	5
Я. Д. Леман. К юбилею Анны Дамдиновны Цендиной	9

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

И. А. Алимов. «Дун Цзин Мэн Хуа Лу»: внешний и старый город	15
И. О. Собенникова. Русское купечество Забайкалья и Монголия (по материалам истории одного рода).....	26
Ю. А. Иоаннесян. Л. Ф. Богданов/Л. С. Дугин — незаурядный иранист, исследователь, переводчик	32

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

С. Г. Батырева. Константы калмыцкого героического эпоса «Джангар» в фольклорных мотивах творчества Гаря Рокчинского	43
Ц. Тумэнбаяр. Особенности женских образов в произведениях Д. Нацагдоржа.....	54
Maria P. Petrova. Atmospheric stories by Dan. Nyama	60

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

С. М. Трофимова. «Деятельность ученого примечательна не только научными трудами, но и обаянием его человеческой натуры».....	65
И. В. Кульганек, Д. А. Носов. Международная научная конференция «Седьмые Петербургские монголоведные чтения» (Санкт-Петербург, 2–3 октября. 2024 г.)	72

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

191186. Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18
Phone: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXVII • 2024 • No. 4

The journal is published four times a year.

Published since 1986

Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

**Dedicated to the 300th anniversary
of the Russian Academy of Sciences**

Editorial board:

I. V. Kulganek — *editor-in-chief, D. Sc. (Philology),
Russian Federation*

D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sc. (Philology),
Russian Federation*

M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Russian
Federation*

G. Bilguudei. *D. Sc. (Philology), Mongolia*

A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*

S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy
of Sciences, Mongolia*

L. S. Dampilova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

J. Legrand. *D. Sc., Professor, France*

V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*

E. E. Khabunova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*

E. Munkhtsetseg. *Cand.Sc. (Philology), Mongolia*

S. L. Neveleva. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

K. V. Orlova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*

R. Pop. *Ph. D., Romania*

Ts. Sarantsatsral. *D. Sc. (Philology) Mongolia*

T. D. Skrynnikova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

R. M. Valeev. *D. Sc. (History), Russian Federation*

N. S. Yakhontova. *Cand. Sc. (Philology), Russian
Federation*

I. V. Zaytsev. *D. Sc. (History), Professor of the Russian
Academy of Sciences, Russian Federation*

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/mt8g-2b6e-f1e2

© Institute of Oriental Manuscripts RAS
(Asiatic Museum), 2024

© Group of authors, 2024

IN THIS ISSUE:

Mivgiyan A. Lidzhiev. Evdokiya E. Khabunova — Specialist in Folklore (On the 70th Anniversary)	5
Jana D. Lehman. On the Anniversary of Anna Damdinovna Tsendina	9

SOURCE STUDIES

Igor A. Alimov. «Dong Jing Meng Hua Lu»: Outer and Old City.....	15
Inna O. Sobennikova. Russian Merchants of Transbaikal and Mongolia (Based on the Materials of the History of One Family)	26
Youli A. Ioannesyan. L. F. Bogdanov/L. S. Dugin — an Extraordinary Iranologist, Researcher, Translator.....	32

STUDIES IN PHILOLOGY AND ARTS

Svetlana G. Batyreva. Constants of the Kalmyk Heroic Epic “Dzhangar” in Folklore Motifs of Gari Rokchinsky’s Works.....	43
Ts. Tumenbayar. Features of Female Characters in the Works of D. Natsagdorj.....	54
Maria P. Petrova. Atmospheric Stories by Dan. Nyama.....	60

ACADEMIC LIFE

Svetlana M. Trofimova. “The Scientist’s Activity is Notable Not Only for His Scientific Works, but Also for the Charm of his Human Nature”	65
Irina V. Kulganek, Dmitry A. Nosov. The international scientific conference “The Seventh St. Petersburg Mongol Readings” (St. Petersburg, October 2–3, 2024)	72

М. А. Лиджиев
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова

Е. Э. ХАБУНОВА — УЧЕНЫЙ-ФОЛЬКЛОРИСТ (К 70-ЛЕТИЮ)

Об авторе: Лиджиев Мингиян Алексеевич, кандидат филологических наук, директор Института калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого государственного университета (Элиста, Россия) (mingiyan75@mail.ru). ORCID: 0000-0002-5113-7766.

© Лиджиев М. А., 2024

Евдокия Эрэндженовна Хабунова, доктор филологических наук, директор Международного научного центра «Культурное наследие монгольских народов», профессор кафедры калмыцкой литературы и журналистики Института калмыцкой филологии и востоковедения ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова», Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия, Почетный работник общего образования Российской Федерации, является видным российским ученым в области фольклора монгольских народов. Центральное место в научно-исследовательской деятельности Е. Э. Хабуновой зани-

мает устная эпическая традиция, обрядовая поэзия, песенное наследие и сказки монгольских народов. Характерной особенностью творческой лаборатории и Е. Э. Хабуновой является системность, комплексность, творческое осмысление наследия своих учителей — А. Ш. Кичикова, В. М. Гацака, К. Н. Яцковской. Предметная сфера интересов достаточно широка: от общих проблем теории фольклора, жанровой систематики до исследования конкретных проявлений фольклора монгольских народов.

Е. Э. Хабунова родилась 1 сентября 1954 г. в с. Мало-Енисейское Сростинского района Алтайского края. В 1976 г. окончила Калмыцкий государственный университет с квалификацией «Филолог. Преподаватель калмыцкого языка и литературы, русского языка и литературы». С 1976–1977 гг. работала учителем калмыцкого языка и литературы восьмилетней школы в поселке Ик-Манлан Малодербетовского района Республики Калмыкии. С 1977 по 1995 гг. — младший научный сотрудник сектора монголоведения (1977–1991) КНИИЯЛИ, (1991–1995) — старший научный сотрудник сектора фольклора и джангароведения КИГИ РАН. В 1993 г. защитила кандидатскую диссертацию в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН по специальности «Фольклористика» на тему «Калмыцкая свадбно-обрядовая поэзия».

С 1995 г. по настоящее время работает ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный

университет имени Б. Б. Городовикова» пройдя путь от старшего преподавателя до профессора. С 2001 по 2016 гг. занимала должность декана факультета калмыцкой филологии и культуры, директора Института калмыцкой филологии и востоковедения. Под ее руководством подготовлены и внедрены в учебный процесс новые учебные планы, рабочие образовательные программы и открыты новые направления бакалавриата: «Калмыцкий язык и литература, иностранный язык (английский язык)», «Калмыцкий язык и литература, иностранный язык (китайский язык)», «Зарубежная филология: китайский язык», «Социально-культурная деятельность», «Журналистика», магистратуры: «Алтаистика и общее языкознание», «Фольклористика и мифология», «Литература народов России». В 2007 г. защитила докторскую диссертацию «Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий)» в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. Е. Э. Хабуновой издано более 170 научных работ, 4 монографии, 5 томов серии двуязычных изданий «Сказки народов Евразии», 3 научно-популярных издания, 4 учебных пособия по фольклору монгольских народов. В научно-исследовательской деятельности Е. Э. Хабуновой большой научный интерес представляют монографии: «Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Исследования и материалы» (1998), «Очаг. Фольклор и обряды жизненного цикла калмыков» (2005), «Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла» (2007), «Хуучн үгд худл уга. Кеерин хураңһу материал. Истины древней словесности. Коллекция экспедиционных материалов» (2018), «Аннотированный каталог традиционных мотивов эпоса монгольских народов» (экспериментальное исследование) (2023).

Важное место среди ее работ занимает исследование по калмыцкой обрядовой поэзии. Ею впервые исследован жанровый состав, классификация, сюжеты, мотивы, поэтико-стилевое своеобразие калмыцкой свадебной обрядовой поэзии с привлечением фольклорных, этнографических источников других монголоязычных

народов. В работе использованы полевые материалы, собранные автором в различные годы.

В работе «Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла» автором исследованы поэтические константы жизненного цикла богатыря калмыцкой, синьцзян-ойратской и монгольской версий героического эпоса «Джангар». Сравнительном плане проанализированы поэтико-стилевые слагаемые, отображающие рождение, женитьбу и богатырский подвиг эпического героя.

В коллективной монографии «Аннотированный каталог традиционных мотивов эпоса монгольских народов» (экспериментальное исследование) представлены аннотированные мотивы, передающие динамику эпических событий, свойственных эпосу монгольских народов (бурят, калмыков, ойрат-монголов, халха-монголов, синьцзянских ойратов). В работе систематизированы мотивы, лежащие в основе сюжетной структуры эпического памятника и передающие суть «сюжетно-содержательного поля» эпоса монгольских народов о матримониальных и воинских коллизиях эпических героев. Перечень аннотированных и систематизированных в виде каталога мотивов важен для дальнейшего совершенствования методов и принципов определения, кодификации и изучения мотива, а также для научных поисков в области сравнительно-типологических исследований. Научные труды Евдокии Эрендженовны представляют собой ценный вклад в монгольскую фольклористику и значимость их для российской и мировой науки велика.

Многие её научные проекты, в том числе международные, были поддержаны грантами: «Фонд этнопоэтических констант фольклора монгольских народов» (РГНФ № 14-24-03004), «Аннотированный каталог традиционных мотивов эпоса монгольских народов» (РФФИ № 18-512-94006), «Фольклор монгольских народов — источник эмпирических знаний о здоровье человека и традиционно-медицинской практике» (РНФ № 23-28-00336).

Е. Э. Хабунова является инициатором многих международных научных конференций, посвященных актуальным проблемам калмыц-

кой и монгольской филологии и, направленных на развитие отечественного востоковедения, университетской науки.

Евдокия Эрендженовна много внимания уделяет полевым исследованиям. Ею совместно с коллегами, студентами и аспирантами были проведены серии экспедиций на территории Республики Калмыкии (2012–2017; 2019; 2022–2023), Монголии (2013; 2017; 2019; 2023), в результате которых в научный оборот введен богатейший фольклорно-этнографический материал.

Под ее руководством ежегодно издается серия двуязычных изданий «Сказки народов Евразии» (Сын медведя: 2017; Мачеха и падчерица: 2018; Хитрая наука: 2020; Змееборство: 2023; Чудесная птица: 2024).

Глубокие знания в области калмыцкого языка, фольклора и этнографии монгольских народов характеризуют её как серьезного, многогранного и высококвалифицированного специалиста и дают основание для участия во многих зарубежных научных форумах в качестве приглашенного докладчика, быть членом редколлегии научных изданий: “Mongolian Diaspora” (Корея); “Studia Folklorica” (Монголия); “Mongolica” (Санкт-Петербург); «Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова» (Якутск); «Вестник Калмыцкого университета» (Элиста); «Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии наук» (Элиста).

Профессор Е. Э. Хабунова руководит магистерской программой «Фольклористика и мифология» и аспирантурой по научной специ-

альности 5.9.4. — «Фольклористика». Под ее научным руководством защищены четыре кандидатских диссертаций. Она приглашается в качестве официального оппонента по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности «Фольклористика». Она является председателем диссертационного совета 24.2.505.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.9.4. — «Фольклористика» (филологические науки), 5.9.6. — «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Австралии, Америки» (филологические науки), созданного на базе КалмГУ.

Е. Э. Хабунова активно внедряет результаты своих научных исследований в образовательные программы, учебно-методические разработки; ее лекционные курсы продуктивно используются в национальной системе образования Республики Калмыкия; монографии, статьи, выступления в средствах массовой информации всегда вызывают живой интерес, способствуют возрождению и сохранению народных традиций, популяризации духовного наследия калмыков.

Е. Э. Хабунова уделяет большое внимание воспитанию у молодежи чувства патриотизма, бережного отношения к культурному наследию предков, к духовным ценностям народа.

Коллеги сердечно поздравляют Евдокию Эрендженовну с юбилеем и желают дальнейших успехов в научной работе на благо калмыцкой и российской науки.

Основные научные труды Е. Э. Хабуновой

Монографии

Хабунова Е. Э. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия: Исслед. и материалы / Е. Э. Хабунова. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. — 223 с.

Хабунова Е. Э. Очаг (обряды и обрядовый фольклор жизненного цикла калмыков) / Е. Э. Хабунова. — Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2005. — 206 с.

Хабунова Е. Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла: сравнительное изучение национальных версий / Е. Э. Хабунова; Федеральное агентство по

образованию, Федеральное гос. науч. учреждение «Северо-Кавказский науч. центр высш. шк., Калмыцкий гос. ун-т. — Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. — 255 с.

Хабунова Е. Э. Аннотированный каталог традиционных мотивов эпоса монгольских народов (экспериментальное исследование) / Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., Убушиева Б. Э., Николаева Н. Н., Эльбикова Б. В., А. Алима, С. Байгалсайхан, Ч. Заяасурэн. — Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2023. — 148 с.

Статьи

Хабунова Е. Э., Санжаа Б., Убушиева Б. Э. Мотивный ряд матримониальной модели эпического повествования в монгольском архаическом эпосе // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 4(40). С. 104–112.

Дампилова, Л. С., Хабунова, Е. Э., Заяасурэн Ч. Топоним Алтай в мотиве пути в эпосе монгольских народов // Oriental Studies. 2018. № 11(5) С. 166–173. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-39-5-166-173>.

Хабунова Е. Э., Гедеева Д. Б., Убушиева Б. Э. Топонимы в фольклорном контексте калмыков // Новые исследования Тувы. 2018. № 3. С. 242–258.

Хабунова Е. Э., Геджин Ч. Мотив отправления героя, рожденного от медведя, в сказочной традиции тюрко-монгольских народов // Oriental Studies. 2019. № 12(5). С. 1026–1033.

Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., Кунгаа М. Б., Аюушжавийин А. Тувинское сказание «Богда Чангар хан» и его константные сегменты в ойратской и калмыцкой версиях героического эпоса «Джангар» // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 109–118.

Хабунова Е. Э., Байгалсайхан С., Убушиева Б. Э. Монголо-ойратское сказание «Урьдын Уланхонгор»: сохранность базовой модели эпического сюжета в разновременных записях // Oriental Studies. 2019. № 6. С. 212–220.

Дампилова Л. С., Хабунова Е. Э. Сюжет о богатырском сражении в бурятских версиях эпоса о Гэсэре // Научный диалог. 2020. № 7. С. 241–253.

Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., Алимаа А. Мотив «богатырский поединок (сражение)» и его вариативный ряд в эпосах монгольских народов // Oriental Studies. 2020. № 13. С. 779–789.

Хабунова Е. Э., Цеценбат Ц. Сюжетные звенья калмыцкого «Сказания о Гесере-богдо» в записи от Ш. Д. Дорджиева (1893–1984): содержательный состав // Oriental Studies. 2021. Т. 14. С. 1111–1121.

Хабунова Е. Э. «Сказание о Гесере-Богдо» в записи от Дорджиева Шарлда Дорджиевича, 1893 г. р.: общая характеристика, текст, комментарий // Монгол судлал. 2021. Т. 13. № 2. С. 382–398.

Алимаа А., Дайриймаа Б., Хабунова Е. Э. К 80-летию Сергея Юрьевича Неклюдова // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 1, С. 187–191. <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.1.016>

Хабунова Е. Э. Народные знания калмыков о традиционных способах лечения: фактология фольклорно-этнографических экспедиций (2012–2017 гг.) // Монголоведение. 2022. № 14(2). С. 405–417.

Хабунова Е. Э. Устные нарративы в записи фольклорных экспедиций (2012–2017 гг.) как репрезентация исторической памяти калмыков. Oriental Studies. 2022. № 15(6). С. 1422–1431.

Дампилова Л. С., Хабунова Е. Э., Эльбикова Б. В. Шаманские лечебные обряды западных бурят // Oriental Studies. 2023. № 16(3). С. 673–681.

Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., Эльбикова Б. В. Устные нарративы калмыков о чудесном исцелении в полевых записях 2023 г. // Монголоведение. 2023. № 15(3). С. 488–501.

EVDOKIYA E. KHABUNOVA — SPECIALIST IN FOLKLORE (ON THE 70TH ANNIVERSARY)

Mingiyan A. LIDZHEV

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov

About the author: **LIDZHEV Mingiyan A.**, Cand. Sci. (Philology), Director of the Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies of Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russian Federation) (mingiyan75@mail.ru). ORCID: 0000-0002-5113-7766.

Я. Д. ЛЕМАН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

К ЮБИЛЕЮ АННЫ ДАМДИНОВНЫ ЦЕНДИНОЙ

Об авторе: Леман Яна Дмитриевна, старший преподаватель, факультет гуманитарных наук, Институт классического востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия) (yleman@mail.ru). ORCID: 0000-0002-9812-4049.

© Леман Я. Д., 2024

Анна Дамдиновна Цендина родилась 11 августа 1954 г. в Улан-Баторе, в дружной интеллигентской семье академика Ц. Дамдинсурэна и его супруги, Любови Владимировны Зевинной. Младший ребёнок и единственная сестра трёх братьев, она была всеобщей любимицей, чьё озорство и проказы вошли в семейные предания.

Нам кажется очевидным, что, став монголоведом, дочь пошла по стопам своего знаменитого отца, однако могло все сложиться иначе. Трое старших братьев выбрали профессии, связанные с естественными и точными науками, и Анну Дамдиновну могла ждать та же

судьба: у Анны, или, как её звали дома, Дулмы, наблюдались отличные способности к математике (она не раз представляла школу на олимпиадах по этому предмету) и аналитический склад ума, располагающий к точным наукам. Сама Анна Дамдиновна рассказывает, что её влёл кукольный театр, где она хотела быть режиссёром, и предпочтение монгольскому отделению было отдано лишь в результате тонкой и дипломатичной «агитационной» работы мамы, Любови Владимировны. Будучи сама выпускницей монгольского отделения Восточного факультета Ленинградского университета, она несколько лет проработала в ИАЭ АН СССР (МАЭ РАН) в отделе Восточной и Южной Азии и считала, что семейное монголоведное дело должно быть продолжено.

В 1971 г. Анна Дамдиновна поступила на монголо-тибетское отделение Ленинградского университета, где её преподавателями были такие легенды монголоведения как Л. К. Герасимович и З. К. Касьяненко. После выпуска в 1977 г. она переехала в Москву, где получила работу в Гостелерадио СССР. Там она трудилась диктором в отделе вещания на Внутреннюю Монголию КНР до 1990 г. В этот период она успела подготовить и защитить кандидатскую диссертацию на тему «Монгольская новеллистика XVII–XIX вв. и индо-тибетские повествовательные традиции» (1984 г.). В 1990 г. перешла в Институт востоковедения АН СССР, где, работая в должности научного сотрудника

отдела Кореи и Монголии, в 2004 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Структурные и сюжетно-стилистические особенности монгольских летописей 17–19 вв.», которая легла в основу книги «Монгольские летописи XVII–XIX вв.: повествовательные традиции», вышедшей в 2007 г. В книге рассматриваются проблемы генезиса и эволюции монгольских летописей, особенности их поэтики, исследуется соотносительность инокультурных влияний (индо-тибетского, китайского) с этапами развития письменного слова монголов. Коллеги отмечают, что в этой работе автору удалось впервые в истории монголоведческих исследований осуществить комплексный литературоведческий анализ исторических памятников, в результате которого в текстах был выделен собственно монгольский «номадный субстрат» [Скородумова 2014. С. 89–90].

Можно заметить, что Анна Дамдиновна отчасти продолжает в своих исследованиях «магистральное» направление, заданное её отцом: как и Ц. Дамдинсурэн, она интересуется индо-тибето-монгольскими литературными связями XVI–XIX вв. [Дамдинсурэн 2008. С. 4] и разного рода мистическими и гадательными практиками [Дамдинсурэн 2014. С. 567]. Именно им посвящена монография юбиляра «Жизнь, отраженная в текстах: народная магия монголов (конец XVI — начало XX в.). Приметы, сонники, гадательные книги, обереги, заклинания, моления», недавно вышедшая из печати.

Как и отец, Анна Дамдиновна уделила огромное внимание делу сохранения, публикации, введения в научный оборот монгольских памятников. Так, ею были подготовлены к печати «История Эрдэни-дзу» (1999, 2017), «Шара туджи» (2017), заметки Агвана Доржиева (2003, 2017), письма Б. Я. Владимирцова (2016) и многое другое.

Другим значимым направлением научной и научно-просветительской деятельности стал Тибет. Книга «...и страна зовется Тибетом», написанная А. Д. Цендиной по мотивам поездки в Тибет в 1995 г., в популярной форме рассказывает обо всех аспектах истории и культуры Страны снегов. От вопросов этногенеза тибет-

цев до вхождения Тибета в состав КНР — что бы ни интересовало любознательного читателя, здесь он находит ответы. Не только тибетский буддизм и его школы, но и письмо, медицина, еда и праздники, семейная и хозяйственная жизнь тибетцев освещены автором с симпатией и юмором. Эта книжка недавно была переиздана издательством «Ломоносовъ» в «зелёной» серии «История. География. Этнография» — той же, где появились «В сердце Азии» Свена Гедина, «Буддист-паломник у святынь Тибета» Гомбожаба Цыбикова и «Чингисхан и монголы его времени» Б. Я. Владимирцова. Переиздание в ряду работ классиков иллюстрирует как её актуальность, так и востребованность у широкой общественности систематических знаний о Тибете, предлагаемых в доступной форме. Вероятно, по этой причине, большая часть публичных выступлений Анны Дамдиновны посвящена тибетским темам: «13 вопросов о Тибете» для Арзамаса, цикл передач на радио «Звезда», рассказ «Институт тулку в тибетском буддизме» для лектория Политеха, комментарий для фильма о современном Тибете канала «Россия 24».

Ставшая в некотором роде визитной карточкой книга о Тибете была написана после того, как по приглашению коллег Анна Дамдиновна провела год в Китае. За ним последовала командировка в Швецию, где в соавторстве с замечательным лингвистом Яном-Олафом Свантессоном была создана монография «The Phonology of Mongolian» (2005). Этот фундаментальный труд вошел в число классических научных работ по монголоведению, стал настольной книгой для всех, кто занимается монгольской лингвистикой.

Среди книг, написанных в соавторстве, хотелось бы также упомянуть «Историю в трудах ученых лам» (2005), подготовленную совместно с другом детства и коллегой А. С. Железняковым, в которой были опубликованы переводы трёх летописей, осуществленные монголистами разного времени, но по различным причинам так и не увидевшие свет: «Хрустальное зеркало» Джамбадорджи (XIX в.), впервые переведенное на один из европейских языков ленинградским монголистом Б. И. Королем,

«Краткое Золотое сказание (XVII в.) в переводе историка Г. С. Гороховой, и «Конечная причина религий в Монголии» Эрдэнэпила, настоятеля монастыря Гандан в Улан-Баторе, — ранее не публиковавшееся сочинение 30-х гг. XX в.

Плодотворным оказалось и сотрудничество с учеником отца Анны Дамдиновны, Р. Отгонбаатаром. Вместе они подготовили на русском и монгольском языках том «Образцы письменной традиции Северной Монголии: алфавиты, транскрипции, языки (конец XVI — начало XX в.)» (2014), посвященный прикладной лингвистической традиции монголов. В книге опубликованы факсимиле, транслитерации и переводы соответствующих рукописей и ксилографов. Среди них: азбуки, разговорники, монгольские тексты, записанные тибетским, квадратным письмом и соёмбо, показывающие, как на протяжении веков в Монголии использовались различные виды письменности. Тем же небольшим коллективом был осуществлен проект по каталогизации монгольских и тибетских рукописей и ксилографов, хранящихся в квартире-музее Ц. Дамдинсурэна в Улан-Баторе (2018). В этой работе приняли деятельное участие хранитель музея-квартиры Г. Билгуудэй и молодые петербургские монголоведы Анна Туранская и Наталия Ямпольская.

Знаковым можно назвать сотрудничество с доктором филологических наук, профессором, одним из крупнейших специалистов по семиотике фольклора, востоковедом Сергеем Юрьевичем Неклюдовым, влюбленным в Монголию. Их знакомство состоялось, когда Анна Дамдиновна по настоянию отца поступила в заочную аспирантуру Института мировой литературы им. А. М. Горького, и вылилось в многолетнюю дружбу и годы плодотворной совместной работы. Некоторым итогом сотрудничества можно считать вышедший в 2019 г. за авторством Сергея Юрьевича двухтомник «Фольклорный ландшафт Монголии», где А. Д. Цендина выступила ответственным редактором. За более чем тысячью страниц стоят десятилетия экспедиций, километры дневниковых записей и сотни часов интервью со стариками-информантами, носителями живой традиции из всех уголков Монголии. В осуществлении меч-

ты Сергея Юрьевича — создать карту монгольского фольклора — приняли участие многие его ученики и, в частности, Анна Дамдиновна. Она внесла огромный вклад, расшифровывая и переводя записи, а также непосредственно участвуя в полевой работе. Впоследствии Сергей Юрьевич предложил ей на базе Института восточных культур и античности РГГУ начать готовить специалистов, монголистов-тибетологов. Так А. Д. Цендина вместе со своей коллегой доктором филологических наук Лидией Григорьевной Скородумовой, работавшей вместе с Анной Дамдиновной в ИВКА РГГУ, можно сказать, создали московскую школу классического монголоведения. Оба профессора имели базовую классическую петербургскую монголоведную школу и одинаково радели о достойном развитии отечественного монголоведения в России. После ухода из жизни Л. Г. Скородумовой Анна Дамдиновна стала единственным её «матриархом». В настоящее время, переместившись под крыло Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, готовится к выпуску уже четвертый набор студентов этого направления. Среди выпускников прошлых лет есть как те, кто разными способами связал свою жизнь с Монголией, так и те, кто ушёл в другие сферы, но хранит в сердце тёплые воспоминания о годах учёбы и любовь к удивительной степной стране.

Много сил и внимания А. Д. Цендина отдала сохранению, систематизации, обнародованию и увековечиванию творческого и научного наследия своего отца. В 2008 г., к 100-летию Ц. Дамдинсурэна, она подготовила большой сборник, куда вошли ранее не опубликованные работы академика и других больших монголоведов по фольклору, лингвистике и литературоведению. Кроме того, в издание включены архивные материалы, письма Дамдинсурэна и воспоминания друзей, учеников и детей. В 2013 г. в свет вышло девятитомное собрание научных работ Дамдинсурэна под редакцией его дочери. В 2019 г. по её инициативе был установлен памятник Дамдинсурэну в Улан-Баторе.

Тесное переплетение монголистических судеб отца и дочери наукой не ограничивается. Как и папа, Анна Дамдиновна обладает неза-

урядным литературным талантом, способностью тонко подмечать смешное и горькое, поэтичное и приземленное и облекать свои наблюдения в простые, но меткие слова, выстраивать их с такой колдовской ловкостью, что, прочитав начальные фразы, невозможно оторваться до конца рассказа. Первый сборник историй, в которых порой трудно отличить, где правда, а где вымысел, где шутка, а где всерьёз, вышел под заглавием «Тэртон Мандавасарпини был сумасшедшим» (2023). Прообразами героев выступили друзья и коллеги, а сюжеты зачастую взяты из будней рядового учёного-монголоведа или же из фактологического материала, с которым он обычно работает. Однако волею автора они проходят через такое фантастическое преломление, что читая, монголоведа вроде бы узнаёт себя и свою повседневность, но в то же время с удивлением понимает, какую захватывающую, полную романтики и приключений жизнь он ведёт! Эту книжку можно давать читать студентам-первокурсникам, чтобы развивать у них очарованность своим предметом и подогревать энтузиазм.

Многолетние труды на ниве монголоведения не остались без признания. В 2017 г. юби-

ляр стала первым лауреатом премии «Лучший монголист года» («2017 оны шилдэг монгол судлаач»), получив награду из рук президента Монголии Х. Баттулги, а в 2021 г. была удостоена ордена Полярной звезды, высшей для иностранных граждан государственной награды Монголии. Это не все регалии, однако раздобыть информацию о прочих сложнее, так как юбиляр их не афиширует.

А. Д. Цендина автор более 150 научных трудов, среди которых 15 монографий. Она является автором-составителем и редактором более 10 научных изданий.

Помимо обширной эрудиции и большого трудолюбия, Анна Дамдиновна является ещё обладательницей великолепного чувства юмора и яркой индивидуальности, которые не дают студентам заскучать на лекциях и украшают собой конференции. Как и в детстве, она остаётся всеобщей любимицей, и мы — коллеги, друзья и ученики — от всей души поздравляем нашу дорогую Анну Дамдиновну с юбилеем и с нетерпением ждём её новых работ на научной и на литературной ниве, занимательных лекций и весёлых шуток, желаем крепкого здоровья и творческого долголетия!

Монографии

1. Тибетский сборник рассказов из «Панчтантры». (В соавторстве с Ц. Дамдинсурэном). Улан-Батор: ШУА, 1983.

2. История Эрдэни-дзу. Факсимиле рукописи. Перевод с монгольского, введение, комментариев и приложения А. Д. Цендиной // Памятники письменности Востока. М.: Изд. фирма «Восточная литература РАН», 1999.

3. ...и страна зовется Тибетом. М.: Изд. фирма «Восточная литература РАН», 2002. Переиздание: М., Ломоносовъ, 2024.

4. Агван Доржиев. Занимательные заметки. Описание путешествия вокруг света. (Автобиография). Факсимиле рукописи. Пер. с монг. А. Д. Цендиной. Транслит., предисл., коммент., глосс. и указатели А. Г. Сазыкина и А. Д. Цендиной // Памятники письменности Востока. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2003.

5. The Phonology of Mongolian. (With Jan-Olof Svantesson, Anastasia Mukhanova Karlsson, and Vivan Franzén) // The Phonology of the World's languages. Oxford University Press, 2005.

6. История в трудах ученых лам. (Совместно с А. С. Железняковым). М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005.

7. Монгольские летописи XVII–XIX вв.: повествовательные традиции // *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XII. М.: РГГУ, 2007.

8. Образцы письменной традиции Северной Монголии: алфавиты, транскрипции, языки (конец XVI — начало XX в.). М., 2014. (Совместно с Р. Отгонбаатаром).

9. Монгол үсэг бичгийн дээж. М., 2014. 37 п.л. (Совместно с Р. Отгонбаатаром).

10. Желтая история (Шара туджи). Пер. с монг. транслит., введ и коммент. А. Д. Цендиной. Факсимиле рукописи (список А) // Памятники письменности Востока. CXLVII. М.: Наука–Восточная литература, 2017.

11. Ayvang Dorjiev-un «Delekei-yi ergijü bidügsen domuy sonirqal-un bičig tedüi kemekü orusiba» (Удивительные записки, легенда о путешествии вокруг света) Агвана Доржиева. [Oros] Čendin-a sudulun

emkidkebe (Публикация Цендиной [Россия] // Mongyol sudulul-un surbulji bičig-ün čiyulyan. Teüke (Собрание письменных источников по изучению Монголии. История) // Öber mongyol-un suryan kümüjil-ün keblel-ün qoriy-a (Педагогическое издательство Внутренней Монголии). (Kökeqota), 2017.

12. Erdeni juu-yin teüke (История Эрдэни дзу). [Oros] Čendin-a sudulun emkidkebe (Публикация Цендиной [Россия] // Mongyol sudulul-un surbulji bičig-ün čiyulyan. Teüke (Собрание письменных источников по изучению Монголии. История) // Öber mongyol-un suryan kümüjil-ün keblel-ün qoriy-a (Педагогическое издательство Внутренней Монголии). (Kökeqota), 2017.

13. Ц. Дамдинсүрэнгийн гэр музейн монгол ном судрын бургтэл. (Каталог монгольских рукописей

и ксилографов квартиры музея Ц. Дамдинсүрэна). Нэмэлт галиг болон ном, зохиогчийн нэрсийн хэлхээг хийж, ариутган шуусэн А. Туранская, Н. Ямпольская. Редактор С. Байгалсайхан. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2018. (В соавторстве с Г. Билгуудэй, Р. Отгонбаатаром).

14. Цэндийн Дамдинсүрэнгийн гэр музейн монгол төвд судрын цуглуулгын тухай (О собрании тибетских и монгольских рукописей и ксилографов квартиры-музея Цэндийна Дамдинсүрэна). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2018. (В соавторстве с Р. Отгонбаатаром).

15. Жизнь, отраженная в текстах: народная магия монголов (конец XVI — начало XX в.). Приметы, сонники, гадательные книги, обереги, заклинания, моления. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2024.

Редактор и составитель изданий

1. Цэндийн Дамдинсүрэн: К 100-летию со дня рождения. М., 2008. 47 а.л.

2. Г. И. Слесарчук. Статьи разных лет. Улаанбаатар, 2013. (Совместно с К. Орловой).

3. Ц. Дамдинсүрэн. «Гэсэр судлал»-ын түүхээс. Улаанбаатар, 2013. (Совместно с Д. Цэдэвом).

4. Монгольский сборник. Тексты и контексты. *Orientalia et Classica*. LIV. М.: РГГУ, 2015.

5. Владимирцов. Письма. (Совместно с Г. И. Слесарчук). М., 2016.

6. Цэндийн Дамдинсүрэн. Эрдэм шинжилгээний бүтээлийн чуулган. 9 боть. (Научные труды Цэндийна Дамдинсүрэна. 9 томов), Улаанбаатар, 2017.

7. Мунх-Отгон Д. Ц. Дамдинсүрэнгийн гэр музейн төвд ном судрын бургтэл. (Каталог тибетских рукописей и ксилографов квартиры-музея Ц. Дамдинсүрэна). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2018.

8. С. Ю. Неклюдов. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный / Отв. ред. А. Д. Цендина. М.: Издательство «Индрик», 2019.

Основные статьи

1. Рассказы «Шукасапгати» в Монголии // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1982. Ч. 2. С. 263–270.

2. К вопросу о поэтико-стилистических направлениях в монгольской литературе XVII–XIX вв. // Теория стиля литератур Востока. М., 1995. С. 74–104.

3. История о Большой ступе Джарунг-Кхашор. Перевод с тибетского языка, введение и примечание // Тибетский буддизм. Теория и практика. Новосибирск, 1995. С. 223–252.

4. Монгольская новеллистика XVII–XIX вв. и индо-тибетские традиции // Монгольская литература. Очерки из истории XIII — первой половины XX в. М., 1997. С. 177–208.

5. Хасар и Чингис в летописях Мэргэн-гэгэна и Джамбадорджи // *Mongolica* IV. 90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсүрэна посвящается. СПб., 1998. С. 30–35.

6. Монгольская поэтика // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 582–586.

7. Два монгольских перевода тибетского сочинения «Книга сына» // *Mongolica* V. Посвящается К. Ф. Голстунскому. СПб., 2001. С. 54–74.

8. Куда исчез Джамуха? // *Mongolica* VI. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 86–90.

9. Индийские сказочно-повествовательные традиции в фольклоре монгольских народов // Буддизм и литература. М.: ИМЛИ РАН. 2003. С. 379–401.

10. Чингис-хан в устном и письменном наследии монголов // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2004. С. 406–424.

11. К вопросу о жанровом обозначении сочинений в старой монгольской литературе // Слово и мудрость Востока. Литература. Фольклор. Культура. К 60-летию акад. А. Б. Куделина. М., 2006. С. 295–301.

12. Монгольские рукописи на бересте из Российского государственного архива древних актов // Цэндийн Дамдинсүрэн: К 100-летию со дня рождения. М., 2008. С. 192–211. (В соавторстве с Р. Отгонбаатаром).

13. Легенда о Гэргэр-хане в монгольской письменной традиции // Цэндийн Дамдинсүрэн: К 100-летию со дня рождения. М., 2008. С. 315–341.

14. Литература // Монголия / Большая российская энциклопедия. Т. XX. М., 2012. С. 748–750.

15. Монгольские традиционные азбуки (конец XVI — начало XX века) // Проблемы современного образования. 2014. № 6. С. 104–118. <http://www.pmedu.ru/index.php/ru/>
16. Буддийский институт реинкарнаций как поле для политических спекуляций (по письменным и устным источникам монголов) // Страны и народы Востока. Т. XXXVI. М.: Наука–Восточная литература, 2015. С. 141–159.
17. Ламский фольклор монголов: легенды о свя-
тых ламах, божествах и святынях // *Genius Loci*.
Сборник статей в честь 75-летия С. Ю. Неклюдова.
М.: Издательство «Форум», 2016. С. 7–25.
18. Б. Я. Владимирцов в кругу востоковедов //
Б. Я. Владимирцов. Письма. Неизданное. М., 2016.
С. 3–22.
19. Заговоры от детского плача у монголов:
устные и письменные традиции // Вестник РГГУ
№ 12 (21). Научный журнал. Серия История. Фило-
логия. Культурология. Востоковедение». М., 2016.
С. 9–24. (В соавторстве с Р. Отгонбаатаром). 0,8 а.л.
20. The History of Tsam in Mongolia by the Abbot of
Gandan Monastery Ka-chu Erdenipel // *Oriental Studies*
(Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
Humanities of the Russian Academy of Sciences). 2018.
Vol. 37. Is. 3. P. 61–67.
21. Ксилографическое издание книг в столице
Северной Монголии Их-Хуре в XVII — начале XX в.
// *Восток (Oriens)*. 2018. № 5. С. 125–136.
22. Монгольское сочинение о гадании по при-
метам из собрания Рукописного фонда Института
восточных рукописей РАН // *Oriental Studies*. 2019.
№ 2. С. 263–278.
23. Дашдорж — лама-молитва (устные легенды
о магической силе священного слова) // *Фольклор:
структура, типология, семиотика*. 2019. Т. 2. № 3.
С. 31–44.
24. «Книжные» талисманы в повседневной жиз-
ни монголов (по двум коллекциям монгольских
рукописей) // *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 6.
P. 1632–1640.
25. Гадание по хулилам среди монголов //
Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 550–567.
26. Гадательные практики монголов // В кн.: Тек-
сты магии и магия текстов / Сост.: А. Б. Старостина,
А. А. Соловьева, О. М. Мазо, Е. В. Волчкова; науч.
ред.: И. С. Смирнов. М.: Издательский дом НИУ
ВШЭ, 2022. Гл. 12. С. 199–206.
27. «Устная история» в дневниках Ц. Дамдин-
сурэна // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 5. С. 1147–
1158.
28. Несколько замечаний о монгольских пере-
водах с тибетского языка // *Монголоведение*. 2023.
Т. 15. № 2. С. 271–286.

Использованная литература

<p>Дамдинсурэн 2008: Цэндийн Дамдинсурэн: К
100-летию со дня рождения [Tsendiin Damdinsuren:
On the 100th anniversary of his birth]. М., 2008.</p> | <p>Скородумова 2014: <i>Скородумова Л. Г. Анна
Дамдиновна Цендина (60 лет) [Anna Damdinovna
Tsendina (60 years old)]</i> // <i>Mongolica</i>. 2014. Т. 12.
С. 89–90.</p> |
|--|--|

ON THE ANNIVERSARY OF ANNA DAMDINOVNA TSENDINA

YANA D. LEMAN
HSE University

About the author: **Yana D. LEMAN**, Senior Lecturer, Faculty of Humanities, Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University (Moscow, Russian Federation) (yleman@mail.ru). ORCID: 0000-0002-9812-4049.

И. А. АЛИМОВ

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

«ДУН ЦЗИН МЭН ХУА ЛУ»: ВНЕШНИЙ И СТАРЫЙ ГОРОД

Статья посвящена уникальному китайскому сочинению XII в. «Дун цзин мэн хуа лу» Мэн Юань-лао, беспрецедентному в китайской истории письменному источнику комплексных сведений о городской жизни времени Северной Сун. Это вторая публикация из серии работ, посвященных «Дун цзин мэн хуа лу», включающая полный комментированный перевод частей «Внешний город Восточной столицы» и «Старый столичный город».

Ключевые слова: Китай X–XIII вв., эпоха Сун, китайский город, Мэн Юань-лао, «Дун цзин мэн хуа лу».

Об авторе: АЛИМОВ Игорь Александрович, доктор исторических наук, заведующий отделом Южной и Юго-Восточной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия) (alimov@pvest.org). ORCID 0000-0002-3235-8459.

© Алимов И. А., 2024

Настоящая работа является продолжением комментированного перевода сочинения Мэн Юань-лао (孟元老, XII в.) «Дун цзин мэн хуа лу» (東京夢華錄 «Записи снов о Хуа[суй] в Восточной столице»)¹. Данное сочинение, датированное 1147 г., представляет собой один из редких сунских текстов, где дано подробное описание восточной столицы империи — г. Бяньцзин 汴京 (совр. г. Кайфэн, пров. Хэнань). Это важнейший источник для реконструкции как внешнего облика сунского Кайфэна и его устройства — городских стен, кварталов, рынков и пр., так и собственно столичной жизни с ее нравами, обычаями и традициями. «Дун цзин мэн хуа лу» донесли до наших дней уникальные сведения о сунском Кайфэне, нигде больше не встречающиеся, что настоящим образом требует введения данного письменного памятника в широкий научный оборот. Ниже вниманию читателя предлагается комментированный перевод двух разделов «Дун

цзин мэн хуа лу» — «Дун ду вай чэн» (東都外城 «Внешний город Восточной столицы») и «Цзю цзин чэн» (舊京城 «Старый столичный город».

Внешний город Восточной столицы

Периметр стены Внешнего города Восточной столицы составляет сорок с лишним *ли*. Городской ров зовется Хулунхэ, он шириной в десять с лишним *чжанов* и по обоим [берегам] усажен тополями и ивами; тут [идет] белёная стена, [в ней] красные двери — проход запрещен. Предвратная стена трехъярусная, ворота [в ней] располагаются по бокам [от городских врат] и только у врат Наньсюньмэнь, Синьчжэнмэнь, Синьсунмэнь и Фэнцзюмэнь [предвратная стена] двухъярусная, а [ворота в ней] расположены строго напротив врат — ибо эти врата главные, через них проходит императорская дорога.

В южной стене Внешнего города врат трое: те, что [смотрят] строго на юг, зовутся Наньсюньмэнь, к востоку от них — врата Чэньчжоумэнь и рядом с ними шлюз, [через который

¹ Первая часть была опубликована в журнале «Mongolica» (см.: Алимов И. А. «Дун цзин мэн хуа лу»: предисловие // Mongolica. Т. XXVII. № 3. СПб., 2024. С. 44–49). Настоящий перевод выполнен по критическому тексту «Дун цзин мэн хуа лу», подготовленному профессором Хэйлунцзянского университета И Юн-вэнем (伊永文, р. 1950), см.: [Мэн Юань-лао, 2006. Т. 1. С. 1–25].

течет река] Цайхэ; к западу от них — врата Дайлоумэнь и рядом с ними тоже шлюз, [через который течет река] Цайхэ. Настоящее название реки Цайхэ — Хуэйминьхэ, но зовут [ее] Цайхэ, поскольку [река эта] течет через Цайчжоу.

В восточной стене врат четверо: те, что в южной части, зовутся Дуншуймэнь, Восточный шлюз, тут протекает река Бяньхэ, шлюз стоит на ее русле и у него железный створ, который с наступлением ночи опускается в воду; по обоим берегам [Бяньхэ] для прохода устроены особые ворота, и между угловыми воротами [в привратной стене] здесь от берега до берега сотня с лишним чжанов; следующие [врата] зовутся Синьсунмэнь; еще одни — Синьцаомэнь; а еще есть Дунбэйшуймэнь, Северо-восточный шлюз, и через него [течет река] Учжанхэ.

В западной стене врат четверо: те, что в южной части, зовутся Синьчжэнмэнь; следующие зовутся Сишуймэнь, Западный шлюз, через него [течет река] Бяньхэ; следующие зовутся Ваньшэнмэнь; еще одни — Гуцзымэнь; еще есть Сибэйшуймэнь, Северо-западный шлюз, тут течет река Цзиньшуйхэ.

В северной стене врат четверо: самые восточные зовутся Чэньцяомэнь (здесь была дорога, по которой прибывали посольства от Великого Ляо); следующие зовутся Фэнцюмэнь (тут следовал августейший [выезд] в северное предместье); следующие зовутся Синьсуаньцаомэнь; следующие зовутся Вэйчжоумэнь. (Все эти названия врат — просторечные, настоящие названия: для Сишуймэнь — Лицзэ[мэнь], Синьчжэнмэнь на самом деле — Шуньтяньмэнь, Гуцзымэнь на самом деле — Цзиньяомэнь).

Через каждые сто бу в стене Внешнего города устроены боевые выступы *мамянь* и оборонительные настилы, частым рядом идут [по верху стены] зубцы — [все это] поддерживается в постоянной готовности и издали выглядит очень внушительно.

Все казенные дороги в городе с обеих сторон обсажены вязами и ивами, дающими тень, через каждые двести бу устроены оборонительные склады, где хранится оружие для защиты [от врагов] престола, и двадцать отрядов *чжихуэй* пеших воинов ежедневно проводят

тренировки, а управляет этим специальная Канцелярия столичных укреплений.

Примечания. Известно, что во времена Чуньцю (春秋 770–476 до н. э.) на месте нынешнего Кайфэна располагалось поселение Сюнь 浚, получившее такое название от протекавшей к северу от него реки Сюньхэ; это было поселение городского типа, то есть обнесенное стеной. Китайскими археологами оно уверенно датируется периодом Чжаньго (戰國 475–221 до н. э.), когда в 363 г. до н. э. сюда была перенесена столица царства Вэй 魏; тогда поселение называлось Далян 大梁 и располагалось на территории, занимаемой северо-западной частью совр. г. Кайфэн, район Гулоу. Это был достаточно населенный и оживленный центр пересечения торговых путей, процветавший в течение ста тридцати с лишним лет, пока он не оказался затоплен в 225 г. до н. э. в ходе боевых действий, итогом которых стало уничтожение Вэй. При империи Западная Хань (漢 206 до н. э. — 25 н. э.) примерно в двадцати пяти километрах к юго-востоку от городища Даляна возникло областное поселение Чэньлю 陳留, и небольшой населенный пункт Сюньи 浚儀, сохранившийся на месте Даляна, оказался в его административном подчинении. В последующих военных мятежах и столкновениях земли эти сильно пострадали, и лишь при царстве Восточное Вэй (東魏 534–550) здесь была учреждена область Лянчжоу 梁州, позднее, в 576 г., при Северном Чжоу (北周 557–581), переименованная в Бяньчжоу 汴州. Когда Китай оказался объединен империей Суй (隋 581–618), Бяньчжоу довольно быстро вернул себе место важного торгового пункта страны, укрепившегося в танское время, когда административный статус его неоднократно менялся (так, в 756 г. Бяньчжоу стал административным центром генерал-губернаторства Хэнань 河南, включавшего в себя 13 военных округов, в 759 г. был подчинен другому генерал-губернаторству, в 762 г. статус генерал-губернаторства Хэнань был восстановлен и в подчинение Бяньчжоу были отданы 8 областей, и т. д.). Капитальная перестройка города Бяньчжоу была начата в 781 г. при генерал-губернаторе и по совместительству начальнике одноимен-

ной области, родиче правящего рода Ли Мяне (李勉, 717–788); в первую очередь это коснулось как раз Внешнего города, периметр стены которого в то время составлял более 20 *ли* (традиционная мера длины, в описываемое время — 559 м); именно в это время р. Бяньхэ стала протекать по территории города; правда, шлюзы в городской стене тогда сооружены еще не были. Шлюзы появились в 798 г., когда местным генерал-губернатором был назначен придворный сановник и министр Дун Цзинь (董晉, 723–799). В 907 г. в истории Кайфэна случилось важное событие: после падения империи Тан (唐 618–907) Чжу Вэнь (朱溫, он же 朱全忠 Чжу Цюань-чжун, 852–912), провозгласивший создание собственного владения Позднее Лян (後梁 907–923), издал указ о придании Бяньчжоу статуса восточной столицы своего государства (одновременно объявив г. Лоян 洛陽 западной столицей, а танская столица, г. Чанъань 長安, была низведена до уровня областного города). Впервые в китайской истории будущий Кайфэн стал столичным городом — правда, масштабную, приличествующую столице перестройку и последующее благоустройство города Чжу Вэнь предпринять не сумел, по причине чего большую часть времени проводил в Лояне, располагавшем статусными дворцовыми помещениями. Позднее, при уничтожившем Лян Позднем Тан (後唐 923–936), главная столица была перенесена в Лоян, но при Позднем Чжоу (後周 951–960) возвращена обратно. В 952 г. была начата масштабная реконструкция городских стен, продолжавшаяся с перерывами до 956 г., после чего периметр внешней стены составил 48 *ли* и 233 *бу* («шаг», традиционная мера длины, около полутора метров), т. е. примерно 27 км. Позднечжоуские владыки много сделали для благоустройства Кайфэна: например, были изданы указы, строго регламентирующие ширину главных улиц, в соответствии с которыми предприняли соответствующую перестройку, а сами улицы было велено обсадить деревьями; территория города увеличилась в несколько раз, была существенно улучшена его планировка. Известно, что после объединения страны империей Сун (宋 960–1279) при дворе имела место дис-

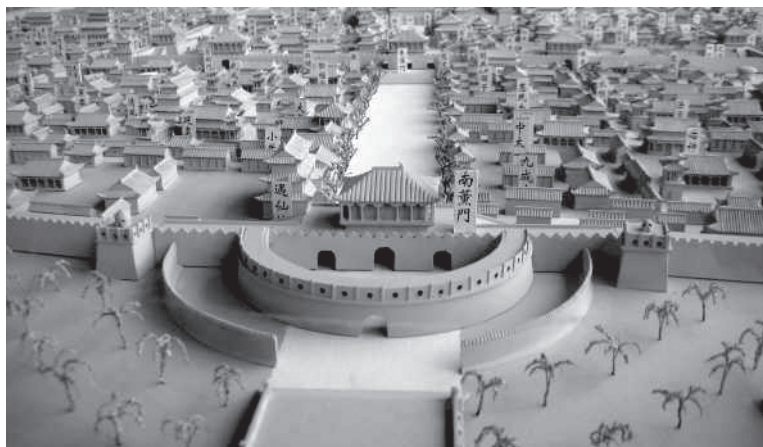
куссия по поводу того, где конкретно должна располагаться столица новой империи: император Тай-цзу (太祖, на троне 960–975) первоначально склонялся к тому, чтобы объявить главной столицей Лоян, однако приближенные убедили его остаться в Кайфэне; и так город стал столицей сунской империи. Официально столица называлась Дунцзин 東京, Восточная столица, но в письменных памятниках зафиксированы и иные названия: Дунду (東都, Восточная столица; значения иероглифов 京 и 都 в данном случае идентичны); Кайфэнфу 開封府, поскольку именно здесь располагался одноименный административный окружной центр; реже использовались исторические названия разных времен — Далян 大梁, Имэнь 夷門, Лянюань 梁苑. Современный исследователь Чжоу Бао-чжу (周寶珠, р. 1934) отмечает также распространенные названия Бяньцзин 汴京, Бяньду 汴都 и Бяньлян 汴梁, которые, вопреки существующему мнению о более позднем их происхождении, были вполне в ходу уже в сунское время, что вполне справедливо и подтверждается многочисленными примерами хотя бы из северосунских сборников бицзи (см.: [Чжоу Бао-чжу, 1999. С. 25–26]). К рассматриваемому времени Кайфэн сохранил трехчастную структуру — Внешний город Вайчэн 外城 (он же Синьчэн 新城, Новый город), Гочэн 國城 и Лочэн 羅城, одна из трех частей Кайфэна (Бяньляна), самая большая, в центре которой находился так называемый Внутренний или Императорский город, а уже в нем — Гунчэн 宮城, Дворцовый город, где обитала августейшая фамилия. Каждая из частей была окружена стеной. В ходе последующих войн внешняя городская стена, равно как и сам Кайфэн, подверглась существенным разрушениям, так что уже к началу правления империи Цин (清 1616–1911) прежний город оказался практически уничтожен, так что в настоящее время, если исключить письменные свидетельства старых текстов о сунском Кайфэне, мы располагаем лишь результатами трудов китайских археологов, с 1978 г. изучающих сохранившиеся остатки строений былой сунской столицы (подробнее см.: [Кайфэн каогу, 1998]).

Стена Внешнего города. — У Чжоу Ми (周密, 1232–1298) в «Гуй синь цза чжи» (癸辛雜識 «Разные записи с [улицы] Гуйсинь») сказано: «Стена внешнего города Бянь[цзин] построена во времена [Поздне]чжоуского Ши-цзуна (世宗, на троне 954–959. — И. А.), укрепена при [сунском] Шэнь-цзуне (神宗, на троне 1067–1085. — И. А.), — высотой до неба, прочно-надежная, могуче-крепкая» [Чжоу Ми, 2001. С. 5837]. По свидетельствам многочисленных источников, именно позднечжоуский Ши-цзун издал распоряжение о строительстве не только новой стены, но и об устройстве Внешнего города: «Синьчэн, Новый город, был выстроен по изданному в четвертой луне второго года под девизом правления Сянь-дэ (955) указу чжоуского Ши-цзуна; периметр его стены составил сорок восемь *ли* и двести тридцати три *бу*, назвали — Вайчэн, иначе Лочэн, а еще Синьчэн» [Чжао Лин-чжи, 2004. С. 93]. Такое решение было продиктовано как соображениями экономического характера, так и военными нуждами по укреплению обороноспособности столицы. Следует отметить: несмотря на то, что каждый сунский император предпринимал усилия для обновления и обустройства Внешнего города и окружающей его стены (например, в 1008, 1016–1018 и в 1023 гг.), именно при Шэнь-цзуне работы в этом направлении достигли наибольшего размаха и оказались самыми эффективными. С 1075 г. на таких ра-

ботах постоянно были задействованы свыше пяти тысяч человек, а все строительство завершилось три года спустя, в ознаменование чего у ворот Наньсюньмэнь 南薰門 была установлена каменная стела с соответствующей надписью, которую поручили составить императорскому советнику Сунь Чжу (孫洙, 1031–1079), однако он не успел закончить текст (умер), и за Сунь Чжу это сделал сменивший его на посту Ли Цин-чэнь (李清臣, 1032–1102).

Результаты работы китайских археологов подтверждают свидетельства сунских письменных памятников (например, «Тин ши» 程史 «Истории на столике») Юэ Кэ (岳珂, 1183–1240) о том, что стена Внешнего города в плане ближе всего походила на квадрат; стена была насыпная, из земли, высотой в среднем в 8,7 м, шириной до 4 м по верху и до 34,2 м у основания (см.: [Цю Ган, 1998-1. С. 146]). Это в общем и целом соответствует определению Чжоу Ми «прочно-надежная, могуче-крепкая». Тем более, что после предпринятой Шэнь-цзуну в 1075–1078 г. реконструкции и частичной перестройки, периметр внешней стены слегка увеличился и стал составлять пятьдесят *ли* и сто шестьдесят пять *бу* (29 с небольшим километров), средняя ширина у основания — около 20 м, высота — порядка 13,5 м [Цю Ган, 1998-1. С. 144].

Хулунхэ 護龍河, Река, защищаемая драконом. — Суммируя доступные свидетельства,

Илл. 1. Сунский Кайфэн.

Южные ворота Наньсюньмэнь. За мостом через ров расположена полукруглая предвратная стена, перед ней — вспомогательная (янмачэн). Современная реконструкция из открытых источников.

Чжоу Бао-чжу, считает, что есть основания полагать: данный ров в некоем виде (более узкий, не замыкающийся полностью вокруг городской стены) появился еще при Позднем Чжоу — как результат выемки грунта, необходимого для строительства городских укреплений; ров Хулунхэ совершенно определенно существовал в начале правления Сунн — в качестве намеренно созданного оборонительного рубежа, за которым в целях поддержания этой водной артерии в рабочем состоянии осуществлял надзор целый штат специальных чиновников; при дворе неоднократно возникали дискуссии относительно того, нужно ли делать ров Хулунхэ шире и как следует его содержать [Чжоу Бао-чжу, 1999. С. 49–52].

Чжан — традиционная мера длины, немногим более трех метров; т. е. в описываемое Юань Мэн-лао время ширина рва Хулунхэ составляла свыше тридцати пяти метров.

Предвратная стена — *вэнчэн* 瓮城 или *юэчэн* 月城 (оба названия восходят к предметам, формой напоминающим данную стену: кувшину и луне). Выстроенная полукругом (реже прямоугольником в плане; в таком случае называлась *фанчэн* 方城, где *фан* — «квадрат») оборонительная стена, обеспечивающая вратам дополнительную защиту. Первое регулярное описание предвратной стены содержится в «У цзин цзун яо» (武經總要 «Главное из трактата о военном деле», 1044 г.) Цзэн Гун-ляна (曾公亮, 998–1078) и Дин Ду (丁度, 990–1053), где в двенадцатой цзюани первой части говорится: «Предвратная стена, что за городской — или [полу]круглая, или квадратная; сооружают ее в зависимости от рельефа, высота и толщина ее — как у городской, но ворота только одни, сбоку, справа или слева — по обстоятельствам». Т. е. в предвратной стене также сооружались ворота, но для затруднения продвижения нападающих в город они располагались не строго напротив городских врат, а по бокам («У цзин цзун яо» не вводит строгого регламента, где именно: «по обстоятельствам»). Исключение, как видно из текста Юань Мэн-лао ниже, составляли главные врата в кайфэнской городской стене: Наньсюньмэнь, Синьжэнмэнь, Синьсунмэнь и Фэнцзюймэнь, в предвратных стенах перед

которыми ворота были «расположены строго напротив врат — ибо эти врата главные, через них проходит императорская дорога» (что видно на рисунке выше). Перед предвратной стеной сооружалась еще вспомогательная стена *янмачэн* (羊馬城, «стена для баранов и лошадей»), поскольку в мирное время приезжавшие в город крестьяне оставляли здесь скот), но, в отличие от предвратной, по высоте и толщине равной главной городской, эта стена была до 2 м толщиной и до 3 м высотой.

В южной стене Внешнего города врат трое... — К сожалению, от большинства городских врат сунского Кайфэна до наших дней дошли одни названия, и в этих названиях наличествует некоторая путаница, связанная как с неоднократным переименованием врат, так и с их простонародными названиями, существовавшими параллельно наравне с официальными и истоком имевшими расположенные неподалеку от определенных врат города, уезды и области. В сунском памятнике «Юй цзянь цзи ван» (愚見紀忘 «Что видел глупец: записи для памяти») сказано: «Врата, что в стене Внешнего города Бянь[цзина] — у их названий есть смысл. Вот Чжэнмэнь — оттого, что через них лежит путь в Чжэнчжоу, а Суаньцзаомэнь — оттого, что через них лежит путь в Яньцзинь, а это старый уезд Суаньцзаосянь. Только в названии Гуцзымэнь нет смысла...» (цит. по кн.: [Чжоу Чэн, 1988. С. 4]). Указанная путаница нашла отражение и в тексте Мэн Юань-лао, где в основном использованы неофициальные названия врат (там, например, сказано: «В западной стене врат четверо», — а на самом деле в этой стене полноценных врат трое и еще два шлюза; итого пять). В настоящее время исторические источники сообщают названия 21 врат и ворот-шлюзов, в разное время существовавших в стене Внешнего города; китайским археологам удалось обнаружить и обследовать остатки десяти из них; предполагаемые места расположения остальных находятся либо под территорией промышленных и иных важных объектов современного Кайфэна, либо под жилой застройкой, и для раскопа недоступны [Цю Ган, 1998-1. С. 146–147].

Наньсюньмэнь (南薰門 Врата южного ветра) — при Позднем Чжоу эти врата назывались Цзинфэнмэнь (景風門 Врата благодатного ветра); в девятой луне четвертого года под девизом правления Тай-пин син-го (979) был издан указ о переименовании их в Наньсюньмэнь (официальное название). Главные столичные врата — здесь брала начало Императорская дорога 御街, пересекавшая сунский Кайфэн с юга на север. Во вратах Наньсюньмэнь было три прохода: центральный, императорский, которым обычным людям пользоваться запрещалось, и по бокам от него два других — для всех прочих. Согласно данным Цю Гана (丘剛, р. 1956), *вэнчэн*, предвратная стена у Наньсюньмэнь в сунское время была скорее прямоугольной формы, протяженностью в 210 м и толщиной примерно в 15 м [Цю Ган, 1998-1. С. 147; Сунь Синь-минь, 1998. С. 151–152].

Синьчжэнмэнь (新鄭門 Новые врата на Чжэн[чжоу]) — при Поздней Чжоу назывались Инчуньмэнь (迎春門 Врата встречи весны); одновременно с Наньсюньмэнь врата были переименованы в Шуньтяньмэнь (順天門 Врата покорности воле Неба; официальное название), а в просторечии назывались Синьчжэнмэнь, поскольку именно отсюда начиналась прямая дорога на Чжэнчжоу. За этими вратами в столичном пригороде располагалось озеро Цзиньминчи 金明池, так что августейший выезд пользовался именно ими, отправляясь в разбитый вокруг озера парк. Цю Ган свидетельствует о схожести устройства *вэнчэн* этих врат и врат Наньсюньмэнь с той лишь разницей, что протяженность *вэнчэн* Синьчжэнмэнь составляла примерно 285 м [Цю Ган, 1998-1. С. 147].

Синьсунмэнь (新宋門 Новые сунские врата) — при Поздней Чжоу назывались Яньчуньмэнь (延春門 Врата вечной весны). В 979 г. трон даровал вратам название Чаоянмэнь (朝陽門 Врата утреннего солнца; официальное название), в просторечии врата назывались Синьсунмэнь.

Фэнцюмэнь (封丘門 Врата на Фэнцю) — И Юнь-вэнь (伊永文, р. 1950) обращает внимание на то, что врат с таким названием в сунском Кайфэне было несколько: одни в северной стене Внешнего города, вторые с востока;

другие — в северной стене Внутреннего города [Мэн Юань-лао, 2006. Т. 1. С. 6]. Чжоу Бао-чжу отождествляет эти врата с Цзинъянмэнь (景陽門 Цзинъянские врата; официальное название), в просторечии — Синьфэнцюмэнь 新封丘門, Новые врата на Фэнцю, видимо, для различения с одноименными вратами в стене Внутреннего города); при Позднем Чжоу они назывались Чанцзинмэнь (長景門 Врата прекрасных видов), а в 979 г. были переименованы в Цзинъянмэнь [Чжоу Бао-чжу, 1999. С. 48–49, 58]. Однако, цинский Чжоу Чэн (周城, кон. XVII — перв. пол. XVIII в.) в «Сун дун цзин као» (宋東京考 «Разыскания в Восточной сунской столице») сообщает, что это — врата Тунтяньмэнь (通天門 Врата, ведущие на Небо) (см. ниже), которые в начале годов под девизом правления Тянь-шэн (1023–1031) были ненадолго переименованы в Ниндэмэнь (寧德門 Врата умиротворяющей добродетели) [Чжоу Чэн, 1988. С. 1], но это, скорее всего, ошибка.

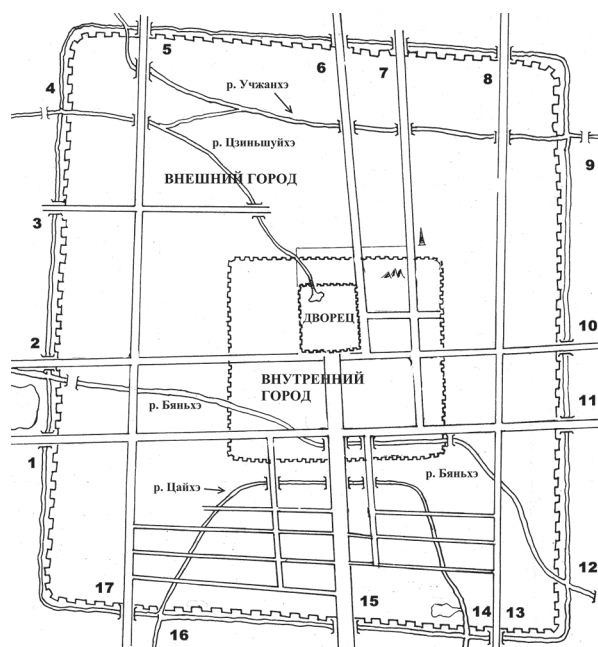
Чэньчжоумэнь (陳州門 Чэньчжоуские врата) — при Позднем Чжоу назывались Чжуминмэнь 朱明門; в 979 г. трон даровал вратам название Сюаньхуамэнь (宣化門 Врата всеобщего просвещения; официальное название), а в просторечии их называли Чэньчжоумэнь, поскольку в направлении области Чэньчжоу шла начинавшаяся у этих врат дорога.

Дайлоумэнь (戴樓門 Врата, несущие терем) — при Поздней Чжоу назывались Вэйцзинмэнь (畏景門 Врата летнего солнца); в 979 г. были переименованы в Аньшанмэнь (安上門 Врата умиротворения высших; официальное название), а в просторечии назывались именно Дайлоумэнь.

Цайчжоу — область, располагавшаяся в районе совр. г. Жунань пров. Хэнань.

Восточный шлюз 東水門 — Мэн Юань-лао перечисляет шесть ворот-шлюзов в стене Внешнего города: Восточный, Дуншуймэнь 東水門, Северо-восточный, Дунбэйшуймэнь 東北水門, Западный, Сишуймэнь 西水門, Северо-западный, Сибэйшуймэнь 西北水門, а также упоминает шлюзы рядом с воротами Чэньчжоумэнь и с воротами Дайлоумэнь, но не приводит их названий.

Самым примечательным среди этих шлюзов стоит считать Восточный, который, судя по описанию Мэн Юань-лао, представлял собой целый комплекс сооружений: «...шлюз стоит на ее (Бяньхэ. — И. А.) русле и у него железный створ, который с наступлением ночи опускается в воду, а по обоим берегам [Бяньхэ] для прохода устроены особые ворота». Чжоу Бао-чжу поясняет: на обоих берегах Бяньхэ действительно находились ворота — Шаншаньмэнь (上善門 Врата возвышения достойнейших) на южном и Тунцзиньмэнь (通津門 Врата перехода через реку) на северном. Сходная конструкция была и у Западного шлюза, где на берегах Бяньхэ располагались ворота Датунмэнь (大通門 Врата широкого пути) на южном бере-

Илл. 2. Северосунский Кайфэн.

Врата и шлюзы в стене Внешнего (Нового) города согласно Мэн Юань-лао:

1. Синьчжэнмэнь 新鄭門. 2. Ваньшэнмэнь 萬勝門 (и рядом с ними Западный шлюз 西水門).
3. Гуцзымэнь 固子門. 4. Северо-западный шлюз 西北水門. 5. Вэйчжоумэнь 衛州門. 6. Синьсуаньцаомэнь 新酸棗門. 7. Фэнцямэнь 新封丘門.
8. Чэньцяомэнь 陳橋門. 9. Северо-восточный шлюз 東北水門. 10. Синьцаомэнь 新曹門. 11. Синьсунмэнь 新宋門. 12. Восточный шлюз 東水門.
13. Чэньчжоумэнь 陳州門. 14. Шлюз Пуцзишуймэнь 普濟水門. 15. Наньсюньмэнь 南薰門. 16. Шлюз Гуанлишуймэнь 廣利水門. 17. Дайлоумэнь 戴樓門

гу и Сюаньцзэмэнь (宣澤門 Врата всеобъемлющего благодеяния) на северному берегу [Чжоу Бао-чжу, 1999. С. 48–49]. Современный китайский исследователь Вань Фан считает, что подобными вспомогательными воротами обладали также еще четыре шлюза [Вань Фан, 1992].

Известно, что Северо-восточный шлюз носил также название Шаньли шуймэнь (善利水門 Шлюз благой пользы), Северо-западный — Сяньфэн шуймэнь (咸丰水門 Шлюз всеобщего изобилия), а безымянные (по Мэн Юань-лао) шлюзы назывались Гуанли шуймэнь (廣利水門 Шлюз обширной пользы) у врат Дайлоумэнь и Пуцзи шуймэнь (普濟水門 Шлюз всевозможной помощи) у врат Чэньчжоумэнь. Мэн Юань-лао также не упоминает шлюз рядом с воротами Вэйчжоумэнь, а он назывался Шуйшунь шуймэнь (水順水門 Шлюз покорной воды).

Синьцаомэнь (新曹門 Новые цао[чжоуские] врата) — при Позднем Чжоу назывались Иньбинмэнь (寅兵門 Врата братьев-воинов); в 979 г., как и многим другим, трон даровал вратам название Ханьхуэймэнь (含輝門 Врата, таящие блеск; официальное название), а в просторечии они назывались Синьцаомэнь. Просторечное название восходит к названию области Цаочжоу 曹州 в Шаньдуне, дорога по направлению к которой брала начало у этих врат.

Ваньшэнмэнь (萬勝門 Ваньшэн[чжэньские] врата). — В 979 г. двор даровал этим вратам название Тунъюаньмэнь (通遠門 Врата проникновения в дали); в начале годов под девизом правления Тянь-шэн (1023–1031) название это было изменено на Кайюаньмэнь (開遠門 Врата, отворяющие дали; официальное название), а в просторечии врата назывались Ваньшэнмэнь. Известно, что при Позднем Чжоу эти врата в стене Внешнего города отсутствовали; видимо, их построили уже при Сун, — главным образом, для облегчения сообщения с Ваньшэнчжэнем, важным торговым и экономическим центром Хэнани того времени.

Гуцзымэнь (固子門 Врата-твердыня) — при Позднем Чжоу назывались Сучжэнмэнь (肅政門 Врата твердого правления), в 979 г. были переименованы в Цзиньяомэнь (金耀門

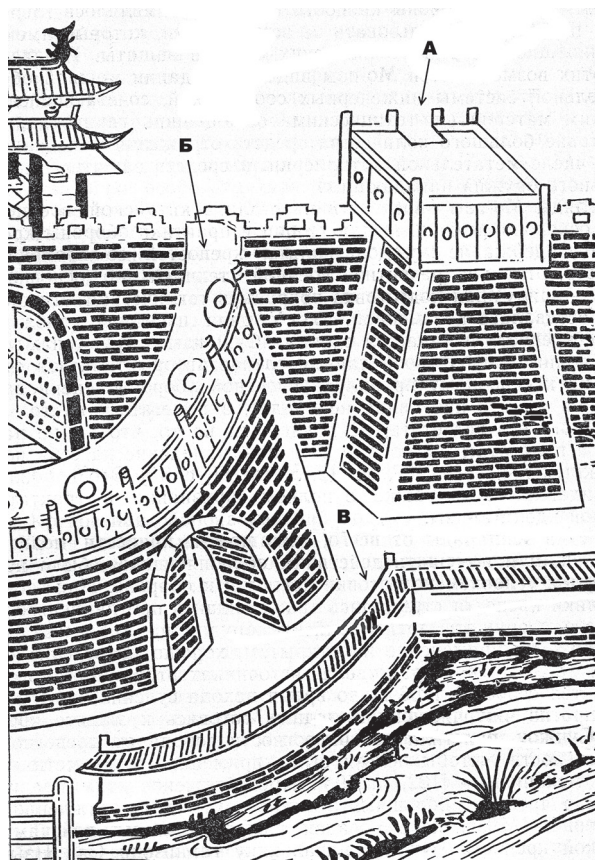
Врата золотого блеска; официальное название), а в просторечии назывались Гуцзымэнь.

Чэньцяомэнь (陳橋門 Врата у моста на Чэнь[чжоу]) — при Позднем Чжоу назывались Айцзинмэнь (愛景門 Врата прелестных видов) (или Лицзинмэнь 戾景門, Врата ближних видов), при Сун, в 979 г., были переименованы в Юнтаймэнь (永泰門 Врата вечной гармонии; официальное название). В просторечии назывались Чэньцяомэнь.

Великое Ляо — государственное образование киданей, в 916 г. основанное племенным вождем Елюй Абаоци (Апоки 耶律阿保極 872–926, Тай-цзу 太祖, на троне 916–926), получившее название Великое Ляо в 947 г. и уничтоженное чжурчжэнями в 1125 г. Кидани вторгались на китайские территории еще во времена заката танской империи; в период Пяти царств (五代 907–979) наследник Тай-цзу Елюй Дэ-гуан (耶律德光 902–947, Тай-цзун 太宗, на троне 927–947) вступил в 936 г. в союз с генерал-губернатором Позднего Тан Ши Цзин-таном (石敬瑭, 892–942), устроившим при его поддержке мятеж и основавшим собственное царство Поздняя Цзинь (後晉 936–946); в качестве благодарности за помощь Ши Цзин-тан передал киданям шестнадцать северных исконно китайских округов и стал титуловать Елюй Дэ-гуана отцом, признав себя его сыном (что, впрочем, в конечном итоге не спасло его царство от уничтожения тем же Елюй Дэ-гуаном). Собственно, из-за этих северных округов и произошли последующие военные столкновения киданей и китайцев: армия Позднего Чжоу (後周 951–960) небезуспешно пыталась отвоевать эти земли, затем сунская империя несколько раз пыталась сделать то же самое, но в 1004 г. потерпела поражение и заключила с Ляо унижительный мир, обязывавший ее выплачивать киданям значительную ежегодную дань.

Августейший [выезд] в северное предместье — для проведения ежегодных императорских жертвоприношений.

Синьсуаньцзаомэнь (新酸棗門 Новые врата, [где заросли] юйюбы) — при Позднем Чжоу назывались Сюаньдэмэнь (宣德門 Врата всеобъемлющей добродетели), в 979 г. получили официальное название Тунтяньмэнь

Илл. 3. А: боевой выступ мамынь; Б: предвратная стена; В: вспомогательная стена (перед ней — заполненный водой ров).

通天門, а в начале годов под девизом правления Тянь-шэн это название было изменено на Ниндэмэнь 寧德門. Позднее вратам вернули название Тунтяньмэнь.

Вэйчжоумэнь (衛州門 Врата, оберегающие область). — Такое название эти врата носили в начале правления Сун; в 979 г. трон даровал вратам название Аньсумэнь (安肅門 Врата умиротворяющего благоговения; официальное название).

Боевой выступ мамынь 馬面 — «лошадина морда», наружный выступ крепостной стены, отдаленный аналог бастиона. «Утолщения в теле стены в виде внешних выступов напоминали бастионы с фасадами по сторонам квадрата. Название, видимо, было дано за их форму, похожую на выступающую вперед и ближе всего расположенную к неприятелю морду лошади. В отличие от башен выступы мамынь не поднимались над стеной. На их

площадках сооружали навесы, боевые и сторожевые вышки, устанавливали стационарное метательное оружие. Официальные правила сооружения выступов *мамян* были введены лишь в 1075 г. по инициативе Шэнь Ко, который был активным сторонником их использования в крепостном сражении» [Школяр, 1980. С. 355]. У великого китайского энциклопедиста Шэнь Ко (沈括, 1031–1095) даже было специальное сочинение на эту тему — «Сю чэн фа ши тiao юэ» (修城法式條約 «Предписания относительно ремонта крепостей»); ныне оно утрачено, но косвенные свидетельства говорят о том, что в «Предписаниях» было две цзюани, а основное содержание отвечало названию, т. е. было посвящено главным образом сооружению городских укреплений; можно предположить, что некоторые фрагменты из сборника Шэнь Ко «Мэн си би тань» (夢溪筆談 «Записи бесед в Мэнси») отражают написанное в «Сю чэн фа ши тiao юэ». Например: «Городские стены там (в Яньчжоу. — И. А.) не очень толстые, зато *мамян* очень высокие. Я лично послал людей измерить [их], и оказалось — четыре чжана высоты (более 12 метров. — И. А.)... Если *мамян* высокие, то наступающих можно поражать из луков на подступах к городским стенам... Лучший способ — это не давать врагам приблизиться к городу» [Шэнь Ко, 1958. С. 121].

Чжихуэй 指揮 — воинское пехотное соединение, состоящее из пяти *ду* 都, сотен; иными словами — пятьсот пехотинцев. Во главе *чжихуэй* стоял *чжихуэйши*, ему полагался заместитель *фучжихуэйши*. В *чжихуэй* набирали людей в качестве исполнения трудовой повинности.

Канцелярия столичных укреплений — Сючжи цзинчэнсо 修治京城所, подразделение, находившееся в ведении Высшего военного совета (Шумиюань 樞密院) и занимавшееся поддержанием в надлежащем состоянии городских оборонительных сооружений и всем, что с ними связано.

Старый столичный город

Протяженность стены Старого города составляет чуть более двадцати *ли*. В южной части стены есть трое врат: те, что [смотрят] строго на юг, зовутся Чжуцяомэнь; те, что слева, зовутся Баоканмэнь; те, что справа, зовутся Синьмэнь. В восточной части стены есть трое врат: на южном берегу Бяньхэ, что течет с юга, есть угловые ворота, а те, что на ее северном берегу, зовутся Сунмэнь; следующие зовутся Цзюцаомэнь. В западной части стены есть трое врат: которые с юга, зовутся Цзючжэнмэнь; очередные — угловые ворота на северном берегу Бяньхэ; следующие зовутся Лянмэнь. В северной части стены есть трое врат: которые с востока, зовутся Цзюфэнцзюмэнь; очередные зовутся Цзинлунмэнь — они [помещаются] напротив находящегося в угловой части дворцового города дворца Баолугун; следующие зовутся Цзиньшуймэнь.

Примечания. Старый столичный город 舊京城 — он же Личэн 里城 Внутренний город, он же Цюэчэн 闕城, Преддворцовый город, был отстроен при танском генерал-губернаторе Ли Мянэ (строительство было начато в 781 г.) и представлял собой квадрат в плане. Протяженность стены составляла двадцать *ли* и сто пятьдесят *бу*, т. е. немногим меньше одиннадцати километров; в стене было двенадцать ворот. По сведениям китайских археологов, до наших дней сохранились остатки лишь двоих ворот — Чжуцяомэнь и западных угловых; от прочих дошли лишь названия [Цю Ган, 1998–2. С. 157].

Чжуцяомэнь (朱雀門 Врата божества Юга) — главные южные ворота. Самое старое название этих врат — Вэйшимэнь (尉氏門 Врата семейства Вэй); при Позднем Лян они были переименованы в Гаоминмэнь (高明門 Врата просвещенных умов), а при Позднем Цзинь — в Сюньфэнмэнь (薰風門 Врата благоуханного ветра). Официальное название Чжуцяомэнь получили высочайшим указом в 1012 г.

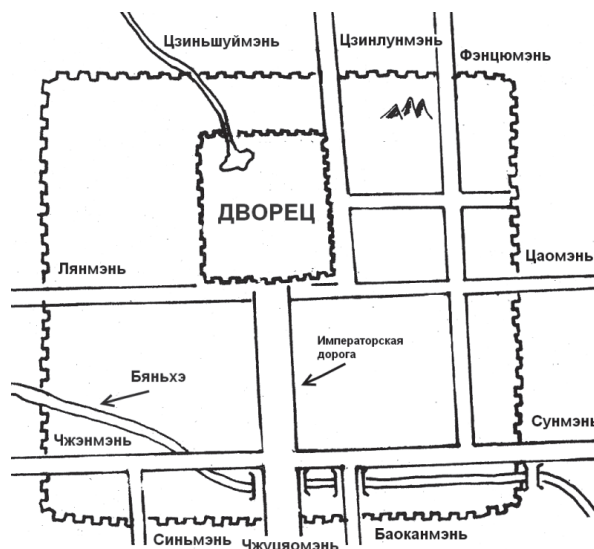
Баоканмэнь (保康門 Врата, хранящие мир). — Известно, что врата Баоканмэнь были отстроены лишь в 1012 г. по указу императора Чжэнь-цзуна (真宗, на троне 998–1022), когда была предпринята масштабная перестройка этого района, включавшая в себя среди прочего возведение нескольких новых мостов. Чжоу Бао-чжу отмечает также, что за воротами Баоканмэнь находилась резиденция видного раннесунского сановника Дин Вэя (丁謂, 966–1037), что, вне сомнения, придавало Баоканмэнь особую важность [Чжоу Бао-чжу, 1999. С. 41–42].

Синьмэнь (新門 Новые врата) — при Позднем Чжоу назывались Синлимэнь (興禮門 Врата благоденствия ритуалов), а при Сун были переименованы в 979 г. в Чунминмэнь (崇明門 Врата почитания мудрости; официальное название); в просторечии назывались Синьмэнь.

Угловые ворота (角門子 *цзяомэньцзы*) — по-видимому, значимого названия не имели и были сооружены исключительно для удобства (в первую очередь, государственных служащих). По крайней мере, в «Те вэй шань цун тань» (鐵圍山叢談 «Собрание рассказов с горы Тевэйшань») сунского Цай Тао, XII в.) сказано: «Зал Дациндянь — с запада самый ближний к Мишущэну, Императорской библиотеке, потому и самый ближний путь к угловым воротам [лежит] через галерею [этого] зала... Служащие Мишущэна, Императорской библиотеки, входят через угловые ворота и собираются во дворе зала Дациндянь... и возвращаются тем же порядком... Потому все сюэши, ученые мужи, и пользуются угловыми воротами, чтобы попасть к залу Дациндянь» [Цай Тао, 1997. С. 15].

Сунмэнь (宋門 Сунские врата) — при Позднем Лян назывались Гуаньхуамэнь (觀化門 Врата созерцания просвещения), при Позднем Цзинь — Жэньхэмэнь (仁和門 Врата человеколюбивой гармонии), при Сун были переименованы в 979 г. в Лицзинмэнь (麗景門 Врата замечательных видов; официальное название); в просторечии назывались Сунмэнь или Цзюсунмэнь (舊宋門 Старые сунские врата).

Цзюцаомэнь (舊曹門 Старые цао[чжоуские] врата) — при Позднем Лян это были врата Цзяньянмэнь (建陽門 Врата достиже-

Северосунский Кайфэн.
Врата в стене Внутреннего (Старого) города
согласно Юань Мэн-лао

ния света), при Позднем Цзинь — Инчумэнь (迎初門 Врата, обращенные к истокам), в начале правления династии Сун — Хэчжэнмэнь (和政門 Врата гармоничного правления), но в 979 г. последовал указ дать вратам официальное название Ванчуньмэнь (望春門 Врата ожидания весны). В просторечии эта врата называли Цаомэнь (曹門 Цао[чжоуские] врата), или Цзюцаомэнь.

Цзючжэнмэнь (舊鄭門 Старые чжэн[чжоуские] врата) — при Позднем Лян назывались Кайминмэнь (開明門 Врата чистой мудрости), при Позднем Цзинь — Цзиньтэмэнь (金義門 Врата драгоценной верности). В 979 г. сунский двор переименовал врата в Ицюмэнь (宜秋門 Врата любви к осени; официальное название), а в просторечии они звались Цзючжэнмэнь, или Чжэнмэнь (鄭門 Чжэн[чжоуские] врата).

Лянмэнь (梁門 Лянские врата) — при Позднем Лян назывались Цяньсянмэнь (乾象門 Врата небесных знамений), при Позднем Цзинь — Цяньминмэнь (乾明門 Врата совершенной мудрости), в начале правления династии Сун были названы Цяньцюмэнь (千秋門 Тысячелетние врата), но в 979 г. вышел указ о переименовании этих врат в Люйхэмэнь (閭闔門 Врата, закрывающие поселение), а немного позднее — в Лянмэнь.

Цзюфэнцзюмэнь (舊封丘門 Старые врата на Фэнцзю) — при Позднем Лян назывались Ханьхуэймэнь (含輝門 Врата, таящие блеск), при Позднем Цзинь — Сюаньянмэнь (宣陽門 Врата, обращенные к свету), в 979 г. сунский двор дал вратам официальное название Аньюаньмэнь (安遠門 Врата дальнего спокойствия), а в просторечии их называли Цзюфэнцзюмэнь, или Фэнцзюмэнь (封丘門 Врата на Фэнцзю).

Цзинлунмэнь (景龍門 Врата большого дракона) — при Позднем Лян назывались Синхэмэнь (興和門 Врата благоденствия гармонии), при Позднем Цзинь — Сюаньхуамэнь

(玄化門 Врата воспитания добром), в 979 г. получили официальное название Цзинлунмэнь. В просторечии звались Суаньцзюмэнь (酸棗門 Врата, [где заросли] юйюбы), или Цзюсуаньцзюмэнь (舊酸棗門, Старые врата, [где заросли] юйюбы).

Цзиньшуймэнь (金水門 Врата золотых вод) — при Позднем Лян назывались Дааньмэнь (大安門 Врата великого спокойствия). В 979 г. сунский двор переименовал врата в Тяньбомэнь (天波門 Врата небесных волн; официальное название); в просторечии они назывались Цзиньшуймэнь.

Использованная литература

Вань Фан, 1992: 萬方。北宋東京水門考 [Examination of Eastern Capital Water Gate in Northern Song] // 湘潭師範學院學報. 1992. № 4.

Кайфэн каогу, 1998: 開封考古發現與研究 [Kaifeng Archaeological Discovery and Research] / 丘剛主編. 鄭州, 1998.

Мэн Юань-лао, 2006: 孟元老。東京夢華錄箋注 [Records of Dreaming of Huaxu in the Eastern Capital with Notes and Comments] / 伊永文箋注. 北京, 2006. 1—2 册.

Сунь Синь-минь, 1998: 孫新民。略談北宋東京外城的興廢 [A brief discussion on the rise and fall of the outer city of Eastern Capital in the Northern Song] // 開封考古發現與研究. 鄭州, 1998.

Цай Тао, 1997: 蔡條。鐵圍山叢談 [A collection of talks from Tieweishan Mountain] / 馮惠民, 沈錫麟點校. 北京, 1997.

Цю Ган, 1998-1: 丘剛。北宋東京外城的城牆和城門 [The city walls and gates of the outer city of Eastern Capital in the Northern Song] // 開封考古發現與研究.

鄭州, 1998.

Цю Ган, 1998-2: 丘剛。北宋東京內城的勘探與測試 [Exploration and testing of the inner city of Eastern Capital in the Northern Song] // 開封考古發現與研究. 鄭州, 1998.

Чжао Лин-чжи, 2004: 趙令時。侯鯖錄 [Records of Princely Dishes] / 孔凡禮點校 // 侯鯖錄。墨客揮犀。續墨客揮犀. 北京, 2004.

Чжоу Бао-чжу, 1999: 周寶珠。宋代東京研究 [Research on Song Era Eastern Capital]. 開封, 1999.

Чжоу Ми, 2001: 周密。癸辛雜識 [Miscellaneous Records of gui-xin year] // 宋元筆記小說大觀. 上海, 2001. 第6 册.

Чжоу Чэн, 1988: 周城。宋東京考 [Research on Song Eastern Capital] / 單遠慕點校. 北京, 1988.

Школяр, 1980: Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия [Chinese pre-fire artillery]. М., 1980.

Шэнь Ко, 1958: 沈括。新校正夢溪筆談 [Newly correctional Talks with Brush in Mengxi] / 胡道靜校注. 北京, 1958.

«DONG JING MENG HUA LU»: OUTER AND OLD CITY

Igor A. ALIMOV

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS

The article is devoted to a unique Chinese work of the 12th century. «Dong jing meng yua lu» by Meng Yuan-lao is an unprecedented in Chinese history written source of comprehensive information about urban life during the Northern Song. It is the second publication in a series of works dedicated to «Dong jing meng yua lu». It includes a complete annotated translation of the description of the Outer and Old city.

Key words: China of the 10th-13th centuries, Song era, Chinese city, Meng Yuan-lao, «Dong jing meng yua lu».

About the author: **Igor A. ALIMOV**, Dr. Sci. (History), Head of East and South-East Asia Ethnography Department, Peter The Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (alimov@pvost.org). ORCID: 0000-0002-32358459.

И. О. СОВЕННИКОВА

РУССКОЕ КУПЕЧЕСТВО ЗАБАЙКАЛЬЯ И МОНГОЛИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИИ ОДНОГО РОДА)

Автор статьи осветила особенности проживания русского населения в Забайкальском крае вблизи русско-китайско-монгольской границы. Особое внимание уделено торговой деятельности начала XX в., взаимовыгодному обмену чаем, скотом, кожей, шерстью, мехом между Россией, Китаем и Монголией. Автор проследила историю создания и развития кяхтинской фирмы «Собенников и братья Молчановы», владевшей несколькими факториями в г. Алаша-ямынь (Дынь-юань-фу) в центре пустыни Алашань (Алашанская Гоби). Торговый дом принадлежал в то время хошутскому вану, зятю одного из императоров Цинской династии; он занимался обменом монгольского сырья, преимущественно верблюжьей шерсти, на русские товары: мануфактуру, скобяные и прочие изделия. Вести бизнес можно было только со знанием монгольского и китайского языков. Автор коснулась вопроса сходства привычек, вкусов, мировоззрения населения Забайкалья, Сибири и Монголии.

Ключевые слова: Кяхта, Китай, граница, торговля, русско-монгольские отношения, купцы, В. А. Собенников, И. А. Молчанов.

Об авторе: СОВЕННИКОВА Инна Оровна, независимый исследователь (Москва, Россия) (sobennikoff@mail.ru)

© Собенникова И. О., 2024

Тема русско-монгольских отношений многогранна благодаря взаимному интересу и тесному взаимодействию наших народов, о чем свидетельствуют документы, памятники материальной культуры и духовное наследие монгольского и русского народов. По берегам рек, протекающим по территории Бурятии — Чикоя, Джиды, Темника и Селенги, берущих свое начало в Монголии, издавна селились различные монгольские племена. Сохранились интересные предания и мифы о появлении в этом регионе географических названий, имеющих монгольское происхождение [Тимковский 1824. С. 163]. Забайкалье исторически является полиэтничным регионом, что обуславливает непрерывное взаимодействие этнических групп, населяющих его территорию. В настоящее время в нем проживает более 120 этносов [Жуков и др. 2012. С. 3–4]. История рода купцов Собенниковых представляет собой яркий пример того, как переплетались интересы русского и монгольского населения в Байкальском регионе.

В начале XVIII в. из Санкт-Петербурга в эти

края были сосланы для работы на Нерчинских рудниках в Забайкалье несколько моих предков. По окончании срока каторжных работ им пришлось из-за невозможности вернуться в Европейскую Россию обосноваться на реке Оронгой в Оронгойско-Хурамшинской долине. Со временем они вышли к реке Селенге, обзавелись хозяйством, взяв в жены местных селенгинских буряток, чей род считал себя потомками монголов с «чистейшей кровью чингисхановских-кхуктэ-монгол» [Поротов 1895. С. 14]. (Здесь, в селе Кибалино Иволгинского района Бурятии, по сей день проживает часть их потомства.)

Большинство из них покинули насиженные места и разъехались по Забайкалью. Некоторым же было суждено развивать с начала XIX в. торговые дела с Монголией через приграничную Кяхту и связанный с ней Троицкосавск. В нем и обосновались наши предки.

Монголия до 1911 г. входила в состав Цинского Китая, являясь одной из провинций этого государства. Долгое время русско-монгольские экономические связи зависели в ос-

новном от количества экспортируемого из Китая в Россию чая в обмен на меха. Баранья и верблюжья шерсть в то время практически не имели цены. После 1911 г. было достигнуто соглашение между Россией и Китаем, освобождающее российских подданных от пошлины на торговлю вдоль русско-монгольской границы на расстоянии 50 верст и в Монголии [Старцев 2003. С. 123]. Миллионные обороты в чайной торговле обогатили многих кяхтинцев, торговавших в Сибири.

Одна из таких фирм принадлежала моему деду, кяхтинскому купцу 1-й гильдии, городскому голове Троицкосавска в 1898–1901 гг. Василию Алексеевичу Собенникову (1861–1939; репрессирован) илл. 1 совместно с компаньонами — родным и двоюродным братьями его жены, бывшими старообрядцами Никоном Александровичем и Владимиром Николаеви-

Василий Алексеевич Собенников (1861–1939)

чем Молчановыми. Торговый дом (далее — ТД) «Собенников и бр. Молчановы» основан в 1890 г. с капиталом 150 тыс. рублей [ГАРБ].

В 1898 г. почти на самой границе с Монголией, неподалеку от Троицкосавска, в селе Верхние Дурёны компания ТД «Собенников и бр. Молчановы» организовала небольшой кожевенный завод с тремя мастерскими: сапожной, ичижной¹ и войлочно-катательной с 28 рабочими. В первые полгода завод выработал 4 тыс. кож разных сортов юфти (черной, красной, зеленой, белой, дубленой и подошвенной черной) [Даревская 1994. С. 36–37]. А в следующем году рассчитывали увеличить производство до 15 тыс. кож. По данным за 1910 год, на заводе работало 95 рабочих [Боголепов, Соболев 1911. С. 412].

Для местности, не имевшей других промышленных предприятий, этот завод давал возможность людям иметь постоянные заработки; и управление 1-го военного отдела Забайкальского казачьего войска ходатайствовало перед военным губернатором Забайкальской области о поощрении купца В. А. Собенникова орденом Св. Анны III степени в связи с тем, что его кожевенный завод приносит большую пользу казачьему населению [ГАЗК].

Поскольку в самой Монголии не существовало своего кожевенного производства, монголы закупали обработанные кожи у русских. Одним из основных поставщиков таких кож был кяхтинский завод Собенникова и его компаньонов. Отделанные около Кяхты кожи ввозились обратно в столицу Монголии Ургу, где масса китайцев-сапожников, шивших монгольские сапоги, скупала юфть по 12–15 руб. за большую кожу. Население называло эту кожу «кяхта». Выделанные кожи чаще не продавались за деньги, а обменивались на чай. Русская «Кяхта» была равноценна 16 кирпичным «чаям». В Урге у владельцев завода имелись специальные скупщики бычьих кож [Боголе-

¹ Ичижная мастерская — по изготовлению ичигов, легкой обуви в виде сапог с мягким носком и внутренним жестким задником. В Сибири, Бурятии, Забайкалье и на Дальнем Востоке были распространены ичиги, изготовленные из юфти — выделанной кожи из шкур крупного рогатого скота, конских, оленьих и свиных растительного дубления.

пов, Соболев 1911. С. 412]. В 1912 г. завод выработывал юфть, подошвенные товары и предметы обуви. Годовое производство на 1912 г. составляло 204 619 руб. [Список 1912. С. 332]. В настоящее время ничего не напоминает о существовании на этом месте крупного завода.

С 1902 г. кяхтинская фирма «Собенников и бр. Молчановы» владела несколькими факториями в г. Алаша-ямынь (Дынь-юань-фу) в центре пустыни Алашань («Алашанская Гоби»), принадлежавшей в то время хошутскому вану, зятю одного из императоров Цинской династии. ТД «Собенников и бр. Молчановы» занимался обменом монгольского сырья, преимущественно верблюжьей шерсти (5–10 тыс. пудов в год), на русские товары: мануфактуру, скобяные и прочие изделия. Вести бизнес можно было только со знанием монгольского и китайского языков. Управляющим ТД был Цокто Бадмажапов² [Кяхтинская торговая фирма 1993]. Принятая от монголов шерсть считалась «грязной», требовала мойки для ее вывоза в Россию. Для этого организовывались шерстомойки на запрудах рек. Вымытая шерсть сушилась на палках и высыхала за 5–6 дней [Боголепов, Соболев 1911. С. 280]. Это было очень трудоемкое и затратное занятие, поэтому кяхтинская фирма «Собенников и бр. Молчановы» продала свою мойку шерсти на реке Толе близ Урги известной бийской³ фирме «Стукен и К°» [Ладыгин 1902. С. 53].

Сокращение чайной торговли с Китаем освободило часть средств купеческого капитала,

и с 1906 г. фирма «Собенников и бр. Молчановы» вложила деньги в покупку самого крупного кожевенного завода Западной Сибири в Тюмени, поскольку к этому времени уже накопила опыт работы в этой сфере. В 1912 г. завод с 145 рабочими выработывал кож на 514 978 руб. [Список 1912. С. 332]. Работали в основном на монгольском сырье.

Реклама о деятельности фирмы помещалась в местных забайкальских газетах. В 1908 г. сообщалось: «Большой ассортимент чаев: байховый, цветочный, жемчужный и черный в боксах от 3 до 40 фунтов и развесной. Цены на байховый от 35 копеек за фунт и дороже» [Летопись Забайкалья 1908]. В этой же газете отмечалось, что на особом складе продается кожа подошвенная, юфтевая, чарошная⁴, сапожная. А также сафьяны⁵, ичиги, войлоки, клей столярный, веревка возовая⁶. Ежедневная газета «Забайкальская новь» в 1910 г. обещала «высокого достоинства чай, сахар головной и пиленный, кожи разные и кожевенные изделия своих заводов по умеренным ценам» [Забайкальская новь 1910].

Получение Монголии автономии в 1911 г. почти не сказалось на торговых отношениях между нашими странами. По-прежнему был разрешен льготный транзит чая через Кяхту, и его привозили в Россию из Китая, русские меха шли в Китай, шерсть и скот поступали в Россию из Монголии. Объем оборота увеличился [Старцев 2003. С. 186–187]. В феврале 1917 г. В. А. Собенниковым был утвержден устав «Акционерного общества кожевенного производства В. А. Собенникова в Тюмени» с основным капиталом 1,5 млн. рублей [РГИА]. В 1919 г. завод был национализирован.

Одной из фирм, снабжавшей Китай российской пушниной из Северо-Восточной Сибири, являлся ТД «А. и М. Молчановы и Быков», ос-

² Цогто Гармаевич Бадмажапов (1879–1937) — уроженец Забайкалья, из казачьего сословия кяхтинских бурят, знаток китайского, монгольского и русского языков. В качестве переводчика и проводника в чине старшего урядника участвовал в Монголо-Камской экспедиции (1899–1901) П. К. Козлова. Его описания и черновые наброски помогли П. К. Козлову в открытии Хара-Хото (монг. Черный город) — археологического памятника, представляющего собой развалины древнего тангутского города Эдзина в Алашани (Внутренняя Монголия, Китай). Расстрелян в 1937 г. по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре против МНР. Работал в кяхтинской торговой фирме «Собенников и бр. Молчановы» под начальством Базара Барадийна, бурятского ученого-востоковеда, государственного, общественного и литературного деятеля, одного из создателей бурятской письменности.

³ Бийск — город на Алтае.

⁴ Чарошная кожа — от «чарыки», вид традиционных сапог типа постолов (грубой обуви из целого куска кожи, стянутого сверху ремешком, или плетеных лаптей из лыка или веревок) на толстой подошве, которую кроили шире и длиннее ступни, загибали наверх и прошивали. Голенища кроили отдельно.

⁵ Сафьян — тонкая и мягкая козья или овечья кожа, специально выделанная и окрашенная в яркий цвет. Шел на производство дорогих книжных переплетов и сапог.

⁶ Веревка возовая — веревка для вожжей.

нованный в 1908 г. родственниками жены Собенникова — кяхтинскими купцами 1-й и 2-й гильдий Андреем Николаевичем и Михаилом Александровичем Молчановыми и китайским подданным Нью-Юканем (он же Быков). Этот ТД проработал до самой революции.

Торговля фирмы с Китаем шла через Кяхту, она относилась к торговле «высокими мехами». Главными потребителями поставляемой Молчановыми пушины являлся китайский Императорский двор и высшая буржуазия. Кроме Калгана (ныне г. Чжанцзякоу) фирма направляла свой пушной товар в Пекин, Шанхай и Ханькоу [Кушнарева 2017. С. 121].

Из этого же семейства Молчановых вышел и исследователь Сибири и Монголии Иннокентий Александрович Молчанов (1884–1945), действительный член Русского географического общества (с 1909 г.), профессор (с 1937 г.), доктор геолого-минералогических наук (с 1940 г.), участник Февральской революции, награжден орденом Трудового Красного Знамени (1944 г.). Работая геодезистом, Молчанов вел в Монголии съемку золотоносных площадей Кентейского хребта, в 1907–1909 гг. собирал геологический материал, который позже был опубликован в виде научных статей о геологическом строении северо-западных районов Монголии в «Известиях Русского географического общества». Крупный ученый-геолог, профессор И. А. Молчанов был знатоком бурятского и монгольского языков, а также месторождений золота, цветных металлов, рудных месторождений Сибири и Монголии. Он оставил 83 научные работы, не потерявшие своего значения и до наших дней [Закадры 1976].

Монголию, как правило, знали и любили все русские, родившиеся в приграничной полосе. Монгольский мир, окружавший их с самого детства, был им родным и понятным. Жители Кяхты и Троицкосавска приветствовали открытие Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества в 1895 г. Одним из первых председателей его был В. А. Собенников, все члены его семьи являлись членами этого Общества. На заседаниях

с докладами о монголах и Монголии помимо профессиональных ученых выступали представители купечества, основным занятием которых были производство товаров и торговля с Монголией. Они становились членами ИРГО, начинали заниматься научными изысканиями, издавать собственные книги. Так, купеческий сын Г. М. Осокин выпустил книгу «На границе Монголии», содержащую очерки и материалы по этнографии юго-западного Забайкалья [Осокин 1906].

При ИРГО имелся музей, который в XIX — начале XX в. пополнялся благодаря просвещенному местному купечеству интересными экспонатами азиатского происхождения. Так, от них поступили: коллекция атрибутов буддийского погребения, модели китайских судов, предметы культа кочевых народов, предметы из могил — мундштуки, кольца, рукоятки от сабель с золотой инкрустацией, полированные зеркала с украшениями китайской работы и многое другое, о чем есть соответствующие записи в Трудах ИРГО за разные годы. В музее был богатый отдел антропологии, он хранил находки юго-западного Забайкалья, причем некоторые из них причислялись к самым древним из найденных в Сибири. Ряд антропологических артефактов позволял сделать предположение о сходстве расовых признаков людей, живших в Сибири, с жителями Алеутских островов [Труды 1905. С. 36–37, 40].

С Монголией была связана вся жизнь моего отца, Ора Васильевича Собенникова (1898–1968), неоднократно подвергавшегося репрессиям, младшего сына купца Василия Алексеевича Собенникова. Сохранились воспоминания школьного друга отца, который в 1910 г. писал, что тот «в классе под шумок пускает китайские и монгольские словечки, неизвестно, что обозначающие» [Веденяпин 2014. С. 464–465]. Подобные «словечки» он употреблял всю жизнь.

Запомнилось мне, какое сильное влияние на отца оказал буддизм, который воспринимался тогда многими русскими как монгольская вера в перерождение душ. Несмотря на православное крещение, он был убежден в том, что после перерождения вновь вернется на землю. Мон-

гольские начало имела и такая отцовская привычка, которая мне вспоминается: когда мы долго не виделись, он подходил сзади и глубоко вдыхал мой запах. Обнюхивание монголами друг друга при встрече в качестве приветствия имеет давнюю традицию и сохраняется до сих пор.

Большинство детей Забайкалья рождается с так называемым «монгольским пятном»⁷.

Имели его в детстве и мои родные, что воспринималось ими как еще одно доказательство нашей близости с монголами. Они полагали, что наличие этого пятна у русских старожилов Забайкалья, имевших сибирские корни, говорит о более близком родстве русских и монголов, чем это принято считать. Мои предки были уверены, что этот феномен еще ждет своих исследователей.

Архивы

ГАРБ — Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 261. Оп. 1. Д. 615. Л. 3. Извещение об открытии Торгового дома «Собенников и бр. Молчановы». 24 июля 1890 г.

ГАЗК — Государственный архив Забайкальского края. Ф. 1 общ. Оп. 1. Д. 3803. Л. 2.

РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 23. Оп. 13. Д. 910. Л. 2, 8, 10, 14, 31.

Использованная литература

Боголепов, Соболев 1911: *Боголепов М. И., Соболев М. Н.* Очерки русско-монгольской торговли: Экспедиция в Монголию [Essays on Russian-Mongolian trade: An Expedition to Mongolia 1910 г.]. Томск, 1911.

Веденяпин 2014: *Веденяпин Г. В.* Семейная летопись: Воспоминания [Family Chronicle: Memories]. М., 2014.

Даревская 1994: *Даревская Е. М.* Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — нач. XX в. [Essays on Russian-Mongolian Relations in the late 19th — early 20th Centuries] / Науч. ред. В. В. Свинин. Иркутск, 1994.

Жуков и др. 2012: *Жуков А. В., Баринов И. А., Фомина М. Н., Кондакова Н. С., Соловьева Н. А., Меркушина Я. С.* История и культура народов Забайкальского края: музейно-выставочный комплекс ЗабГУ [History and Culture of The Peoples of The Transbaikalian Territory: Museum and Exhibition Complex of ZSU]. М., 2012.

Забайкальская новь 1910: Забайкальская новь [News of the Trans-Baikal region]. Чита, 1910. № 756.

За кадры 1976: За кадры [The struggle for person-nel]. 1976. 9 июня.

Кушнарева 2017: *Кушнарева М. Д.* Пушная торговля в Северо-Восточной Сибири в переписке представителей фирм с крупным капиталом во второй половине XIX — начале XX в. [Fur Trade in North-Eastern Siberia in the Correspondence of Representatives of Firms with large Capital in the second Half of the 19th — early 20th Centuries]. Иркутск, 2017.

Кяхтинская торговая фирма 1993: Кяхтинская торговая фирма в Алашани [Kyakhtinskaya trading company in Alashani] // Ленинское знамя. Улан-Удэ, 1993. № 58.

Ладыгин 1902: *Ладыгин В. Ф.* Некоторые данные о положении торговли в Ганьсу, Тибете и Монголии, собранные во время экспедиции 1899–1902 гг., снаряженной имп. Русским геогр. общ. в Центральную Азию [Some Data on the State of Trade in Gansu, Tibet and Mongolia, collected during the Expedition of 1899–1902, equipped by the Imperial Russian Geographical Society to Central Asia]. [Отд. оттиск]. СПб., 1902.

Летопись Забайкалья 1908: Летопись Забайкалья. [Chronicle of Transbaikalia]. Чита, 1908. № 1–2.

Осокин 1906: *Осокин Г. М.* «На границе Монголии»: Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья [“On the Border of Mongolia”: Essays and Materials for the Ethnography of Southwestern Transbaikalia]. СПб., 1906. 304 с. (Репринт. переизд.: М., 2013).

Поротов 1895: *Поротов М. Т.* К антропологии бурят. Буряты-аларцы [Towards the anthropology of the Buryats. Buryat-Alars]. Дис. на степень доктора медицины. СПб., 1895.

⁷ «Монгольское пятно» (мед. врожденный дермальный меланоцитоз) — разновидность родимого пятна, напоминающая синяк. Проявляется в первый год жизни новорожденного в виде синеватого пятна (иногда серого, зеленоватого или черного) в области поясницы из-за залегания пигмента меланина. Это не опасно и исчезает к пятилетнему возрасту. В редких случаях сохраняется на всю жизнь. Термин «монгольское пятно» введен в науку в 1885 г. немецким профессором Э. фон Бельцем (Baelz; 1849–1913), личным врачом японской императорской семьи и одним из основателей современной западной медицины в Японии. Подобные пятна впервые описаны у новорожденных монголоидов (отсюда и название), хотя встречаются и у детей других рас, включая европейцев.

Список 1912: Список фабрик и заводов Российской империи [List of Fctories and plants of the Russian Empire]. СПб., 1912.

Старцев 2003: *Старцев А. В.* Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX — нач. XX в.) [Russian Trade in Mongolia (second Half of the 19th — early 20th Senturies)]. Барнаул, 2003.

Тимковский 1824: *Тимковский Е. Ф.* Путешествие в Китай через Монголию, в 1820 и 1821 годах [Jour-

ney to China via Mongolia, in 1820 and 1821]. Ч. 3. Возвращение в Россию и взгляд на Монголию [Return to Russia and a look at Mongolia]. СПб., 1824.

Труды 1905: Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского Отдела ИРГО [Works of the Troitskosavsk-Kyakhta Branch of the Primorsky Department of the Imperial Russian Geographical Society]. 1904. Т. 7. Вып. 2. СПб., 1905.

RUSSIAN MERCHANTS OF TRANSBAIKAL AND MONGOLIA (BASED ON THE MATERIALS OF THE HISTORY OF ONE FAMILY)

Inna O. SOBENNIKOVA

The article highlights the peculiarities of the residence of Russian population in the Trans-Baikal Territory. Special attention is paid to the trade activities of the early 20th century, the mutually beneficial exchange of tea, cattle, leather, wool, fur — between Russia, China and Mongolia. The author traces the history of the creation and development of the Kyakhta “Sobennikov and the Molchanov Brothers” company, which owned several factories in the city of Alasha-iamyn (Melon-yuan-fu) in the center of the Alashan desert (Alashan Gobi). At that time the trading house belonged to Khoshut wang, the son-in-law of one of the emperors of the Qing dynasty; he was engaged in the exchange of Mongolian raw materials, mainly camel wool, for Russian goods: manufactory, hardware and other products. It was possible to conduct business only with knowledge of Mongolian and Chinese languages. The author addresses the issue of similarity of habits, tastes, and worldview of the population of Transbaikal, Siberia, and Mongolia.

Key words: Kyakhta, China, border, trading, Russian-Mongolian relations, merchants, V. A. Sobennikov, I. A. Molchanov.

About the author: **Inna O. SOBENNIKOVA**, independent researcher (Moscow, Russian Federation) (sobennikoff@mail.ru).

Ю. А. ИОАННЕСЯН
Институт восточных рукописей РАН

Л. Ф. БОГДАНОВ / Л. С. ДУГИН — НЕЗАУРЯДНЫЙ ИРАНИСТ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ПЕРЕВОДЧИК

Целью данной статьи является освещение этапов биографии и выборочный обзор трудов русского и французского востоковеда и дипломата, выпускника Петербургского университета Л. Богданова, прожившего большую часть жизни в эмиграции и внесшего ценный вклад как в иранистику, так и в популяризацию достижений русской школы востоковедения за пределами России. В работе использованы материалы из Архива ИВР РАН и рассматриваются основные работы ученого.

Ключевые слова: иранистика, иранская диалектология, история востоковедения.

Об авторе: Иоаннесян Юлий Аркадьевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Сектора Среднего Востока Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (youli19@gmail.com). ORCID 0000-0003-2936-1128.

© Иоаннесян Ю. А., 2024

Среди русских востоковедов, разбросанных по свету судьбой после большевистской революции, был Леонид Федосеевич (Феодосеевич) Богданов, сменивший после получения французского гражданства фамилию и имя на Леонид Станислас Дугин, автор работ по Персии, персидской в широком смысле диалектологии и суфизму, один из фондообразователей рукописной коллекции Азиатского Музея (ныне ИВР РАН). Сведений о его биографии немного, их приходилось собирать по крупицам. Главными (но не единственными) источниками для данной статьи, в которой мы кратко осветим основные этапы жизни и деятельности Богданова, а также сделаем выборочный обзор его важнейших работ, послужили некролог об этом ученом и фонд В. Ф. Минорского² из Ар-

хива востоковедов ИВР РАН, включающий и переписку Богданова с Минорским с 1920 по 1931 гг. Последний в материалах от 13.09.1923 г. из указанного архива характеризует Богданова следующим образом: «Богданов замечательный лингвист..., мистик» [АВ ИВР РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 347].

Дату рождения ученого нам удалось найти на фотографии его могилы: 22.02.1881 г. Этот же год указан и в некрологе. Известно, что он учился в Петербургском университете. В приписке к письму Богданова от 22.01.1923 г. говорится: «Богданов — ученик Жуковского и Залемана»³ [Там же. Оп. 3. Ед. хр. 501. Л. 16⁴].

¹ Автор выражает искреннюю благодарность за помощь при работе над статьей сотрудникам Архива востоковедов (далее — АВ) ИВР РАН и отдельно Е. Ю. Янушкевич и Е. П. Лекаревой.

² Владимир Федорович Минорский (1877–1966) — известный русский востоковед и дипломат, исследователь Персии и Закавказья, курдовед. Служил в представительствах МИД России в Персии и Турции. После революции эмигрировал из страны.

³ Валентин Алексеевич Жуковский (1858–1918) — крупный русский востоковед-иранист, член-корреспондент Петербургской АН, профессор Петербургского университета, автор исследований в области персидского языка и литературы, фольклора, этнографии и истории Ирана. Карл Германович Залеман (1860–1916) — известный российский филолог-иранист, академик Петербургской АН, директор Азиатского музея АН (1890–1916).

⁴ Пагинация в архивной папке с этой перепиской путанная, единая нумерация страниц отсутствует, в ряде случаев нам придется указывать номер листа пометой «Л.», в других — номер страницы конкретного письма: «С.».

Он сам говорит о себе в одной из статей, что в 1901 г. он был студентом профессора В. А. Жуковского⁵ [Dugin, 1943. Р. 319]. По окончании Университета он преподавал на курсах востоковедения в Петербурге/Петрограде. Об этом свидетельствует не только запись в архиве Минорского, но и выпущенная Богдановым книга. Так, в архивных материалах говорится: «В качестве переводчика французской миссии в Кабуле посланник Фуше взял Л. Ф. Богданова, бывшего преподавателя курсов востоковедения в Петрограде, потом служащего в Учетно-Ссудном Банке Персии, потом в предприятиях Хоштарии⁶, потом Миссии в Тегеране и т. д.» [АВ ИВР РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 347]. Однако, судя по некоторым данным, Богданов длительно пребывал в Персии как минимум дважды, так как в его монографии о Персии, вышедшей в Петербурге в 1909 г., говорится, что она представляет собой курс публичных лекций автора, прочитанных в 1907/08 академическом году в Обществе Востоковедения на основе сведений, полученных во время трехлетнего пребывания в Персии [Богданов, 1909. С. I, II]. Был ли на момент выхода книги ее автор действующим преподавателем Университета или нет, мы достоверно сказать не можем, но на обложке он представлен как «Преподаватель Курсов Востоковедения». С другой стороны, 1907–1909 гг. входят в период, в который Богданов присылал рукописи в Азиатский Музей. Так, О. Ф. Акимускин пишет: «Нельзя не отметить здесь собирательскую деятельность питомца Восточного факультета служащего Русско-персидского учетно-ссудного банка в Тегеране Л. Ф. Богданова, который, руководствуясь письмами К. Г. Залемана, с 1904 по 1914 г. приобрел для Музея 246 рукописей, преимущественно персидских»⁷. Как явствует из этого указания, рукописи присылались из Персии. Сам Богданов в статье, рассматриваемой ниже, говорит, что

афганский садовник работал в его саду в Тегеране в 1907 г. [Bogdanov, 1930. Р. 1]. Налицо противоречие. С одной стороны, Богданов на момент чтения лекций в Обществе Востоковедения в 1907/8 г. и выхода книги в 1909 г. уже должен был провести три года в Персии, так как лекции и книга основаны на собранных им во время поездки сведениях, с другой стороны, с 1904 по 1914 г. он присылал в Азиатский Музей рукописи из Персии и имел садовника в Тегеране в 1907 г. Логический выход из этого противоречия один — Богданов бывал в Персии неоднократно, как минимум дважды — один раз приблизительно до середины 1907 г., второй раз — после 1908 г. В интервале между этими поездками, в 1907–1908 академическом году он был в Петербурге и читал лекции. В Русской дипломатической миссии в Тегеране Богданов служил до момента своего переезда в Индию, который произошел после 1920 г. А вот на какой период приходится его служба в Учетно-Ссудном Банке Персии, предшествовавшая его работе в Миссии, наши источники точного ответа не дают.

Из писем Богданова Минорскому следует, что после победы большевистской революции в Петрограде сотрудники Миссии еще несколько лет оставались лояльными прежнему режиму и продолжали исполнять свои функции. Но после прибытия в Миссию нового штата уже советских работников часть прежних сотрудников перешла на сторону большевиков. Богданов же покидает Персию и переезжает в Индию. Связан ли этот переезд с политическими изменениями или нет, мы точно сказать не можем, так как Богданов избегает в переписке с Минорским обсуждения политических вопросов. Возможно также, что его письма с политической тематикой, если таковые были, просто не попали в АВ ИВР РАН по идеологическим соображениям. При всех случаях, есть основания утверждать, что политика явилась не единственным мотивом для переезда в Индию.

В своих письмах от 9/22.10 и 12/25.10.1920 г. Богданов очень просит Минорского помочь ему с получением должности в Индии, куда он намерен переехать непременно для серьезных занятий санскритом, уйдя со службы в Миссии в

⁵ Все трое видных иранистов преподавали тогда в Санкт-Петербургском университете, и Богданов вполне мог считаться учеником их троих.

⁶ По поводу «Хоштарии» у нас ясности нет.

⁷ О. Ф. Акимускин. К истории формирования фонда мусульманских рукописей. <http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=content&task=view&id=1406> (Дата обращения: 02.11.2024).

Тегеране [АВ ИВР РАН. Оп. 3. Ед. хр. 501. С. 2–3, 8–9⁸]. Письмо от 12/25.10.1920 г. еще отправлено из Тегерана. Оно в некотором смысле проливает свет на интересы Богданова. Так, он пишет: «Теперь я стал старше и слишком много занимался за последние годы теософией, чтобы не суметь проявить в отношении Гильда⁹ той кротости, которая мне подобает...» [Там же. Ед. хр. 501. С. 12]. А письмо от 28.07.1921 г. уже выслано из г. Бомбея в Индии за подписью «L. Bogdanov» [Там же. С. 1]. Следовательно, его переезд в Индию состоялся на временном отрезке между концом 1920 г. и серединой 1921 г., что вполне соответствует и указанию Минорского в архивных материалах от 13.09.1923 г.: «После 1920 г. Богданов жил в Индии, зарабатывал деньги переводами» [Там же. Оп. 1. Ед. хр. 347]. В упомянутом выше своем первом письме из Индии Минорскому из архива ИВР РАН сам Богданов пишет: «Кое-что заработал: две мои статьи по персидским вопросам были напечатаны в “Advocate of India”» [Там же. Оп. 3. Ед. хр. 501. С. 2]. Далее он продолжает: «Сейчас я работаю над тарджи‘бендом¹⁰ Хâтифа Исфâхânû¹¹... Сообщите, что имеется о Хâтифе в Парижской библиотеке? <...> Если Вам понадобятся какие-либо справки о здешних библиотеках (“Molla Firooz Library” и “Bombay Branch R.A.S.”), я почти себя счастливым быть Вам полезным <...> Посланное на днях на Ваш адрес письмо не откажите в любезности срочно переслать Степану Георгиевичу Лианозову» [Там же. С. 6–7].

В материалах из архива от 13.09.1923 г. Минорский пишет: «В последнее время [Богданов] состоял преподавателем персидского языка в университете Рабиндраната Тагора» [Там же. Оп. 1. Ед. хр. 347]. Университет находится в г. Шантиникетан (Западная Бенгалия). Сам Богданов так описывает свою преподавательскую деятельность в письме от 22.01.1923 г.¹²:

«...Я вернулся, наконец, к преподавательской, если не вполне научной деятельности Santiniketan — «ашрама» («пустынь», «обитель») Рабиндранат Тагора, который пригласил меня в недавно основанный им здесь индоевропейский Университет читать персидскую словесность. Профессора арабского здесь пока нет, нет также и лектора по персидскому языку, так что приходится быть «homme à-tout-faire»¹³: читать курс арабской грамматики, преподавать персидскую каллиграфию и т. д. ...» [Там же. Оп. 3. Ед. хр. 501. Л. 16]. Далее он продолжает: «Вы поймете, как я счастлив, что могу, хотя и несовершенно, отдалиться работе по своему любимому предмету, да при этом, еще живая в атмосфере мыслей великого Поэта¹⁴ и в ежедневном с ним общении. Santiniketan находится в 3–4 верстах от линии железной дороги, здесь имеется собственная почтово-телеграфная К-ра (мой телеграфный адрес: Bogdanov Santiniketan), небольшая кооперативная лавка...» [Там же. Л. 17]. По тону письма видно, что его автор полон энтузиазма. Это подтверждается и следующими строками из того же письма: «Пожизненный Канцлер (Chancellor) Ин-та сам Поэт; Вице-Канцлер — шотландец С. F. Andrews (эллинист, магистр Кембриджского Ун-та, однокашник Э. Г. Броуна¹⁵) <...> Климат здесь прекрасный (это в 175 верстах к северо-западу от Калькутты) <...> У меня пока только 9 лекций в неделю, так как до сих пор до меня персидский язык не читался, и имеется только I курс» [Там же. Л. 17–18]. Будучи возвращенным российской школой востоковедения, Богданов просит Минорского прислать ему труды своих бывших русских коллег: «Не представлялось ли бы возможным приобрести в Париже словарь к хрестоматии и Корану В. Гиргаса? Его же хрестоматию ч. I и II? «Жизнь и Речи» и «Тайны Единения» Абу Саїда?¹⁶... Особенно необходимо было бы мне «Человек и Познание у персидских мистиков» (актовая речь В. А. Жуковского)» [Там же. Л. 16].

⁸ Эти два письма объединены общей нумерацией страниц.

⁹ Сокращенный вариант фамилии его начальника — Гильдебрандта.

¹⁰ Тарджибанд — строфическая форма восточной поэзии.

¹¹ Видный поэт XVIII в.

¹² Письмо подписано следующим образом: «From L. Bogdanov, e/o The Viswa-Bharati University, Santiniketan P.O. Beerbhum, Bengal, India».

¹³ Мастером на все руки (франц.).

¹⁴ Очевидно, подразумевается Рабиндранат Тагор.

¹⁵ Эдвард Гранвилл Браун (E. G. Browne, 1862–1926) — видный британский востоковед.

¹⁶ См.: Жизнь и речи..., 1899 и Тайны единения..., 1899.

Следующее по хронологии письмо из архива переносит нас в 30-е годы и датировано 27.07.1931 г. [Там же. Л. 19]¹⁷. Оно отослано из Калькутты и в ней примечателен адрес, указанный Богдановым для направляемых ему писем:

M. L. Bogdanov
aux bons soins du¹⁸
Consulat général de France,
18 B, Park Street,
Calcutta
India

Иными словами, Богданов, хотя по-прежнему находится в Индии, но просит направлять ему письма через французское консульство. Минорский пишет: «В качестве переводчика французской миссии в Кабуле посланник Фуше взял Л. Ф. Богданова, бывшего преподавателя курсов востоковедения в Петрограде» [Там же. Оп. 1. Ед. хр. 347]. В некрологе о Богданове утверждается, что «Он был переводчиком во французской миссии в Кабуле в 1923–7 годах¹⁹, после чего он вернулся в Университет Тагора. В 1932 г. он получил французское гражданство и сменил фамилию на Дугин»²⁰ [Frye, 1946. P. 278]. Временной перерыв в архивных письмах Богданова Минорскому, вероятно, и объясняется нахождением Богданова с 1923 г. по 1927 г. в Кабуле. Письмо же от 1931 г. из Калькутты, всего за год до получения им французского гражданства, возможно, свидетельствует, что и там он уже пребывал в качестве сотрудника французской миссии. Однако и здесь, в новом качестве Богданов о своих научных интересах не забывал. Так, в указанном письме он выражает интерес к среднеиранским языкам, а в письме от 02.12.1931 г. также из Калькутты он пишет: «Надеюсь, что Вам удастся выяснить положение моих „Contes du Perroquet“ (Сказ-

ки попугая. — Ю. И.) у Genthner’a, чтобы я мог понять, чего мне ожидать от этого странного издательства <...> Кроме письма, я послал Вам отдельным пакетом экземпляр отдельного оттиска моего перевода статьи Ф. А. Розенберга²¹ «О вине и пирах в персидской национальной Эпопее» и экземпляр 2-го издания моего перевода „Das iranische Nationalepos“ Noeldeke...»²² [АВ ИВР РАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 501. Л. 20]. «Contes du Perroquet» — это дидактические рассказы *Тутти-наме* «Сказки попугая», на персидском тексте которых взросло не одно поколение ленинградских и петербургских иранистов [См. Сказки попугая..., 1887]. Французский перевод Богданова этих рассказов также вышел в 1938 г. (см. ниже).

Это письмо явилось последним из архива Минорского. Как говорится в некрологе, он продолжал лекционную деятельность в Университете Калькутты в период 1932–41 гг., а с 1941 г. и до своей смерти исполнял обязанности консульского атташе во французской дипломатической миссии в Кабуле, Афганистан²³ [Frye, 1946. P. 278]. Богданов ушел из жизни 12.09.1945 г. и похоронен на Британском кладбище в Кабуле. Имеется фотография его могилы с православным крестом.

Прежде чем перейти к выборочному обзору главных работ ученого, укажем, что их относительная малочисленность никак не умаляет их достоинства. Начнем с его монографии (пособия для слушателей курсов востоковедения): «Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном положении», изданной в 1909 г. В книге приводятся ценные сведения по регионам Персии, ее населению, обычаям, религиозному разнообразию и т. д., почерпнутые автором во время пребывания в этой стране. Отдельную значимость имеют пространные пассажи о но-

¹⁷ Это, предшествующее и последующее письмо имеют единую нумерацию листов.

¹⁸ Просьба передать через...

¹⁹ С этой информацией совпадает и указание самого Богданова в его статье, о которой речь пойдет ниже, что он находился в Кабуле с сентября 1923 г. по ноябрь 1927 г. [Bogdanov, 1930. P. 1].

²⁰ He was, an interpreter in the French Legation in Kabul 1923–7, after which time he returned to Tagore’s University. In 1932 he was naturalized as a French citizen, and changed his last name to Dugin».

²¹ Федор (Фридрих) Александрович Розенберг (1867–1934) — российский и советский востоковед-иранист, член-корреспондент АН СССР.

²² Теодор Нёльдеке (нем. Theodor Nöldeke, 1836–1930) — немецкий ориенталист, автор работ по семитологии, арабистике, иранистике, тюркологии.

²³ He was a lecturer in Persian in Calcutta University in 1932–41. From 1941 till the time of his death he was acting consular attache in the French Legation, Kabul, Afghanistan.

вых религиозных феноменах — бабизме и вере бахаи [Богданов, 1909. С. 54–59], на чем мы остановимся подробнее.

Большое место в данной работе уделено обоснованию независимого характера бабизма и религии бахаи. Так, Богданов пишет: «Учение бабидов сравнительно настолько недавнего происхождения, что критическая оценка этого учения вряд ли возможна даже и для лица более знакомого с ним, чем я. Постараюсь, поэтому, лишь вкратце изложить факты и рассказать в немногих словах, как произошла и развилась эта новая и самостоятельная религия, которую некоторые исследователи считают почему-то обновлением ислама, или, что еще рискованнее, одной из его сект» [Богданов, 1909. С. 54–55]. Богданов даже полемизирует с известным знатоком религии бахаи того времени А. Г. Туманским, считая, что тот недостаточно четко и последовательно определял новый религиозный феномен как независимую религию: «Даже такой знаток бабизма, как А. Г. Туманский, в своем введении к изданной им „Китабе Акдес“, пытаясь быть осторожным в своих положениях, говорит: „Мы не можем, строго говоря, ту религиозную революцию, из которой родился нео-бабизм, назвать эпохой возникновения новой-религии, так как именно термин „религия“ еще несколько рискованно приурочивать к тому учению...» [Там же. С. 55]. И далее Богданов приводит вполне справедливые доводы: «То, совершенно случайное, обстоятельство, что бабизм возник в исламской стране, еще не дает нам права считать его за реформу ислама. Никто, конечно, не будет отрицать, что реформой, в широком смысле этого слова, можно назвать всякую религию, вытесняющую более раннее вероучение, если только основное представление о божестве будет одно и то же у обеих, иными словами религия политеистическая не может быть названа реформой какого-бы то ни было учения, основным догматом которого является монотеизм, и наоборот. С этой точки зрения, христианство может быть названо реформой иудейства, но ислам не есть реформа сабеизма. С другой стороны, хотя Мухаммедом и были положены в основу его вероучения некоторые

догматы христианства и иудейства, тем не менее, ни один безпристрастный исследователь не сочтет возможным назвать ислам реформой в тесном смысле слова, той или другой из этих религий. Точно так же и бабизм, хотя и возник в прямом и переносном смысле на исламской почве, должен быть признан реформой религии вообще, а не какого-либо одного религиозного учения, будь то ислам или христианство, т. е. другими словами, новой, самостоятельной религией, на что указывает отчасти и явившаяся потребность в новых вероучительных книгах: не будь их, — бабизм можно было бы, пожалуй, считать реформой ислама в тесном смысле, т. е. новой исламской сектой» [Там же]. «То обстоятельство, что Туманский считает нужным прилагать к бабизму критерий „христианской морали“, уже ясно показывает, что он сам считает бабизм самостоятельной религией» — заключает Богданов [Там же].

Контекст не всегда позволяет нам понять, когда Богданов говорит о бабизме как таковом, а когда он подразумевает возникшую на его почве религию бахаи или их вместе, поскольку в его время термин «бабизм» мог прилагаться к обоим этим тесно связанным между собой явлениям, как и «бабиды» могли означать последователей и того, и другого. Четкая дифференциация в употреблении обозначений «бабизм», «бабиды» и «бахаи» появилась в России и в СССР несколько позже. Вот, что, в частности, Богданов пишет о Бабе: «это был молодой человек, получивший тщательное богословское образование²⁴, знакомый с философией и со священными книгами гебров. Будучи весьма молодым, он совершил паломничество в Мекку и, после своего возвращения оттуда, еще ревностнее занялся вопросами философии и религии. Мало-помалу его знания и его красноречие собрали вокруг него небольшой кружок друзей, которые стали затем его последователями. Первой книгой, которую он написал, был комментарий на XII суру Корана. Многие из его

²⁴ Здесь Богданов неточен. Баб богословского образования не имел, его готовили к карьере торговца, которым он изначально и стал.

выводов и своеобразное понимание этой суры возбудили в его слушателях глубокий интерес. Популярность его возрастала с каждым днем. Где бы он ни появился, всюду у него находились слушатели, жадно внимавшие его проповедям, в которых порядком доставалось духовенству. Муллам это очень не нравилось, и лучшие диалектики и богословы из них стали вступать с ним в словопрения, которые, однако, всегда кончались их полным посрамлением» [Богданов, 1909. С. 55]. Далее автор сообщает: «и в конце концов было запрещено Бабу выходить из своего дома, а духовенству вступать с ним в словопрения. Мирза Али Мухаммед покорился приказу, но никто не мешал его ученикам проповедывать новую религию по всей Персии» [Там же. С. 56].

После освещения некоторых вех бабидской истории, включая казнь Баба, Богданов переходит к религии бахаи и ее основателю — Бахаулле. И в данной области автор выказывает немалые знания, излагая последовательно события, связанные с зарождением этой религии и ее дальнейшим развитием. Он упоминает ряд ее основных Писаний: *Китаб-и-Агдас* (*Наисвятая Книга*), *Китаб-и-Иган* (*Книга несомненности*), *Алвах-и-Салатин* (*Послания к царям*). Так, говоря о г. Акке, в которую в итоге был сослан Бахаулла османскими властями, Богданов пишет: «Отсюда Бахаулла написал свои знаменитые *الواح سلاطين* т. е. „послания к царям“: Насир-ед-Дин шаху, султану, королеве Виктории, Наполеону III и Александру II. Эти послания ясно показывают, что Беха²⁵ считает себя не реформатором ислама, а пророком, призванным создать новую всемирную религию, сделать всех людей братьями, уничтожить границы государств и дать всем людям один общий язык, который он предлагал выбрать из существующих уже языков» [Богданов, 1909. С. 57].

Говоря о перспективах новой религии, Богданов пишет: «Что касается ее будущего, трудно сказать что-либо заранее, хотя быстрые успехи бехаизма в Америке, — где, кажется насчитывается до 2-х тысяч прозелитов,

Франции, — где тоже есть бехаисты, могли-бы, кажется, служить некоторым подтверждением жизнеспособности нового учения» [Богданов, 1909. С. 58]. Останавливается Богданов и на численности бахаи и последователей главного противника Бахаулла в бабидской среде Мирзы Йахьи (Азаля) — эзелитов: «Секта эзели²⁶ мало-помалу угасает; так в Тегеране мне пришлось встретить только одного господина, про которого говорили, что он эзели, да и это не удалось проверить. Бехаистов же по всей Персии великое множество» [Там же. С. 57].

Самим бахаи Богданов дает следующую характеристику: «Мне неоднократно приходилось беседовать с бехаистами... поэтому, хотя я и не могу никоим образом претендовать на осведомленность в вопросах бабидского богословия, тем не менее я слегка знаком с внешней, по крайней мере, стороной этой новой религии. Говоря о самих бехаистах, могу только сказать, что это люди неутомимой энергии, в высшей степени честные и представляющие собою весьма дружную общину. Они претендуют на мировое значение бехаизма, и вот почему я с уверенностью говорю, что это не секта ислама, а вполне самостоятельная религия» [Богданов, 1909. С. 57–58]. Далее он продолжает: «я далеко не принадлежу к апологетам бехаизма, но должен по справедливости сказать, что красноречие и диалектические способности бехаистов меня очень изумляли, а их знакомство с Кораном, Библией и Евангелием, а еще более их манера толковать некоторые места указанных книг просто поразительны» [Там же. С. 58].

В завершение этой части невозможно не отметить то поразительное обстоятельство, что на заре изучения бабизма и религии бахаи в России и на Западе Богданов уже обладал столь точными и полными сведениями о них.

Пространный очерк Богданова «*Stray notes on Kābuli Persian*» [Bogdanov, 1930] явился крупным шагом в изучении афгано-персидского языка (дари) и выявлении его специфики. Работа посвящена фонетике, грамматике и лексике дари в сравнении персидским язы-

²⁵ Т. е. Бахаулла.

²⁶ Т. е. эзелитов.

ком Ирана. В ней отсутствует дифференциация книжно-литературного и устного языков, а также просторечия и местных говоров. Едва ли можно ставить автору это в вину с учетом того, что, хотя у него и были предшественники в изучении афгано-персидского (например, Мирза Мухаммад Хасан Катиль из Индии, которому мы уделили особое внимание в отдельной статье [См.: Иоаннесян, 2024]), никто из европейских исследователей до Богданова не концентрировался так внимательно на особенностях дари. Поэтому, его можно признать пионером в данной области среди европейцев. Этим объясняются и неизбежно допущенные им отдельные ошибки в суждениях и выводах.

Несмотря на то, что Богданов не всегда оперировал удачными примерами, поскольку не мог или не считал необходимым собирать их в процессе полевых исследований, ему удалось четко определить линии, по которым проходят наиболее существенные различия между афгано-персидским и персидским языком Ирана, в чем и состоит вклад Богданова в будущую классификацию говоров языков персидского, дари и таджикского и значение его труда, сохраняющего свою ценность и поныне. Отмеченные различительные линии охватывают фонетику, морфологию и лексику. В этой работе и проявились блестящие способности Богданова как лингвиста, о чем писал еще Минорский (см. выше), а также прекрасное владение персидским (в широком смысле) языком. Ценным представляется замечание Богданова о тенденции к замене в живой речи в дари *ô* гласным *и*, однако утверждение того же по отношению к *ê* и *і* применительно к кабульскому диалекту и большинству говоров Афганистана (кроме северо-западных) является мало обоснованным [Bogdanov, 1930. Р. 6]. Но выше уже отмечалось, что автор не делал различия между местными диалектами. Безусловным вкладом в лексикологию кабульского диалекта служит словарь с пояснением семантической специфики слов в сопоставлении с персидским языком Ирана. И здесь Богданов, возможно, сам не ведая, шел по стопам упомянутого уже Мирзы Мухаммада Хасана Катили (см. выше).

Трудно согласиться с Р. Фархади, охарактеризовавшим в предисловии к своей монографии очерк Богданова как «список лексических и грамматических ошибок, которые он (Богданов. — Ю. И.), к несчастью, считал „особенностью“» [Фархади, 1974. С. 11]. При такой характеристике неизбежно возникает вопрос, что такое «ошибка» в речи носителей языка или диалекта и не отражает ли она специфики местного диалекта? Однако в словах Фархади есть и некоторая доля истины. Богданов собирал свой материал преимущественно из печатных, т. е. письменных источников и «живой стихии» обыденного языка дариязычных афганцев, видимо, глубоко не знал. Эта особая приверженность к письменным памятникам в диалектологии может приводить к отрицательным последствиям. Только этим обстоятельством можно объяснить практически абсурдное утверждение автора, что язык *Табакат ас-суфийа* великого раннесредневекового персидского поэта из Герата Ансари есть «тот самый язык, на котором действительно говорят в наши дни в Афганистане»²⁷ [Bogdanov, 1930. Р. 1]. Правда, язык указанного памятника отражает некоторые черты гератского диалекта своего времени, сохранившиеся в нем и поныне [Иоаннесян, 2015]. Однако, как показали исследования, сам гератский диалект лингвистически имеет весьма относительную связь с афгано-персидским языком и, если и может быть причислен к его говорам, то исключительно по политическому признаку, поскольку на нем говорят на территории Афганистана. Сам же этот диалект входит в хорасанскую группу персидских диалектов, отличных от говоров афгано-таджикской группы, к которой принадлежат диалекты центрального и северного Афганистана, т. е. собственно диалекты дари. Исследования в данной области появились намного позже Богданова, и он указанных нюансов не знал.

Богданов рассказывает в начале статьи о первых встречах с афганцами в его жизни, что пробудило его интерес к афгано-персидскому языку. Это произошло в августе 1923 г., когда

²⁷ Cp. the language actually spoken in our days in Afghanistan.

он прибыл в г. Пешавар на пути в Кабул. Именно тогда, по его собственному выражению, он стал «подозревать, с каким диалектом ему придется иметь дело в ближайшие четыре года» [Bogdanov, 1930. Р. 1]. Не имея возможности опереться на работы предшественников, в вопросе определения особенностей афгано-персидского он должен был преимущественно рассчитывать на собственные силы, практически начав его изучение с нуля [Там же. Р. 2]. Несмотря на не всегда репрезентативные примеры в его статье и некоторые ошибочные или спорные суждения автора в основном в частных вопросах, работа Богданова, тем не менее, в целом представляла собой существенный прорыв не только в исследовании одного языка дари. В ней Богданов фактически создал теоретическую базу и выделил критерии для будущей классификации диалектных групп единого массива близкородственных языков — персидского, дари и таджикского. Эти обстоятельства лишь высвечивают ценность его труда.

В 1943 г.²⁸ вышла еще одна работа нашего автора, посвященная известному сочинению персидского раннесредневекового суфийского мыслителя Худжвири *Каишф ал-махджуб* («Раскрытие скрытого за завесой»): “The Kashfu-l-Mahjūb of Abū-l-Hasan ‘Alī al-Jullābī”. Примечательно, что на этот раз Богданов уже выступает как Л. С. Дугин (L. S. Dugin)²⁹. Подтверждение того, что Богданов и Дугин — одно лицо, имеется в тексте самой работы. Так, в двух примечаниях автор отсылает читателя к рассмотренному нами выше Очерку по кабульскому диалекту, называя его «своим» [Dugin, 1943. Р. 328, N. 6; Р. 363, N. 7]³⁰.

Худжвири, полное имя которого, как оно приведено в Предисловии В. А. Жуковского к изданному им персидскому тексту сочинения, Абу-л-Хасан Али б. Осман б. Аби-Али ал-Джуллаби ал-Худжвири ал-Газневи, был одним из выдающихся теоретиков суфизма

XI в. н. э. и происходил, как указывает Жуковский, «из самой восточной части хорасанской области, города Газны» [Раскрытие скрытого за завесой, 1926. С. 1]. В данном его труде, служащем одним из наиболее авторитетных источников по суфизму, освещаются «путь» суфиев и сущность их «подвигов»³¹, объясняются их вероучения и речения, указания и намерения и др. концептуальные положения, такие как познание Бога, единство Бога, очищение, покаяние, молитва, любовь вообще и любовь Бога к святым³² и святых к Богу и т. п. [Там же. С. 11–12].

Статья Дугина (Богданова) четко разделяется на две части. Первая — это анализ и описание существовавших на тот момент изданий текста сочинения Худжвири и его переводов. Вторая — английский перевод лингвистической части Предисловия Жуковского, в которой последний делает обзор языковых особенностей памятника. Этот обзор особенно ценен, так как расширяет наши знания в области новоперсидского языка на достаточно ранней стадии его существования, а также отчасти персидской диалектологии в диахроническом аспекте.

В первой части Дугин скрупулезно перечисляет издания памятника и его переводы с краткой характеристикой каждого, наиболее подробно останавливаясь на упомянутом нами выше труде своего учителя — Жуковского. Здесь уместно отметить, что хотя этот первый раздел статьи и является оригинальной частью всей работы, именно во втором разделе раскрывается блестящий талант Богданова-Дугина как лингвиста и переводчика. Сам он указывает, что «автор этих строк решил буквально перевести все, что Жуковский хотел сказать»³³ о языке *Каишф ал-Махджуб*, отмечая в сносках отдельные случаи, в которых он (Дугин. — Ю. И.) оказался бессильным поделить [с читателем] взглядами великого ученого Жуков-

²⁸ Том, в котором опубликована эта работа, за 1942 г., но на обложке указан 1943 г.

²⁹ В некрологе содержится расшифровка этих инициалов: Leonidas Stanislas Dugin [Frye 1946. Р. 278].

³⁰ Ср.: «v. my ‘Stray Notes on Kābuli Persian’...», «See for that my ‘Stray Notes on Kābuli Persian’...».

³¹ Т.е. подвигов в мистическом смысле.

³² В современных отечественных исследованиях вместо слова «святой» в суфийском контексте обычно употребляют «избранник Божий» и некоторые другие термины.

³³ Букв.: имел сказать.

ского...»³⁴ [Dugin, 1943. Р. 326]. Помимо этой цели Дугин, несомненно, выполнял еще и благородную миссию ознакомления зарубежных, прежде всего западных коллег с достижениями русской школы востоковедения, о которых они порой даже в наш век всеобщих коммуникаций имеют весьма смутное представление.

Комментарии Дугина интересны и ценны. Не рассматривая здесь отдельные примеры из его перевода лингвистических особенностей языка сочинения, остановимся лишь на одном комментарии, в котором переводчик выдвигает оригинальную, сколь и спорную гипотезу. Так, возражая Жуковскому в том, что многие черты языка *Каиф ал-Махджуб* представляют собой особенности и архаизмы, Дугин пишет: «Однако с того момента, как я предпринял изучение того вида персидского языка, который используется в настоящее время в Афганистане, я пришел к твердому убеждению, что многие из этих особенностей, обычно считающихся архаизмами, таковыми не являются и не подчинены фактору времени, но относятся к определенной местности, а именно к большой полосе территорий, простирающихся от Бухары и Самарканда до пределов Индии и включающих сегодняшний Хорасан и Афганистан. Другими словами, эти 'особенности' носят географический характер, а не исторический» [Dugin, 1943. Р. 362–363]. Эта гипотеза, безусловно, интересна, но ее принятие сопряжено с рядом трудностей. В ней не учитывается тот факт, что в сложении языка классической персидской литературы принимали участие поэты, писатели и мыслители — выходцы из разных областей огромного единого персоязычного пространства от пределов нынешнего Ирака и Южного Кавказа до северо-западной Индии и от Персидского Залива до территорий к северу от современного Туркменистана и городов Самарканда и Бухары. И хотя влияние диалектов Хорасана, куда входил и регион нынешнего Афганистана (восточный Хорасан), на нормы ранне-новоперсидского языка, несомненно, должно было иметь место хотя бы из-за того, что великое множество, если не

большинство персидских поэтов и богословов происходило из Хорасана, после того, как этот язык сложился, сформировались единые его каноны и лексика для всего указанного географического пространства. Поэты и философы (за редким исключением) не писали на местных диалектах, а использовали эту единую литературную форму новоперсидского языка. Поэтому, независимо от того, из какого региона изначально пришли в этот язык те или иные грамматические конструкции и лексика, они в итоге сделались всеобщим достоянием литературы соответствующего жанра и могли появиться в трудах любого грамотного человека, писавшего по-персидски, независимо от места его происхождения³⁵. О диалектном делении той эпохи мы почти ничего не знаем, однако с синхронной точки зрения объединение всего Хорасана, включая западный, с Афганистаном в лингвистическом отношении не основано на реальности.

Далее Дугин продолжает: «Я думаю, что я определенно доказал в другом месте идентичность (identity) таджикского языка Бухары не только разговорному языку сегодняшнего Афганистана, но и 'старому языку Герата', как он представлен в *Табакат ас-суфийа*» [Dugin, 1943. Р. 363]. Под «другим местом» автор подразумевает свой Очерк («Stray notes on Kābulī Persian», см. выше). О недопустимости объединения гератского диалекта с говорами дари центрального и северного Афганистана, по крайней мере, с синхронной точки зрения, уже говорилось при обзоре данного Очерка. Здесь же укажем на неправомерность не только представления об *идентичности* (!) таджикских диалектов, особенно северных (Бухары и Самарканда), говорам современного дари и, в частности, кабульскому, но об идентичности самих северных таджикских диалектов говорам центрального и южного Таджикиста-

³⁴ Здесь и ниже перевод наш. — Ю. И.

³⁵ Ср.: «Постепенно язык фарси-и дари сделался главным литературным языком в Средней Азии, Иране, мусульманском Закавказье, Малой Азии, Афганистане и Северной Индии, сохранив повсеместно стабильность морфологии, синтаксиса и в несколько меньшей степени лексики» [Соколов и др., 1971. С. 22]. См. о том же в «Основах иранского языкознания» [ОИЯ, 1982. С. 7–8].

на. Правда, эпистолярный стиль таджикского языка вплоть до времени советизации данного региона был действительно весьма схож с эпистолярным и канцелярским стилями дари XX в., но к живым диалектам это отношения не имело. Рассмотренные суждения Дугина еще раз подтверждают уже отмеченный выше факт, что маститый ученый был более знаком с письменными источниками, чем с живой стихией обыденной речи и местных диалектов и не делал особого различия между этими реалиями³⁶, что не отразилось, однако, на весьма ценных его наблюдениях и выводах в Очерках (см. выше), как и не умаляет достоинств его статьи о *Каишф ал-Махджуб*.

В заключение остается кратко упомянуть еще и большую переводческую деятельность Богданова-Дугина, его переводы на английский и французский языки работ коллег из России (ср. его статью о *Каишф ал-Махджуб*). Публикуя их, он внес немалый вклад в популяризацию русского востоковедения на Западе и в мире в целом. Безусловно, блестящее знание языков позволяло ему предпринимать этот нелегкий и

весьма затратный по времени труд. Назовем здесь вышедшие в переводе Богданова в 1922 г. две статьи К. А. Иностранцева³⁷, посвященные парсам: “The Emigration of the Parsis to India and the Musulman World in the Middle of the 8th Century” [См.: Inostrantsev, 1922a] и “The Parsi Funeral Ceremony as Illustrated in the Gujrati Version of the Book of Arta Viraf” [См.: Inostrantsev, 1922b], и изданные по-французски в 1938 г. «Сказки попугая»: “Les contes du perroquet”, впервые опубликованные в персидском оригинале Жуковским [См.: Les contes du perroquet..., 1938].

Подводя итог сказанному, хочется провести некоторую параллель между Богдановым-Дугиным и великим востоковедом русского происхождения В. А. Ивановым, которому мы посвятили отдельную статью. Между их судьбами прослеживается немало общего. И оба, прожив и проработав почти целую жизнь в эмиграции, оставались верными российской школе востоковедения, что выразилось, в том числе, в их солидном вкладе в пополнение рукописного и литографского фондов Азиатского Музея.

Использованная литература

Богданов, 1909: Богданов Л. О. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном положении. Пособие для слушателей Курсов Востоковедения [Persia in the Geographical, Religious, Everyday, Commercial, Industrial and Administrative Aspects. Manual for students of Oriental Studies Courses]. СПб.: изд. «И. Бораганского», 1909.

Жизнь и речи..., 1899: Жизнь и речи старца Мейхенейского [Life and Speeches of the Sufi Elder from Meiheneh]. Персидский текст. СПб., 1899.

Иоаннесян, 2024: Иоаннесян Ю. А. Из истории изучения и классификации персидских и других западно-иранских диалектов [From the History of the Study and Classification of Persian and Other West Iranian Dialects] // Mongolica. 2024. Т. XXVII. № 1. С. 18–24.

Иоаннесян, 2015: Иоаннесян Ю. А. Некоторые общие особенности ряда персидских и других за-

падных иранских диалектов, отраженные в языке «Табакат ас-суфийа» А. Ансари [Some Peculiar Traits Common to Certain Persian and Other Western Iranian Dialects Reflected in the Language of the “Tabaqat of Sufiya” by A. Ansari] // На пастбище Мысли Благой. Сборник статей к юбилею И. М. Стеблин-Каменского. СПб.: Контраст, 2015. С. 141–153.

ОИЯ, 1982: Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки [The Basics of Iranian Linguistics. New Iranian languages: the western group, Caspian languages]. Отв. ред. В. С. Расторгуева. М.: Наука, 1982.

Раскрытие скрытого за завесой, 1926: Раскрытие скрытого за завесой («Кяшф-аль-Махджуб») Абу-ль-Хасана Али ибн Осман ибн-Аби-Али аль-Джуляби аль-Худжвири аль-Газнави. Персидский текст, указатели и предисловие В. А. Жуковский; предисл.: А. Ромаскевич [The Unveiling of the Veiled (“Kashf al-Mahjub”)]. Л., 1926.

Сказки попугая..., 1887: Сказки попугая. Спор чашки с кальяном [The Parrot’s Tales. Dispute between

³⁶ В этом наш автор был не одинок. Как утверждает в «Основах иранского языкознания», «многие иранисты-языковеды в прошлом не проводили четкой грани между классическим и современным персидским» [ОИЯ, 1982. С. 14].

³⁷ Константин Александрович Иностранцев (1876–1941) — русский и советский историк-востоковед.

а Сур and a Hookah]. Выбрал и словарем снабдил В. А. Жуковский: Издания Факультета восточных языков Имп. С. Петерб. Университета, 1887.

Соколов и др., 1971: Соколов С. Н., Болдырев А. Н., Розенфельд А. З., Рычкова Н. П., Гарбузова В. С. Краткая история литератур Ирана, Афганистана и Турции. Курс лекций [A Brief History of Iran, Afghanistan and India. Lecture course]. Л.: изд. ЛГУ, 1971.

Тайны единения..., 1899: Тайны единения с Богом в подвигах старца Абу Са'ида. Толкование на четверостишие Абу Са'ида. Персидские тексты / В. А. Жуковский [Secrets of Communion with God in the Exploits of the Elder Abu Sa'id. Interpretation of the quatrain of Abu Sa'id. Persian texts]. СПб., 1899.

Фархади, 1974: Фархади Р. Разговорный фарси в Афганистане (пер. с франц. Б. Я. Островского) [Colloquial Farsi in Afghanistan]. М., 1974.

Bogdanov, 1930: *Bogdanov L.* Stray Notes on Kābuli-Persian // JASB, N.S. Vol. 26, Calcutta, 1930. P. 1–123.

Dugin, 1943: *Dugin L. S.* The Kashfu-l-Mahjūb of Abū-l-Hasan 'Alī al-Jullābī // Journal of the Royal Society of Bengal. 1942. Vol. 8. Calcutta, 1943. P. 315–379.

Frye, 1946: *Frye R.* Leonidas Stanislas Bogdanov 1881–1945 [Obituary] // The Moslem World. Vol. 36/3. 1946. P. 278.

Inostrantsev, 1922a: *Inostrantsev K.* The Emigration of the Parsis to India and the Musulman World in the Middle of the 8th Century // *Journal of the K. R. Cama Oriental Institute (JCOI)*. 1922. No. 1. P. 33–70.

Inostrantsev, 1922b: *Inostrantsev K.* The Parsi Funeral Ceremony as Illustrated in the Gujrati Version of the Book of Arta Viraf // *JCOI*. 1922. No. 1. P. 71–74.

Les contes du perroquet..., 1938: Les contes du perroquet. Texte persan traduit pour la première fois en français par L. Bogdanov. Traduction. P.: Geuthner, 1938.

L. F. BOGDANOV/L. S. DUGIN — AN EXTRAORDINARY IRANOLOGIST, RESEARCHER, TRANSLATOR

Youli A. IOANNESYAN

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

The purpose of this article is highlighting the stages of the biography and a selective review of the works of the Russian and French orientalist and diplomat, a graduate of the St. Petersburg University L. Bogdanov, who spent most of his life outside of Russia and made a valuable contribution to both Iranian studies and to popularizing the achievements of the Russian school of oriental studies abroad. The article uses materials from the Archive of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences and examines the main works of the scholar.

Key words: Iranian studies, Iranian dialectology, history of oriental studies.

About the author: **Youli A. IOANNESYAN**, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher of the Section of Middle Eastern Studies of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (youli19@gmail.com). ORCID 0000-0003-2936-1128.

С. Г. БАТЫРЕВА

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова

КОНСТАНТЫ КАЛМЫЦКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «ДЖАНГАР» В ФОЛЬКЛОРНЫХ МОТИВАХ ТВОРЧЕСТВА ГАРЯ РОКЧИНСКОГО

Представляется продуктивным анализ константных элементов, свойственных эпической структуре повествования, выйти за пределы традиционной фольклористики и заглянуть «вглубь» отображения эпоса «Джангар» в калмыцком изобразительном искусстве. В актуальном и инновационном подходе анализируются константные мотивы героической «Джангариады» в произведениях народного художника РСФСР Гаря Рокчинского (1923–1993), последовательно на протяжении жизни разрабатывавшего эпическую тематику. В цикле «Джангариада», знаковой странице калмыцкого искусства второй половины XX в., явственно обозначены поиски этнической идентичности личности и художественного стиля, адекватного эпическому мироощущению. В многообразии произведений выразительными средствами искусства сформирован Образ эпической Вселенной, характеризующий мифопоэтическое мировидение автора. В призме образной памяти предков, объемлющей пространство/время номадического бытия в константах эпического повествования, представлен живописный цикл «Джангариада» (1960–1990-е гг.). Впервые предпринимаемый анализ выразительных средств вербального и пластического характера составляет актуальность и новизну исследования.

Ключевые слова: изобразительное искусство, мифопоэтические традиции, художник, время и пространство культуры, образная память предков.

Об авторе: БАТЫРЕВА Светлана Гариевна, доктор искусствоведения, профессор кафедры калмыцкой литературы и журналистики Института калмыцкой филологии и востоковедения, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Республика Калмыкия, Россия) (sargerel@mail.ru). ORCID 0000-0003-4268-0705.

© Батырева С. Г., 2024

События, о которых повествуется в героическом эпосе «Джангар», объединены жизненным циклом эпического богатыря. Мотивы рождения богатыря, его женитьбы и подвигов образуют поэтико-стилевую систематику эпоса, которая проявляется в устойчивой повторяемости повествовательных единиц. Постоянство сюжетной линии эпоса, одухотворенной образом обетованной страны Бумбы, обозначаемое константой, позволяет анализировать эпические слагаемые в широком спектре «слов в их устоявшихся сочетаниях и связях», которым присущи как формульные рамки, так и «подвижность очертаний» [Гацак 1980. С. 94–103; Манджиева 2021. С. 553–566], проецируемые также в произведениях искусства.

Лексика эпоса как «отражение традиционного наследия культуры, освещаемая в тесной

связи с архаическими реалиями, важна для понимания глубинного смысла поэтических образов, символик и формул эпоса, для изучения эпической действительности в соотношении с традиционным бытом, народным мировоззрением» [Пюрбеев 1993. С. 7; Манджиева 2021. С. 325–336]. В многогранном мире традиционного наследия художник черпает вдохновение в воспроизведении мотивов эпоса «Джангар» в живописи, графике и малой пластике. В реконструкции национального образа мира автором берется целостность бытия номадов: природа и быт, фольклор, язык и образность поэзии в параметрах пространства и времени. Многообразные фольклорные мотивы живописной «Джангариады» калмыцкого художника Гаря Рокчинского как важная часть его творчества, рассматриваются предметом

искусствоведческого анализа [Батырева 2023. С. 120–143]. Лейтмотивом цикла его произведений выявлены сюжеты, проецирующие мотивы, связанные «с рождением эпического богатыря, женитьбой и подвигами». Наивысшим проявлением героизма в калмыцком эпосе «Джангар» является подвиг во имя Родины. Сюжеты, образующие устойчивые константы, исследованные в структуре текста джангароведами Е. Э. Хабуновой и Б. Б. Манджиевой [Хабунова 2007; Манджиева 2020. С. 322–334] и фольклорные мотивы, воспроизводимые в искусстве, позволяют соотнести эпическое повествование с визуальным воспроизведением богатырской «Джангариады».

Сюжетная характеристика эпоса прослеживается в разработке и формировании образа этнической Вселенной пластическим языком изобразительного искусства. В произведениях воплощается реализм и условность изображения, рационально-логическое и мифопоэтическое воспроизведение бытия — полюсы творчества калмыцкого художника. Своеобразие стиля было выработано в неустанных поисках пространства изобразительного языка, адекватного эпическому мироощущению времени-пространства бытия.

Выдвигая гипотезу идентичности образного языка эпоса мифопоэтическому мироощущению художника, предполагаем, что поэтические константы находят отражение в сюжетной характеристике эпических мотивов в искусстве. Архаика образной памяти предков, выраженная в фольклоре, одухотворяет поиски автора в осмыслении и воспроизведении мифосознания народа средствами искусства, анализ произведений в этой призма дает возможность значимо расширить и углубить наше восприятие наследия в междисциплинарном подходе, объединяющем методы искусствознания и фольклористики.

Исследование поэтических форм репертуара рапсоды Ээлян Овла [Котвич 1958], история публикации записанных песен обусловили появление в калмыцком изобразительном искусстве живописного произведения «Джангарчи Ээлян Овла».

Джангарчи Ээлян Овла. 1969. Холст, масло.
Национальный музей Республики Калмыкии
им. Н. Н. Пальмова

Его созданию предшествовала работа автора по сбору и изучению материала в процессе создания образа сказителя. Большое количество набросков и эскизов обобщено в многофигурной композиции, ставшей значимым явлением в российском изобразительном искусстве второй половины XX в. Мелодический ритм песен эпоса в исполнительской манере сказителя, переложенный в ярусную и цветовую раскладку полотна, дает возможность ощутить поэтику и самобытный стиль живописной манеры исполнения фольклорного мотива [Батырева 2023. С. 120–143].

Исследование Б. Я. Владимирцова позволило определить жанровое своеобразие и композиционные особенности эпоса «Джангар», назвав его «национальной поэмой», выражающей «идеал кочевника, идеал привольной степной жизни, полной своеобразной поэзии» [Владимирцов 1923. С. 20]. Адекватным мироощущению калмыцкого фольклора находим

пространственно-временное отображение в живописной панораме Бумбы, на фоне которой изображен вдохновенный сказитель. Отметим, А. С. Козин в поисках времени и места сложения эпоса приходит к «важности исследования в области тех пространственных представлений (географических, космогонических, этнографических), в которых вращается певец Джангариады» [Козин 1940. С. 69]. Ценно замечание Е. Э. Хабуновой: «внимательно прислушиваясь к мотивам лирических элементов поэмы, представленных в излюбленном общемонгольском жанре похвал и плачей (*magtal*), можно проникнуть в самые сокровенные и задушевные идеи и идеалы степняка-певца и тем самым в понимание и выявление основных линий и замыслов, реализуемых в поэме» [Хабунова 2007. С. 3, 9].

В панорамной трактовке «обетованной и благоуханной страны Бумбы» в произведении «Джангарчи Ээлян Овла» центром является образ рапсода. Ярусное построение номадического бытия представляет собой развернутое по вертикали пространство живописи, объемлющее разновременные явления и события в жизни кочевого общества. Своеобразной предтечей появления полотна калмыцкого художника рассматриваем довоенный опыт иллюстрирования эпического наследия В. А. Фаворского [Фаворский 1940]. Заглавный фронтиспис и графические образы эпических богатырей книжного издания обретают в живописи Г. Рокчинского качественно иной уровень осмысления эпоса. Вдохновенным посвящением народу-творцу воспринимается образ поющего джангарчи Ээлян Овла в ярусной панораме страны Бумбы, сокровенной мечты народа о счастье.

В поэтическом строе эпоса «Джангар» особое место занимает появление *пролога* в авторском исполнении «Джангариады» [Манджиева 2021. С. 134–146]. Живописной параллелью можно видеть монументальное полотно «Джангарчи Ээлян Овла», выступающее своеобразным введением в фольклорные мотивы Г. Рокчинского. Отмечая эпический пафос произведений художника, джангаровед А. Ш. Кичиков обозначал их *солнечным* ци-

клом, связывая с этнонимом *улан залата хальмгуд* — детей Солнца, создавших героический эпос «Джангар». Исследователь подчеркивал важность правды (знания жизни, уклада бытия народа) как основы творческого самовыражения, достоверности изображаемого: «смотри Рокчинского»... чтобы «учиться у его творческого наследия» [Кичиков 1998. С. 8], сохраняющего традиции культуры.

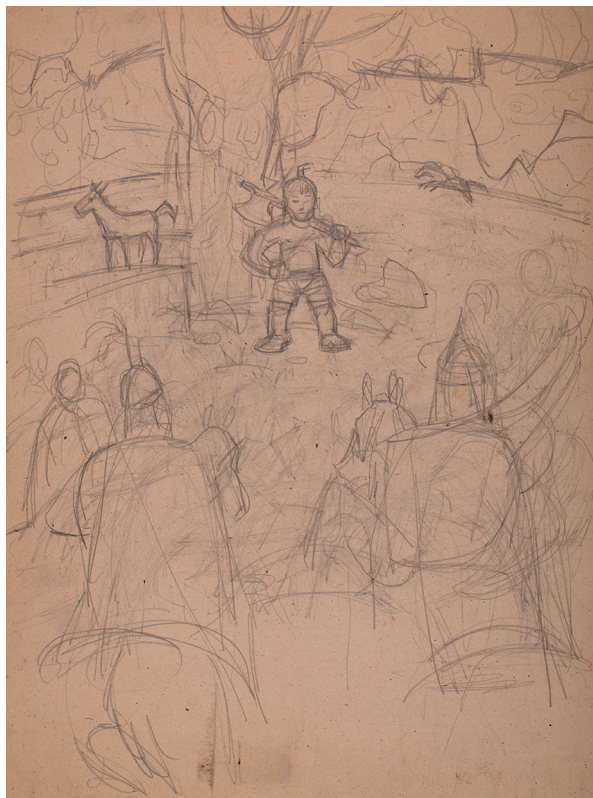
Связь эпоса с ритуально-магической поэзией в контексте исполнительской традиции калмыцких сказителей акцентируют исследователи Н. Б. Пюрвеева, Н. Ц. Биткеев [Пюрвеева 2003; Биткеев 1982. С. 120–145]. В ауре обрядового действия звучит пение, расходящееся кругами в ориентирах традиционного видения пространства и подобно циклическому ритму кочевого бытия «собираемому» в знаковом образе *джангарчи*. Ритмический строй живописи спроецирован семантикой этнического самосознания, выражаемого образным кругом понятий «род-народ-родина», во имя которых совершаются подвиги богатырей. Архаическим воплощением пространства в символических сакральных религиозных образах создана картина Мира [Манджиева 2024. С. 371–385]. В ярусной раскладке композиции преодолевается хаос Времени, превращаемый художником в упорядоченный этнический Космос. Подобно Солнцу в зените образ поющего рапсода поднимается над землей в полотне «Джангарчи Ээлян Овла», олицетворяя животворящую энергию духа народа. М. Элиаде называет космоизм мировидения «важнейшей категорией мифа», видит особенность мифологического мышления в осознании реальности через космогенез, воспроизводимый во время ритуала [Элиаде 1994. С. 21–23].

Таков богатырский жизненный цикл, где «многие эпические коллизии основаны на мотивах, связанных с рождением эпического богатыря, его женитьбой и подвигом. Рождение героя-первопредка происходит на земле в эпоху первотворения и расцвета религиозных верований; он рождается, чтобы властвовать и укрепить державу и веру в срединном мире; он даруется небом; он рождается с запекшейся кровью и стальным железом в руке. Он рожда-

ется «в рубашке» [Хабунова 2007; Горяева, Убушиева 2022. С. 385–399].

Константы «жизненного цикла богатыря» в призме изучения поэтики и стиля калмыцкого эпоса созвучны визуальным образам отображения эпического повествования. Избранности и физической исключительности младенца-богатыря художник посвящает ранний по времени создания графический набросок.

Образное понятие «пуповина», обозначающее в эпосе стальной пупок богатыря ‘bold kiisn’ как средоточие между небом и землей, осмысливается автором и трактуется в композиции традиционного мотива. Согласно легенде таковым является родовое древо его рождения. В визуальном воспроизведении сюжета маленький герой изображается у ствола родового древа, уходящего корнями в землю и ветвями — в небо. Древо символизирует родовой очаг, у которого стоит младенец с боевым топориком на плече (вместо «запекшейся крови и железа» в руке) в окружении всадников-богатырей. Поодаль пасется жеребенок, в будущем

Легенда о первопредке. 1959. Бумага, картон.
Частное собрание

сказочный конь Аранзал, верный спутник богатыря на пути испытаний.

В трактовке композиции автор впервые применяет традиции плоскостного письма в параметрах: ниже–ближе, выше–дальше. Художник обращается к линии контурного рисунка как первородной сути обрядового действия. От иллюзии перспективной передачи объемного пространства он приходит к ярусной плоскости линейного письма, акцентирующего центр композиции образом младенца с необыкновенными способностями... рожденного небесной *дагини*. Магическим благословением, предсказанием героического будущего является наречение его именем *Джангар*. Центрирование смысла сюжета — константа визуального воспроизведения мотивов «Джангариады» Г. Рокчинского. В стилистических поисках изобразительного языка автор воспроизводит архетипы образной *памяти* предков, рождающих *хронотоп* как свойство эпического мировидения. Оно генерировано системой мифопоэтических представлений, обусловленных мобильным бытом. Становление юного героя в эпическом повествовании выражается словосочетаниями *ko'l o'rg'h* (встать на ноги, т. е. вдеть ноги в стремя) и *'nu'd tailah* (открыть глаза, т. е. увидеть мир) в сказочно-эпической традиции калмыков, поэтическом мотиве «рождения богатыря» [Горяева, Убушиева 2022. С. 385–399].

Необыкновенные способности юного героя представлены как прамбула предстоящих подвигов. Мотив *женитьбы* богатыря отображает ключевые понятия традиционной обрядности в эпосе. В борьбе происходят поиски невесты, завершаемые подвигом-испытанием его богатырской доблести, воплощенной в образе всадника «Баатр».

Женитьба Джангара на своей суженой, юной красавице Ага Шавдал обозначается константами “szalh” (приводить, возводить, взять в жены), “ku'n bolh” (жениться, букв. стать человеком), “ger mal bolh” (жениться, создать семью, т. е. обзавестись домом и скотом) [Хабунова 2007; Селеева 2019. С. 65–78].

Сооружение дворца *o'rga'* достойно социального статуса богатыря и невесты, ханской дочери. Элементы бытовой реальности живо-

Баатр. 1990. Оргалит, темпера. Национальный музей Республики Калмыкии им. Н. Н. Пальмова

писно визуализируются в мотивах произведений «Джангарчи Ээлян Овла» (1969); «Джунгария», «Жангрин жиндмн» (1990–1992). Это изображения многоярусного ханского дворца, передаваемые эпитетами «белоснежный», «княжеский», сцен охоты, идущего торгового каравана, пасущихся на богатых пастбищах стад скота, бегущего на водопой табуна лошадей, вкуче составляющие образ и жизнь обетованной страны Бумбы. Предметный мир бытия калмыков, проецирующий архаические реалии, проникнут глубинным смыслом поэтических образов эпоса, мастерски и со знанием традиций воспроизводимый в произведениях автора.

На востоке, обозначаемом словосочетанием 'narn qarh — восход солнца' (в ритуальной символике восход солнца ассоциируется с началом новой жизни), находится суженая героя «небесная красавица 'aragni', 'dagini', характеризующаяся: "Quchin szurqan tersziin gerla'r hargdv / Qadr biyni / Mo'n aragni" (Свет от неё исходил

через тридцать шесть окон / Её внешняя красота бесспорна. Подобно солнцу и луне, излучает свет, говорят / Подобно сандаловому дереву, стройна, говорят: "Narn sarnshng gega'ta' gila' / Naa'hlgnsn sandnshng biyta' gila" [Хабунова 2007; Манджиева 2020. С. 707–715].

В произведениях художника красавица предстает сидящей в головном уборе и костюме замужней женщины по левую сторону от Джангра-богдо в знаковой композиции «Жангрин жиндмн» («Сокровище Джангара»). Древо мира и поднимающееся из-за Мировой горы Солнце в живописной символике фиксируют особое положение супругов и свиты богатырей в картине этнической Вселенной. Белая лошадь как знак 1990 г. (празднования 550-летия эпоса «Джангар») грациозно выступает из космической бездны, сменяя уходящий год Змеи традиционного календаря.

В блеске величавой красоты восседает всадница, еще не ханша — в девичьем наряде, высоко держа в руке белый лотос, символ целому-

дрия и мудрости. Композиция «Ага Шавдал» динамична в легком и стремительном движении бегущей белой лошади. Поэтический образ суженой богатыря дополнен и раскрыт в изысканной выразительности графических произведений «Протяжная песня» и «Танец». Представления о красоте ханши Ага Шавдал были впоследствии воплощены Гаря Рокчинским в многогранном цикле малой пластики.

В формульной характеристике эпического повествования богатырю добраться до красавицы сложно. В изнурительно долгой и опасной в испытаниях поездке он проявляет доблесть и героизм. Подвиг во славу сказочной страны Бумбы, главное в череде событий эпоса, вербализуется в прославлении имени богатыря; его «действиями умножается богатство, утверждается вера и укрепляется держава. Клятва богатырей «Жизни свои острию копья предадим!» — основной *понятийный узел* героического эпоса «Джангар» [Хабунова 2007].

В призме подвига воспринимается монументальный образ картины «Баатр», несущий в живописной трактовке мощь, величие духа и сноровку стреляющего из лука. Боевое снаряжение богатыря детально воспроизведено в оружии, одеянии и атрибутах: В поединке /

Протяжная песня. 1973. Картон, смешанная техника. Частное собрание

Ага Шавдал. 1973. Картон, смешанная техника. Частное собрание

Решили помериться силой / Унаследованной от отца и матери / Сняли тонкие шелка / Одеваемые на торжества / Облачились в зеленые шелка / Одеваемые на борьбу / Завернули до коленного сгиба / Шаровары из козьей шкуры / Закрутили на икрах / Шаровары из бычьей шкуры. Эпическое повествование сопровождается боевым кличем «Ура!». Его магический смысл воодушевляет воина в решающий момент поединка; умножает отвагу и возвращает к жизни после смертельной раны; ассоциируется с родиной; державным ханом и его войском [Хабунова 2007; Манджиева 2020. С. 1701–1712].

Эпических героев в кульминационный момент повествования всегда сопровождает лошадь. Образ знакового для кочевого бытия животного — визуальная константа произведений «Джангариады» Г. Рокчинского. Герой совершает подвиги при активном содействии богатырского коня. Сюжетный ряд вдохновенного посвящения преисполнен внутренней энергией союза человека и животного.

Снаряжение лошади как константа эпического повествования последовательно и со знанием дела воспроизводится в образах: «Бататр», «Богатырь с конем». Процесс седлания коня подобен ритуалу, в котором снаряжение подробно описывается в перечне деталей: подпотник 'deltr', потник 'tohm', седло 'ema'l', седельная подушка 'ko'vchig', тебеньки 'olng', застежка 'qog'g', подпруга 'tatur', колокольчик 'honh', дополняемой лукой седла 'buu'rg', нагрудным ремнем 'ko'mldrq', подхвостным ремнем 'hudrq' [Хабунова 2007. С. 19]. Реалии традиционного быта кочевников несет описание конского снаряжения в эпосе и его детальное отображение в живописи.

Всеобъемлющим знаком культуры кочевников выступает образ лошади в мифопоэтической ауре произведения.

Грация пластика сказочного «Аранзала» покорила отточенностью форм и движения. Гимном благородному животному звучит посвящение «Хальмг Тангч». 1990, где образ белого скакуна воспринимается символом го-

Жангын жиндмн. Сокровище Джангара. 1990. Оргалит, темпера. Частное собрание

Хальмг Тангч. 1990. Картон, смешанная техника. Частное собрание

сударственности, идущим из глубины веков истории калмыцкого народа.

Величаявая статика образа сменяется динамикой движения неудержимо мчащихся лошадей в эпическом сюжете «Угон богатырем Мингияном табуна турецкого хана», выложенном в технике мозаичного панно (1964).

В красочном апофеозе героического подвига реализуется энергия богатыря. В *западном направлении*, в стране враждебного хана он находит противника, где тому удастся лишить физических сил богатыря, но не сломить его боевой дух *su'ra'* и уничтожить его жизненную основу *a'mn qol*. Высоко морально-психологическое превосходство героя в способности преодолеть смерть [Хабунова 2007; Селеева 2019. С. 65–78]. Во времени/пространстве повествования о воинском долге и благородстве героя осуществляется эпическая идеализация богатыря.

Горный ландшафт Джунгарии, пространство эпического повествования, где на пограничном *рубеже испытаний* богатырь прозревает «масштабы предстоящей борьбы, титанических усилий, необходимых в одержании верха над врагом». Гора как центр мира, объединяющий землю и небо, — сакральная суть образов «Гора Сумеру», «Священный Кайлас», «Джунгария» (1990). В череде про-

никновенных пейзажей, образующих мифопоэтическую картину Мира в многообразном ландшафте путевого *хронотопа* богатырских деяний, преодолевается хаос Времени, превращаемый художником в упорядоченный этнический Космос. Картины-космогонии подобны ритуальному сотворению мира в живописи, измеряемой традицией, адекватно прочувствованной в пространстве/времени эпоса.

«Свадебное торжество во дворце» как завершение испытаний героя вербализуется в *сооружении дворца и пира как утверждения державы и веры; благополучного возвращения*. Эпическим пафосом возносятся восхваление счастливой и мирной жизни народа, воспевание героизма богатырей, отстаивавших независимость государства. «Джангар» широко и многопланово «повествует о воинских подвигах героев во славу Бумбы, страны прекрасной и величественной» [Кичиков 1992. С. 3, 182, 264].

Визуальный образ многовековой мечты народа о счастье создан в живописи, охватывающей десятилетия творческой жизни (1960–1990) автора. Сюжетообразующие константы, начиная с рождения богатыря, его возмужания и женитьбы, совершения героических подвигов как «жизненного кредо героев Бумбы», несут и связывают сохранявшиеся веками представления народа о жизни, смерти и бес-

Джунгария. 1990. Оргалит, темпера.
Частное собрание

смерти. Необыкновенная пластичность мировидения номадов, рожденная в ритме постоянного движения, питает красочную палитру, переключая миф в живопись эпической «Джангариады». В волшебной призме образной памяти предков объединены художник и эпос, взаимодополняющие начала творчества.

Полотно «Эрдний экин цагт...» (1990) озаглавлено величавыми строками эпического *зачина*, написанного рукой автора на старокалмыцком письме *тодо бичиг*: «Это было в начале времен... В стародавний век золотой Вечности начинался Рассвет...». Ярусами снизу вверх выстраивается космическая ось Времени в изображении панорамы обетованной Бумбы, возносящейся субурганами, крышей храма к белоснежным вершинам этнической прародины Алтая. Подобно эпической пуповине связаны воедино монгольский и ойрато-калмыцкий периоды истории номадов, осененной светозарным в облаках образом Будды. Центром композиции, «бегущей» табун лошадей к водопою, является горный утес, уходящий вершиной в небо. Народ осмыслен автором центром мироздания в многозначной символике традиционной культуры. Из облаков, напоминающих очертаниями всадников, «пролилась» благодатным дождем

Это было в начале времен... 1990. Оргалит, темпера. Частное собрание

дружина богатырей Джангара, хранителей страны Бумбы [Батырева 2023. С. 128–129]. Просторы ее растянуты по горизонтали и вертикали мифического Пространства в органичной взаимосвязи Времени, рождающих мировидение предков. В художественном образе, созданном «в ритуале, обращенном вспять, время всякий раз свертывается в кольцо, возвращаясь к сакральному началу» [Батракова 2002. С. 59, 127–129].

Образную память предков вобрало творчество, органично объемля «мифовоззрение как исходную первичную форму восприятия мира, и мировоззрение, в котором на смену диало-

гу с мифом приходит диалог с миром» [Лобок 1997. С. 609, 611]. Магия Пространства-Времени фольклорных мотивов проецирует мифопоэтический код традиционной культуры в константах эпического повествования и живописного цикла «Джангариада» калмыцкого художника Гаря Рокчинского. Нельзя не согласиться с обобщением: «...эпос представляет собой богатейший ресурс, аккумулировавший опыт многовекового историко-культурного развития народа, и является источником обогащения новых форм его художественного (о) сознания» [Суюнова 2023. С. 134], значимого для современной культуры народа.

Использованная литература

Батракова 2002: Батракова С. П. Искусство и миф: из истории живописи XX века [Art and Myth: From the History of 20th Century Painting]. М.: Искусство, 2002. 215 с., ил.

Батырева 2023: Батырева С. Г. Живопись во времени и пространстве культуры [Painting in Time and Space of Culture]. М.: Бумба, 2023. 232 с., ил.

Биткеев 1982: Биткеев Н. Ц. Поэтическое искусство джангарчи. Эпический репертуар Ээлян Овла. Певец и традиции [Poetic Art of Dzhangarchi. Epic Repertoire of Eelyan Ovla. Singer and Traditions]. Элиста, 1982.

Владимирцов 1923: Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос [Mongol-Oirat heroic Epic]. СПб.–М., 1923.

Гацак 1980: Гацак В. М. Поэтика эпического историзма во времени [The Poetics of Epic Historicism in Time] // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. М., 1980.

Горяева, Убушиева 2022: Горяева Б. Б., Убушиева Д. В. Мотив рождения героя в сказочно-эпической традиции калмыков [The Motive of the Birth of a Hero in the fairy-tale-Epic Tradition of the Kalmyks] // Новый филологический вестник. 2022 № 1(6). С. 385–399.

Козин 1940: Козин С. А. Джангариада. Героическая поэма калмыков [Dzhangariada. Heroic Poem of the Kalmyks]. М.–Л., 1940.

Котвич 1958: Котвич В. Л. Джангариада и джангарчи [Dzhangariada and Dzhangarchi] // Филология и история монгольских народов. М., 1958. 348 с.

Кичиков 1992: Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника [Heroic Epic “Dzhangar”. Comparative-Typeological Study of the Monument]. М., 1992.

Кичиков 1998: Кичиков А. Ш. Образная память народа как знак культуры [The Figurative Memory of the People as a Sign of Culture] / Образная память народа. Элиста: АПП «Джангар», 1998. С. 7–8.

Лобок 1997: Лобок А. М. Антропология мифа [Anthropology of Myth]. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 688 с.

Манджиева 2020: Манджиева Б. Б. Сюжетообразующие мотивы в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева [Plot-Forming Motifs in the Epic Repertoire of Dzhangarchi Teltia Lidzhiev] // Новый филологический вестник. 2020. № 3(54). С. 322–334.

Манджиева 2020: Манджиева Б. Б. Мотив богатырского поединка в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева [The Motif of a Heroic Duel in the Epic Repertoire of Dzhangarchi Teltia Lidzhiev] // Oriental studies. 2020. № 6. С. 1701–1712.

Манджиева 2021: Манджиева Б. Б. Сохранность и изменчивость поэтико-стилевых слагаемых в разновременных записях песни «Шара Гюргю» эпоса «Джангар» [Preservation and Variability of Poetic and Stylistic Components in Different Recordings of the Song “Shara Gyurgyu” of the Epic “Dzhangar”] // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 3. С. 553–566.

Манджиева 2021: Манджиева Б. Б. Предсказания и гадания в калмыцком героическом эпосе «Джангар» [Predictions and Fortune Telling in The Kalmyk Heroic Epic “Dzhangar”] // Новый филологический вестник. 2021. № 1(56). С. 325–336.

Манджиева 2021: Манджиева Б. Б. Пролог эпического репертуара джангарчи Давы Шавалиева [Prologue of the Epic Repertoire of Dzhangarchi Dava Shavaliyev] // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 134–146.

Манджиева 2024: Манджиева Б. Б. Космогонические мотивы в синьцзян-ойратской версии эпоса

«Джангар» [Cosmogonic Motifs in the Xinjiang Oirat Version of the Epic „Dzhangar“] // Новый филологический вестник. 2024. № 1(68). С. 371–385.

Пюрбеев 1993: *Пюрбеев Г. Ц.* Эпос «Джангар»: культура и язык (Этнолингвистические этюды) [The Epic of Dzhangar: Culture and Language (Ethnolinguistic Studies)]. Элиста, 1993: Калм. кн. изд-во, 1993. 127 с.

Пюрвеева 2003: *Пюрвеева Н. Б.* Поэтика героического эпоса «Джангар» [Poetics of the Heroic Epic „Dzhangar“]. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 240 с.

Селеева 2019: *Селеева Ц. Б.* «Героическое сватовство» в синьцзян-ойратской версии «Джангара»: сюжетный состав и композиционная структура [„Heroic Matchmaking“ in the Xinjiang Oirat Version of „Dzhangar“: Plot Composition and Compositional Structure] // Новый филологический вестник. 2019. № 2. С. 65–78.

Суюнова 2023: *Суюнова Н. Х.* Ногайская волшебная сказка в свете концепции В. Я. Проппа [Nogai

Fairy Tale in Light of V. Ya. Propp's Concept] // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2023. Т. 38(4). С. 134–143.

Фаворский 1940: *Фаворский В. А.* Как я работал над «Джангаром» [How I worked on “Dzhangar”]. М.: Молодая гвардия, 1940. 28 с., ил.

Хабунова 2007: *Хабунова Е. Э.* Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий) [The Heroic Epic “Dzhangar”: Poetic Constants of the Heroic Life Cycle (Comparative Study of National Versions)]. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Махачкала, 2007. 69 с.

Элиаде 1994: *Элиаде М.* Священное и мирское [Sacred and Profane] / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М.: Издательство МГУ, 1994. 144 с.

Svetlana G. BATYREVA

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov

CONSTANTS OF THE KALMYK HEROIC EPIC “DZHANGAR” IN FOLKLORE MOTIFS OF GARI O. ROKCHINSKY’S WORKS

It seems productive to analyze the constant elements inherent in the epic structure of the narrative, to go beyond the traditional folklore studies and look “deep” into the display of the epic “Dzhangar” in the Kalmyk fine arts. The constant motifs of the heroic Dzhangariada in the works of the People’s Artist of the RSFSR Gari Rokchinsky (1923–1993), who consistently developed epic themes throughout his life, are analyzed in a relevant and innovative approach. The Dzhangariada cycle, a landmark page in Kalmyk art of the second half of the 20th c., clearly outlines the search for an ethnic identity of the individual and an artistic style adequate to the epic worldview. The Image of the epic Universe, characterizing the mythopoetic worldview, is formed in the diversity of works by expressive means of art. The pictorial cycle Dzhangariada (1960–1990s) of the creative personality is resented in the prism of the figurative memory of ancestors, encompassing the space/time of nomadic existence in the constants of the epic narrative. The first undertaken analysis of expressive means of verbal and plastic nature (properties) constitutes the relevance and novelty of the study. A comprehensive approach to interdisciplinary research based on materials of Kalmyk folklore studies will allow the inclusion of Kalmyk fine art of the second half of the 20th c. in the cultural sphere of Dzhangar studies, expanding and deepening the art history perspective of studying the epic.

Key words: fine art, mythopoetic traditions, artist, time and space of culture, figurative memory of ancestors.

About the author: **Svetlana G. BATYREVA**, Doctor of Art History, Professor of the Department of Kalmyk Literature and Journalism, Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russian Federation) (sargerel@mail.ru). ORCID 0000-0003-4268-0705.

Ц. ТУМЭНБАЯР

ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д. НАЦАГДОРЖА

Статья посвящена анализу особенностей женских персонажей в творчестве основоположника современной монгольской литературы Дашдоржийна Нацагдоржа (1906–1937). Произведения этого автора изучаются монгольскими и зарубежными исследователями. Однако женским персонажам по-прежнему не уделяется должного внимания. На эту тему известна лишь курсовая работа «Женские персонажи в произведениях Д. Нацагдоржа» студентки Восточного факультета СПбГУ Е. Н. Павловой. Во время любых перемен судьбы женщин сложны, а порой и трагичны. Это нашло отражение в произведениях писателя. В статье мы сделали попытку провести параллель между общественной жизнью женщин в период Народной революции 1921 г. и Демократической революции 1990 г. в Монголии. Представление образов женщин великим писателем важно для осмысления общественной жизни Монголии в период слома двух социальных систем. Художественная значимость женских персонажей в произведениях Д. Нацагдоржа не потеряла своей актуальности и в настоящее время. В статье используются художественные произведения писателя, архивные документы и литературоведческие исследования монгольских и зарубежных специалистов.

Ключевые слова: Д. Нацагдорж, женские образы, женские персонажи, социальная система.

Об авторе: Цэрэнтулгын Тумэнбаяр, независимый исследователь, писатель, член Союза писателей Монголии (Улан-Батор, Монголия) (tumenbayartserentulga@gmail.com).

© Тумэнбаяр Ц., 2024

Жизнь и творчество основоположника современной монгольской литературы Д. Нацагдоржа (1906–1937) на протяжении восьмидесяти лет тщательно анализируются отечественными и зарубежными исследователями, ими написаны сотни статей и изданы десятки книг. Его произведения с течением времени не теряют своей актуальности. Изучением его писательского искусства продолжают заниматься литературоведы, лингвисты и историки.

Если посмотреть на изучение творчества Д. Нацагдоржа, то можно отметить то, что специализированных исследований, посвященных роли женщины в его произведениях мало. Кроме курсовой работы Е. Н. Павловой, студентки кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ «Женские персонажи в творчестве Д. Нацагдоржа» [Павлова 2020] (научный руководитель доцент СПбГУ М. П. Петрова), других исследователь-

ских работ, посвященных женским персонажам, нам обнаружить не удалось.

Судьба женщин уязвима во время любых социальных изменений и реформ. Поэтому исследование некоторых особенностей женских образов в произведениях основоположника современной монгольской литературы представляется актуальным.

Д. Нацагдорж явился новатором в области создания персонажей в монгольской литературе 30-х годов XX в. Доктор Д. Цэдэв пишет: «Индивидуальный характер и личность очень чётко описаны в рассказах „Жемчужины без нитки“, „Белый месяц и чёрные слёзы“ и в пьесах „Старшая жена“ и „Три печальных холма“» [Цэдэв 2006. Х. 26].

В начале XX в. монгольская художественная словесность была представлена литературой средневекового типа, по большей части религиозной, и фольклором. В 1925 г. Нацагдорж отправляется на учёбу в Советский Союз, а в

1926 г. — в Германию. Пребывание и обучение за границей, безусловно, оказало большое влияние на формирование у автора новых творческих навыков, в частности, современных способов представления внутреннего мира своих персонажей.

Например, при написании пьесы «Три печальных холма» («*Учиртай гурван толгой*») [Нацагдорж 2006. Х. 5–35] Д. Нацагдорж использовал тексты немецких народных песен. Также исследователи отмечают, что в стихотворении «Мечта» («*Мөрөөдөл*») [Там же. Х. 73] прослеживаются мотивы европейской прозы на тему весны и любви. Российский литературовед К. Н. Яцковская пишет: «У монгольских поэтов не принято было писать о любви так открыто, как это можно видеть в русской поэзии. Для выражения чувств существуют свои символы. Нацагдорж отходит от традиций. В этом, возможно, сказалось его увлечение европейской литературой и то, что он полюбил русскую женщину» [Яцковская 1974. С. 30]. Всё это и определяет его новый способ создания персонажей.

В своем поэтическом и прозаическом творчестве Д. Нацагдорж представил образы столичных и провинциальных монгольских женщин, а также европейских и азиатских женщин многих национальностей. Для описания внутренних и внешних качеств своих героинь автор пользуется яркими художественными средствами и приёмами: метафорами, сравнениями и гиперболами. В качестве примера можно привести его критические произведения: рассказ «Хи-хи-хи» («*Хи-хи-хи*») [Нацагдорж 2006. Х. 237], «Красавица», («*Ганган хүүхэн*») [Там же. Х. 167] «Работница столовой» («*Гуанзны хүүхэн*») [Там же. Х. 132]), «Из-за кокетства свой нос разбила» («*Ааль үгүйгээс хамар үгүй*») [Там же. Х. 80]).

В рассказе «Хи, хи, хи» Д. Нацагдорж так описывает беззаботных девушек: «они мечтательно прикрывают глаза...», «сверху толкаются, снизу дерутся...» [Нацагдорж, 2006. Х. 237], а в рассказе «Вертихвостки» («*Гэдэн годон*») «две что ни на есть молоденькие нарядно и модно одетые девушки с накрашенными губами и напудренными лицами... оглядывая с ног до го-

ловы стоящую рядом работницу столовой морщат носики и отворачиваются» [Там же. Х. 21].

В стихотворении «Столичная девушка» («*Хүрээний хүүхэн*») Нацагдорж представляет образ чистой, наивной девушки из провинции, которая, приехав в столицу, становится продажной женщиной.

У девушки, приехавшей в столицу из деревни
Лицо некогда подобное яшме сморщилось,
Черные глаза померкли...

В свои лучшие молодые годы

Бедняжка, почему так живёт?.. [Нацагдорж 2006. Х. 11]

В своём недавнем исследовании литературовед М. Саруул-Эрдэнэ обращается к басне «Развратница и честная девушка» («*Шалиг хүүхэн ба сайхан хүүхэн*»), опубликованной в 11-м номере журнала «Работница» за 1929 г. На основе анализа языкового состава текста он доказывает, что это произведение принадлежит перу Дашдоржийна Нацагдоржа. В своей статье М. Саруул-Эрдэнэ приводит уникальные слова, контекстуальные аффиксы, союзы и диалектизмы из недавно обнаруженной работы. Сравнивая их с другими произведениями того же автора, исследователь приходит к выводу о том, что басню «Развратница и честная девушка» написал Д. Нацагдорж. Кроме того, М. Саруул-Эрдэнэ подробно останавливается на тропах, используемых писателем для создания образов женщин, особенно отрицательных героинь [Саруул-Эрдэнэ].

«В басне «Развратница и честная девушка» рассказывается о двух девушках Пагме и Дулме, которые непрестанно хихикают, толкаются, ведут себя неприлично, обсуждая работающих сверстниц, произносят слова: «Чем надевать такую одежду, лучше надела бы китайскую...». На контрасте показан обычный внешний вид сельских женщин, которые работают, не покладая рук», — пишет М. Саруул-Эрдэнэ [Саруул-Эрдэнэ].

В рассказе «Темные скалы» («*Харанхуй хад*») [Нацагдорж 2006. Х. 215–218] Д. Нацагдорж представляет образ возлюбленной главного героя Ины, учёной девушки, назначившей ему свидание, а затем загадочным образом исчезнувшей. «Семь лет назад... мы обнимались и це-

ловались под сенью вяза... мы бесконечно любили друг друга, но между нами пролегли горы и моря, и наши сердца были разбиты. Куда делась Инна потом, я не знаю, я её искал-искал, но не нашёл» [Там же]. Подобного образа нет в монгольском фольклоре, и это приводит к выводу о том, что Инна — чисто литературный персонаж.

В рассказе «Красавица степей» («Хөдөө талын үзэсгэлэн» (Амазонка) Д. Нацагдорж представляет образ юной наездницы: «Богатое седло с зелёным подстремянником подчёркивало красоту её стройного скакуна из далёких степей. Девушка сидела на нём грациозно, аккуратно подвернув полы халата. На вид красавице было лет восемнадцать, она сияла, как молодая луна. По спине её спускалась длинная чёрная коса, заплетённая в три пряди. Голова была повязана оранжевым платком, кончики которого свисали над одним глазом. ...Нежное лицо её загорело на летнем солнце, щёк коснулись его яркие лучи» [Рассказы монгольских писателей 1984. С. 36]. Здесь писатель подчеркивает независимый характер своей героини — современной девушки, которая не стесняется демонстрировать свою красоту, здоровую энергию и радость от вольной верховой езды.

В рассказе «Ветер на рассвете и удары песта» («Үүрийн жавар уурын чимээ») Д. Нацагдорж пишет: «...Вот из левой юрты в клубах пара появилась женщина; волосы её растрёпаны, на плечи накинута рваный синий далямбовый халат. Женщина откинула войлок с дымника юрты, набрала в подол аргала¹, взвалила на спину корзинку со снегом и вернулась в юрту. Вскоре послышались удары песта о ступу. В дымовое отверстие и сквозь щели дырявых стенок юрты потянулся дым. ...Ханда — так звали женщину в рваном халате — никак не могла разжечь промёрзший аргал. Дым наполнял юрту, ел глаза. Ханда дула на огонь так сильно, что казалось, глаза её вот-вот вылезут из орбит. Одета в тонкий халат, она дрожала от холода и суетливо металась по юрте. В это время из-под дохи, лежавшей на жёлтой кошме, которая служила Ханде подстилкой, раздался громкий крик, и грудной ребёнок залил-

ся плачем» [Рассказы монгольских писателей 1984. С. 37–38]. Как видим, этот правдивый образ резко контрастирует с шаблонными образами сельских женщин, появлявшимися в литературе тех лет. В рассказе «...Иди, дыми сигаретой» («...явж тамхины утаа») Д. Нацагдорж представляет образ молодой обнажённой красавицы, чьим телом через окно любуется невинный юноша Цэрэн: «...прекрасное тело девушки можно было увидеть красиво покачивающимся в свете электрической лампы...», «...Хотя Цэрэн и был невинным застенчивым юношей, но сообразил послать ей записку с помощью игрушечного ружья. И вот они уже договорились о свидании завтра» [Нацагдорж 2006. X. 236].

Профессор Л. К. Герасимович отмечает, что поэтический образ главной героини драмы «Три печальных холма» Нансалмы является одним из «лучших женских образов современной монгольской литературы» [Герасимович 1965. С. 79]. Л. К. Герасимович особо подчеркивает, что сам Нацагдорж писал, что, создавая образ Нансалмы, он старался воплотить в нем лучшие черты монгольских женщин. Такими положительными качествами являются искренность, честность и открытость Нансалмы. Для нее Юнден — единственный человек, возвращения которого она готова ждать «и днем, и ночью», и именно ему она готова довериться, не раздумывая: «Если ты скажешь доброе слово, я поверю ему навсегда». Невинность и искренность Нансалмы в пьесе противопоставляется злости и жестокосердию отрицательной героини Хоролмы. Конфликт их противоположных характеров является одним из основных мотивов знаменитой пьесы [Там же].

В рассказе «Белый месяц и чёрные слезы» («Цагаан Сар ба хар нулимсан») [Нацагдорж 2006. X. 254–256] Д. Нацагдорж также представляет образы двух противоположных женских персонажей — служанки Цэрмы и дочери её хозяев Мятагмы. Автор контрастно изобразил красоту, внутренние и внешние различия между богатыми и бедными, а также поведение женщин в городе и деревне. Перед читателем возникает внешность не только монголок, но и женщин любой этнической группы.

¹ Аргал — кизяк, сухой помёт, употребляемый как топливо.

Оюунчимэг из пьесы «Старшая жена» («*Их авгай*») упорно защищает свою свободу, настаивая на том, что она не пойдёт к тому, кто ей не нравится. Однако алчный лама, обещавший сделать её старшей женой богатого китайца, обманным путём вывозит Оюунчимэг за границу и продаёт в дом свиданий. Ей удаётся оттуда сбежать и поступить служанкой в богатую семью. Затем предприимчивая Оюунчимэг знакомится с монгольскими караванщиками и с их помощью возвращается на родину [Нацагдорж 2006. Х. 254–256]. В этой пьесе Нацагдорж представляет образ красивой, умной, волевой женщины, способной справиться с жизненными трудностями.

В повести «Жемчужины без нитки» («*Хэлхээ үгүй сувд*» *хэмээх тууж*) [Нацагдорж 2006. Х. 284–292]) Д. Нацагдорж обращается к судьбам трёх столичных женщин Долгор, Дариймы и Сумьи. На их примере прозаик представляет состояние сословий в Монголии начала XX в. Сам автор писал: «Феодалы, монахи и китайцы — главные враги монгольских парней на любовном фронте» [Цэдэв 2006. Х. 26]. Характерные образы трёх женщин воплощают в себе элементы социально-исторической действительности. К сожалению, повесть «Жемчужины без нитки» осталась неоконченной.

В известном рассказе «Слёзы ламы» («*Ламбугайн нулимс*» [Нацагдорж 2006. Х. 222–224]) девушка, прекрасно освоившая «науку острого сексуального меча», Уй Бай-хуа (китайское имя), или Цэрэнлхам — наркоманка, шантажистка и развратница готова на всё, чтобы заработать деньги. Она изображена похожей на Цэрму или Ван Сянь Юй, женщину средних лет из повести «Жемчужины без нитки» [Цэдэв 2006. Х. 26].

Е. Н. Павлова пишет: «Одним из самых удивительных и в то же время противоречивых женских персонажей, созданных Д. Нацагдоржем, является персонаж Цэрэнлхам, героини повести «Слёзы ламы» [Павлова 2020. С. 21]. Об этом рассказе и персонаже монгольский романист Ч. Лодойдамба сказал: «Лодон в рассказе «Слёзы ламы» Д. Нацагдоржа — очень сильный трагический персонаж, автор не высмеивал Лодона, но показал реальную траге-

дию человека» [Цэдэв 2006. Х. 38]. Ш. Гаадамба в свою очередь заметил: «Святой монах, тайная связь между ним и проституткой описана с определённой долей юмора. Забавно, как религиозный монах забыл своего бога всего за одну ночь. Красота шлюхи-наркоманки подобна красоте Белой Тары². Некоторые из «бедных, угнетённых» монгольских женщин, находившихся под контролем своих родителей, мужей и феодалов в колониальный период, особенно женщины окрестных городов, стали свободными благодаря Народной революции 1921 г. Теперь женщинам было предоставлено право самим заботиться о своём здоровье, учиться и работать. Нацагдорж очень сожалел о том, что чистая и застенчивая натура монгольских женщин, не знающих, что теперь они могут развиваться и сами выбирать себе супруга, выбрасывается, и они идут неверным путем, так как «гонятся за развлечениями, принимают наркотики, употребляют алкоголь, занимаются проституцией и прелюбодеянием» [Там же. Х. 39].

Д. Намдаг отмечал: «Гаадамба считал „Слёзы ламы“ сатирой. У меня нет желания это отрицать. В рассказе есть много элементов, которые делают его сатирой. Но наш известный писатель Ч. Лодойдамба счёл это трагедией. Это то же правда. Рассказ сатирический, но трагичный. Определённая часть жизни трагична, и тогда она не может быть смешной, не так ли? Поэтому Нацагдорж изобразил и сатирические, и трагические стороны жизни, в чём и проявился его незаурядный талант» [Цэдэв 2006. Х. 39].

Одним из двух главных героев рассказа является Цэрэнлхам. Если бы не персонаж Цэрэнлхам, не мог бы возникнуть и образ ламы Лодона.

«...Будучи очень талантливым писателем, Нацагдорж, возможно, глубоко изобразил отрицательные качества Цэрэнлхам посредством художественного воздействия и, возможно, вызвал чувство уважения к Лодону, хотя и не хотел этого. Нацагдорж беспощадно относился к своему персонажу... Создавая образ Лодона, писатель намеревался создать психологиче-

² Белая Тара — богиня, отвращающая от несчастья.

ский персонаж, отказавшись от традиции переноса готового персонажа из одной ситуации в другую (такую ситуацию мы увидим на примере Цэрэнлхам)» [Яцковская 1974. С. 85], а Л. К. Герасимович писала: «...монах, который проповедует, что все в этом мире смертно и пусто, но который влюбляется в легкомысленную девушку, описан в насмешливой форме» [Цэдэв 2006. Х. 39].

Как видим, по мнению этих исследователей, Лодон — прогрессивный персонаж, хоть и жертва, но он начинает понимать, что нет спасителя от природы вселенной посредством силы маленькой «светлой» воли. Но девушка Цэрэнлхам гораздо более трагичный образ. У неё нет никаких мечтаний, кроме наркотиков. В рассказе написано: «Девушка Цэрэнлхам вышла с целью продать свое золотое кольцо, чтобы заработать деньги на наркотики...» [Нацагдорж 2006. Х. 222]. Можно сказать, что у Цэрэнлхам нет будущего.

В рассказе «Позднее раскаяние» («*Хожимдсон гэмшил*») [Нацагдорж 2006. Х. 279–280]) девочка, заразившаяся корью от гончара китайца Ли, пошла в больницу, но было уже поздно. До этого Ли, тоже болел корью, но дав врачу денег, вылечился. Однако для девочки Ли ничего не сделал. Здесь Нацагдорж представил собирательный образ монгольских женщин, которые сбились с пути из-за китайских торговцев, проституток и мошенников столицы. Во многом они лишились своего будущего. В частности, Нацагдоржу удалось показать, что невзгоды и даже смерти городских монгольских женщин связаны с тем, как феодалы, ламы и китайцы играют их судьбами.

Е. Н. Павлова замечает: «Создание женского образа требует особого внимания и чуткости. В некоторых произведениях автора встречаются метафоры, где образ женщины олицетворяет Родину и даже целую эпоху в истории Монголии» [Павлова 2020. С. 21].

Женские персонажи произведений Д. Нацагдоржа — красивые городские и провинциальные девушки с искренней любовью, чистые,

застенчивые, образованные и умные, девушки, уставшие от роли прислуги в семье, но обретающие свободу благодаря любви. Между 1925 и 1936 гг. Д. Нацагдорж создаёт яркие, запоминающиеся образы многих своих современниц. Палитра его персонажей очень разнообразна. Это и жадная женщина, потерявшая мужа, и продажная женщина, которая ни о чем не думает, кроме денег. Это и провинциальная красавица, прекрасная степная амазонка, и обретшая свою любовь бывшая служанка, и загадочная женщина-учёный, и бесстрашная путешественница.

Искусство, застрявшее в идеологии или стереотипной системе, имеет короткую жизнь. Хотя некоторые женские образы, созданные Д. Нацагдоржем, были в то время пропагандистскими, можно считать, что они представляют собой период времени, который не потерял своего значения, поскольку они состоят из внутренних переживаний, природных особенностей, чувств и образа жизни, с которым сталкиваются женщины в любом обществе.

После Демократической революции 1990 г. девушки в нашей стране тоже слишком наслаждались своей «свободой». Тогда получили распространение курение, выпивка, открытая проституция. Известно, что при смене любых эпох женщины первыми становятся жертвами социального кризиса. Хотя женские образы в рассказах и стихах, повестях и пьесах были представлены Д. Нацагдоржем в 1920–30-е годы, т. е. примерно 70–80 лет назад, они до сих пор значимы.

Эстетическая ценность является жизненно важным показателем для определения жизнеспособности художественного произведения и связана с внутренним миром человека. Поэтому идейно-эстетическое и дидактическое значение как произведений Д. Нацагдоржа в целом, так и образов женщин в его творчестве в частности не потеряли своей актуальности и сегодня, а углубленное изучение этой темы придаёт значение творческому наследию Д. Нацагдоржа и монгольской литературе в целом.

Использованная литература

Герасимович 1965: *Герасимович Л. К.* Литература Монгольской Народной республики 1921–1964 [Literature of Mongolian People's Republic 1921–1964]. Л.: ЛГУ, 1965.

Нацагдорж 2006: *Нацагдорж Д.* Бүрэн зохиол. 3 боть [Collected Works in 3 Volumes]. Улаанбаатар, 2006.

Павлова 2020: *Павлова Е. Н.* Женские образы в творчестве Д. Нацагдоржа [Female Images in D. Natsagdorg's Works]. Курсовая работа. СПбГУ, 2020.

Рассказы монгольских писателей, 1984: Рассказы монгольских писателей, в 2-х томах [Stories of Mongolian writers, in 2 volumes]. Т. 1. М.: Художественная литература, 1984.

Саруул-Эрдэнэ: *Саруул-Эрдэнэ М.* Шалиг хүүхэн ба сайхан хүүхэн: Д. Нацагдоржийн бүтээл мөн болохыг тогтоох хэл найруулгын шинжилгээ [Depraved Girl and Honest Girl: Linguistic Analysis and Identification of the Authorship of D. Natsagdorg] [электронный ресурс] www.academia.edu/ (дата обращения 30.11.2024).

Цэдэв 2006: *Цэдэв Д.* Дашдоржийн Нацагдорж (намтар, уран бүтээл) [D. Natsagdorg. Biography and Creativity]. Т. 1. Улаанбаатар, 2006. Х. 19–43.

Яцковская 1974: *Яцковская К. Н.* Дашдоржийн Нацагдорж. Жизнь и творчество [Dashdorgiin Natsagdorg. Biography and Creativity]. М.: Наука, 1974.

TS. TUMENBAYAR

FEATURES OF FEMALE CHARACTERS IN THE WORKS OF D. NATSAGDORJ

The article is devoted to the analysis of the features of female characters in the works of the founder of modern Mongolian literature Dashdorjiin Natsagdorg (1906–1937). The works of this author are studied by Mongolian and foreign researchers. However, female characters are still not given due attention. Only the term paper “Female Characters in the Works of D. Natsagdorg” by E. N. Pavlova, a student of the Faculty of Asian and African Studies of the Saint Petersburg State University, is known on this topic. During any changes, the fate of women is difficult, and sometimes tragic. This is reflected in the works of the writer. In the article, we made an attempt to draw a parallel between the social life of women during the People's Revolution of 1921 and the Democratic Revolution of 1990 in Mongolia. The presentation of women's images by the great writer is important for understanding the social life of Mongolia during the collapse of two social systems. The artistic significance of female characters in the works of D. Natsagdorg has not lost its relevance even today. The article uses the writer's works, archival documents and literary studies of Mongolian and foreign specialists.

Key words: D. Natsagdorg, female images, female characters, social system.

About the Author: **Tserentulgyn TUMENBAYAR**, writer, member of the Writers' Union of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia) (tumenbayartserentulga@gmail.com).

Maria P. PETROVA
St. Petersburg State University

ATMOSPHERIC STORIES BY DAN. NYAMA

This article is devoted to such a phenomenon as the atmosphere of the text. The material used is stories by modern Mongolian writer Danzangiin Nyama “Arkan” and “The Sky Above the Yurt” (Ulaanbaatar, 2022). Two stories by Dan. Nyama are filled with the atmosphere of nomadic life of modern cattle breeder, which is created due to all the constituent elements of the atmosphere. The atmosphere of these stories consists of such elements as setting, nature and weather, main characters, relationships between the characters. Artistic descriptions of smell, colors, sounds allow the reader to immerse themselves in the psychological climate of each story and invisibly live the plots together with the characters. The atmospheric stories by Dan. Nyama “Arkan” and “The Sky Above the Yurt” are not only literary works, but also deep psychological studies of human nature in the context of Mongolian culture. Using a variety of literary devices, the author creates rich emotional worlds that evoke strong feelings in the reader. His stories make one think about eternal themes such as love, connection with nature, life, death, and the frailty of human existence. Dan. Nyama is one of those writers whose atmosphere helps to understand and feel the uniqueness of Mongolian literature, its richness and diversity.

Key words: atmosphere, atmospheric text, nomadic life, psychological climate, Mongolian culture.

About the author: Maria P. PETROVA, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation) (mariap2001@mail.ru). ORCID 0000-0002-6120-7676.

© Petrova M. P., 2024

In modern research, the phenomenon of the atmosphere acquires an independent conceptual status. “Initially, the concept of “atmosphere” (from the Neolat. *atmosphæra* [*atmos* — steam, *sphæra* — ball]) meant a gas shell surrounding the Earth. It was introduced into scientific circulation in the 17th c. and was used within the framework of the natural sciences (in physics, chemistry; then in the 18th c. in astronomy, optics, hydrography). Gradually, the concept of “atmosphere” acquired new cultural connotations and began to be used by art historians and symbolist poets to describe relationships of various kinds (social, psychological, sentimental and ethical) not only between two or more people, but also between a person and his physical environment” [Mazaeva 2022].

The concepts of “atmosphere”, “atmosphericity”, “atmospheric text”, appeared in literary criticism recently — at the end of the 20th — beginning of the 21st cc. “Atmosphericity” is a positive characteristic of the text, implying the presence of a pronounced atmosphere in it. The atmospheric

nature of the text implies immersion in this text, that is, a certain strong emotional effect that creates the illusion of the reader’s presence in the text” [Smolnyakov 2020]. Modern Mongolian writer Danzangiin Nyama came to literature in the late 1980s as a poet. He wrote such poetry collections as “Melody of Distant Time” (“*Алс цагийн аяс*”, 1986), “Offer of Love” (“*Амрагийн өргөл*”, 1998), “World of Songs” (“*Дуутай орчлон*”, 2006) and many others. In the 90s, Dan. Nyama turned to prose and published several collections of short stories and novels: “The Palm of the Sun” (“*Нарны алга*”, 1993), “The Years Flow” (“*Он жил урсана*”, 2000), “The Grenade-Eyed Swallow” (“*Анар нүдэн хараацай*”, 2008), and others. In 2022, his novellas “Arkan” (“*Бугуйл*”) and “The Sky Above the Yurt” (“*Тоононы цамхраанд тэнгэр гэрэлтэнэ*”) were published [Nyamaa Dan 2022]. The author himself gives them a subtitle — “stories about nomads”. In the texts of these two stories, Dan. Nyama, reflecting the realities of Mongolian life, creates a rich emotional environment, which contributes

to deep interaction between the text and the reader. The author manages to present a unique world in which nature, human relationships and social problems are intertwined, forming a complex emotional background.

The atmosphere of Dan. Nyama's stories consists of such elements as the setting, nature and weather, the main characters, and the relationships between the characters. Artistic descriptions of this or that smell, color, sound allow the reader to immerse themselves in the psychological climate of each story and invisibly experience the plots together with the characters.

Dan. Nyama's stories "Arkan" and "The Sky Above the Yurt" are filled with the atmosphere of nomadic life of a modern cattle breeder, which is created by all the constituent elements of the atmosphere.

The main heroes of the story "Arkan" are the prisoner Bayarzhargal and a woman from the neighboring camp Sumya. They meet at the gates of the colony, where Sumya brings fresh milk from their summer camp every morning in accordance with the agreement. "On the day when she arrived at the colony, the prisoner who accepted milk changed, and instead of him there was a tall, skinny guy. On his chest he had a patch with the name "Bayarzhargal". Ah, with what bright red threads his name was embroidered! " [Nyamaa Dan, 2022. P. 6]. In the color symbolism of the Mongolian-speaking peoples, red has a special meaning. It is associated with fire, the hearth, prosperity and family's well-being. Both the color of the patch and the hero's name Bayarzhargal (Mong. *Bayar* 'holiday', *zhargal* 'happiness'), and the time of the action — golden autumn — symbolize the beginning of a new love, a new life as well as a new family and new happiness. In addition, these are the names of Sumya's two sons: Bayar and Zhargal.

Color plays an important role both in the relationships between the characters and in descriptions of nature. "Now in our area there is a wonderful golden autumn. The Dagan del ridge, yellow as a haystack, stretches into the distance, sheep scattered like white pearls across the brown hills, dust swirls across the steppe under the hooves of horses..." [Nyamaa Dan 2022. P. 6].

"On that autumn evening, the stars winked high in the sky, the moonlight poured like milk to the very roots of the steppe grasses. A light breeze blew over every pebble, the endless sky was reflected in the drops of pre-dawn dew. The sun rose from behind the mountains as if on wings. A new morning was born in the Mongolian steppe" [Nyamaa Dan 2022. P. 19].

It should be noticed, that the scenes of nature in Dan. Nyama's stories are not a background separated from the narrative. The landscape reflects the hero's perception of nature, as well as his psychological state. In "The Sky Above the Yurt", the main characters Giyma and Badamdoo meet in summer in steppe. "The sun shone high in the sky, and the blue sky in the distance merged with the blue flowers, the water in the Khuzhryn Gol River bubbled at the rocky rapids. ...Each of the lovers had a desire to go around the entire globe together. They could not express this desire out loudly, but silently they offered prayers to the surrounding mountains and waters. And their prayer was heard by the guardian spirits of the area, or perhaps this was their predestined destiny..." [Nyamaa Dan 2022. P. 1–61]. So, nature in Dan. Nyama outlines subsequent events, motivating them with the plot. In nomadic life conditions, where man and nature are not simply connected, but merged into one, this is completely natural. And the author of stories about nomads presents landscape, nature and its phenomena as an element for the artistic transmission of this special atmosphere of his works.

Another element of the atmosphere in Dan. Nyama's stories is the national traditions and ethnic characteristics of Mongolian nomads. Creating an atmosphere of nomadic life, the author resorts to a detailed description of the daily activities of cattle breeders, the appearance and interior decoration.

For example, here is a description of Sumya's native yurt, to which she returns after several years because her husband left the family forever.

"The yurt was the same. Two chests with shining lions on the front wall. The chests are ancient, but they hold their shape, and the lions almost roar on them. However, time takes its toll — and their corners are worn. The "Rodina-52" radio receiver is on top, and next to it is a small modern radio...

On another chest is a statue of Buddha, next to it is a framed picture and a mirror.

On the left side of the yurt, her son is sitting on a wooden bed, his legs dangling. Further on there is a small chest of drawers, then a cupboard with small bowls, on the middle shelf of which there is a saucepan with boiled milk. On the right side there is a neatly made bed, at the head of which there is a bag of bed linen, on which she herself once embroidered a pair of swans and five types of cattle. A blue silk curtain is hanged above the bed. Sumya slept on this bed. Under the bed there are sacks with winter and summer clothes, further — with flour and rice, saddles and bridles, leather belts, ropes made of horse sinews...” [Nyamaa Dan 2022. P. 74–75].

The plot of the story “The Sky Above the Yurt” begins on the day before the White Month holiday or the New Year according to the Lunar calendar. On this day, according to tradition, it is customary to clean the yurt and the yard, finish sewing new clothes for all family members, and prepare a festive treat. In the yurt of the main character Giyma there is also pre-holiday bustle.

“Since it was New Year’s Eve, everyone was preparing a festive treat in the morning, frying khoshurs, boiling lamb rump, cutting snacks, in a word, they worked tirelessly...” [Nyamaa Dan 2022. P. 111].

On the eve of the most important calendar White Month holiday Giymaa is left alone in the yurt, since her pregnant daughter-in-law begins to have contractions and her grandson takes his wife to the somon maternity hospital. The main character first prays in front of the home altar, and then begins to remember her entire long life.

“Lamps were burning on the chest on the khoimor. A tanka with an image of Green Gift Ekhe was dimly visible. It was quiet in the yurt. Old woman Giymaa poured water into the cauldron, added tea and sat down at the table to lay out the festive food. Recently she went out to put pieces of ice from Lake Khokburd at the door. Let the goddess Lhamo water her horse. She stuck a bunch of dry caragana into the left joint of the lattice wall and the door of the yurt and began to pray: that troubles and misfortunes would bypass her children and grandchildren, that happiness and

good fortune would accompany them, that their affairs would go well. The candle flames swayed, the aroma of juniper spread throughout the yurt” [Nyamaa Dan 2022. P. 115]. The characters in Dan. Nyama’s stories constantly cook and drink tea with milk, fat and salt, cook *khar shul* — lamb soup — in a cauldron, make *boozy* — steamed dumplings, fry khoshurs and pancakes. “When he, having tied the horse, entered the yurt, Odmaa served him a cup of hot tea with milk and fat. A pancake was already being fried in melted butter. A pancake on melted butter with milky tea and fat is the best food in the world. When he had been coming to his grandmother for his summer holidays, she always fried pancakes and greased them with cream on top. They are also called seven-layer. Then Narsar learned to fry seven-layer pancakes himself” [Nyamaa Dan 2022. P. 171]. As we can see, national food becomes one of the elements of the atmosphere of the text.

It is impossible to imagine nomadic life without songs, proverbs and sayings. Thus, the hero of the story “Arkan” Bayarzhargal, heading to the yurt of his beloved, whistles the melody of well known folk song about love “Sunjidmaa”, the plot of which largely determines the plot of the story. In the story “The Sky Above the Yurt” folk songs are constantly heard on the radio. As a wedding gift for the young Narsar and Odmaa, their mothers order the song “Fate of a Cattleman”. Giymaa’s older brother goes to military service and, together with other recruits, sings the famous historical song “Red Banner”. Giymaa also recalls the recent incident when a song saved her life. On a seemingly cloudless winter day, she went out to drive the sheep, when suddenly a blizzard began. “Blizzard threw snow right in her face. And it was unclear where exactly it was blowing from. Giymaa, listening to the surrounding sounds, walked forward. She could hear the bleating of sheep, the faint barking of an old shepherd’s dog... Suddenly her ear caught the faint sound of some melody. When she stopped and listened, it turned out that the sound was coming from the direction she was going. She quickened her pace as much as she could. And when she stopped again, she realized that it was a drawn-out song. The sound grew louder, and in the meantime, Giymaa had already reached the edge

of her camp... As she approached her yurt, she heard the song “The Sun of the Gentle Universe” performed by singer Norovbanzad more and more clearly. Giymaa thought with gratitude: “This song led me home, the radio saved my life” [Nyamaa Dan 2022. P. 172–173].

Proverbs and sayings are constantly heard in the speech of Nyama’s heroes. “Try yourself, if you try yourself, then fate will try too”, Giymaa teaches her children [Nyamaa Dan 2022. P. 160]. “While it’s new, he looks at it with interest, but when he gets tired of it, he looks at it pickily”, Giymaa thinks about her grandson, who decided to live in the steppe with his young wife [Nyamaa Dan 2022. P. 164]. Characters utter *yuroly* (good wishes) and *magtaly* (praises). “Two years after she married Badamdoo, her older brother Khaltar arrived, demobilized from the Army and already employed as a driver. Upon arrival, he kissed her on the forehead and said: “Let the Order of the Mother Heroine shine on my little sister’s chest”. And then, throwing his sons, born one after the other, in his arms, he said: “You two, like the horns of a male dzeren, I wish you to multiply as the horns of a forest deer branch out” [Nyamaa Dan 2022. P. 162]. With the help of folklore elements, the author manages to bring a unique national flavor to the atmosphere of his works.

The internal monologues of the characters play an important role in creating the stories atmosphere. Full of doubts and experiences, they allow the reader to create an atmosphere of empathy and involvement.

Here is how the author presents, for example, the thoughts of the main character of the story “Arkan”, who migrated to the native land of her second husband: “Sumya silently prayed to the guardian spirits of the new area, entered the yurt and began to make tea. There are good pastures here. Son Zhargal runs back and forth. In general, he rejoices at every migration. And now he does not

hide his joy. Stirrups jingled at the hitching post. It must have been Bayarzhargal who arrived. Son Zhargal immediately ran out of the yurt and rushed to meet him. And he, spreading his arms, hugged him tightly. Father and son. Stepfather and adopted son. Cows moo. Are they really remembering their native land? Or are they talking to each other about new pastures?” [Nyamaa Dan 2022. P. 56]. “On the third day of the New Year, children from far and near will start arriving in droves. Grandchildren will hug and congratulate. This year of the mouse will be nothing less than successful. This year I will meet my great-granddaughter, — this is what Giymaa thought, and a smile appeared on her face” [Nyamaa Dan 2022. P. 165].

The atmosphere in Dan Nyama’s stories is achieved through various stylistic devices:

- figurative language: the use of metaphors and symbols associated with nature and national culture;

- narrative dynamics: the interweaving of various time layers creates multi-layeredness, especially in the story “The Sky Above the Yurt”, where Giymaa recalls her entire life on the eve of the New Year according to the Lunar calendar;

- internal monologues of the characters: they contain elements of meditation and cultural traditions, which emphasizes the atmosphere of ambiguity and depth.

Thus, Dan. Nyama’s atmospheric stories “Arkan” and “The Sky Above the Yurt” are not only literary works, but also deep psychological studies of human nature in the context of Mongolian culture. Using a variety of literary devices, the author creates rich emotional worlds that evoke strong feelings in the reader. His stories make you think about eternal themes such as love, connection with nature, life, death, the frailty of human existence. Dan. Nyama is one of those writers whose atmosphere helps to understand and feel the uniqueness of Mongolian literature, its richness and diversity.

References

Maзаeva 2022: *Мазаева М.* Феномен атмосферы как объект междисциплинарного исследования [The Phenomenon of the Atmosphere as an Object of Interdisciplinary Research] // Социологическое обозрение. М., 2022. Т. 21. № 1. С. 131–152.

Nyamaa Dan 2022: *Нямаа Данзангийн.* Бугуйл. Тоононы цамхраанд тэнгэр гэрэлтэнэ [Arkan. The Sky Above the Yurt]. Улаанбаатар, 2022.

Smolnyakov, 2020: *Смольняков И. Д.* Атмосферность текста [Atmosphere of the Text] // Исследования молодых учёных. № 3(19). М.: МГПУ, 2020. С ?

АТМОСФЕРНЫЕ РАССКАЗЫ ДАН. НЯМЫ

М. П. ПЕТРОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

Статья посвящена такому явлению, как атмосфера текста. В качестве материала использованы рассказы современного монгольского писателя Данзангийн Нямы “Аркан” и “Небо над юртой” (Улан-Батор, 2022). Два рассказа Дан. Нямы наполнены атмосферой кочевой жизни современного скотовода, которая создается благодаря всем составляющим элементам атмосферы. Атмосфера этих историй складывается из таких элементов, как обстановка, природа и погода, главные герои, взаимоотношения между персонажами. Художественные описания запахов, цветов, звуков позволяют читателю погрузиться в психологический климат каждой истории и незаметно пережить сюжеты вместе с героями. Атмосферные рассказы Дан. Нямы “Аркан” и “Небо над юртой” – это не только литературные произведения, но и глубокие психологические исследования природы человека в контексте монгольской культуры. Используя разнообразные литературные приемы, автор создает богатые эмоциональные миры, которые вызывают у читателя сильные чувства. Его рассказы заставляют задуматься о вечных темах, таких как любовь, связь с природой, жизнь, смерть и бренность человеческого существования. Дан. Няма – один из тех писателей, который помогает понять и прочувствовать уникальность монгольской литературы, ее богатство и разнообразие.

Ключевые слова: атмосфера, атмосферный текст, кочевой образ жизни, психологический климат, монгольская культура.

Об авторе: **Мария Павловна Петрова**, кандидат филологических наук, доцент Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация) (mariap2001@mail.ru). ORCID 0000-0002-6120-7676.

УДК 811.512.1/3:092
DOI 10.48612/IVRRAN/r31a-9avd-the1

С. М. ТРОФИМОВА

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова

«ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНОГО ПРИМЕЧАТЕЛЬНА НЕ ТОЛЬКО НАУЧНЫМИ ТРУДАМИ, НО И ОБАЯНИЕМ ЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ НАТУРЫ»

Об авторе: ТРОФИМОВА Светлана Менкеновна, доктор филологических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова» (Россия, Элиста) (trofimovasm@mail.ru). ORCID: 0000-0003-1812-7117. Супруга Валентина Ивановича Рассадина.

© Трофимова С. М., 2024

Валентин Иванович Рассадин (1939–2017)

Рассадин Валентин Иванович...

Это поразительно скромный и очень деликатный, обстоятельный и неторопливый, крайне благожелательный и добросердечный, имеющий острое чувство юмора, человек с потрясающей лингвистической эрудицией и феноменальной памятью, один из самых ярких ученых современности, добрейшей души человек, учитель и наставник многих поколений тюркологов и монголистов, живая легенда, истинный служитель науки, спаситель языков и национальная гордость Бурятии и Калмыкии, какими бывают только великие люди.

Знакомство с ним — это подарок судьбы. Мне в жизни повезло встретить столь необыкновенную личность и быть другом, соратником, женой большого Ученого, прекрасного Человека.

Хочу отметить, что Валентин Иванович был великолепным наставником. Его суждения, рекомендации, его советы по поводу наших исследований, будь то статья или монография, всегда высказывались в доброжелательном и доверительном, заинтересованном и уважительном тоне. Всегда можно было рассчитывать на его поддержку.

Могу сказать, что он был альтруистом, несмотря на свое физическое недомогание, он никогда никому не отказывал в просьбе. Он

всегда находил время тщательно прочесть работу, выверить все погрешности и даже отредактировать рукопись, дать оценку. Думаю, что все, кто обращался к нему лично или даже в режиме он-лайн, особенно зарубежные ученые, интересующиеся проблемами монголоведения и тюркологии или переводом, не только получали исчерпывающий компетентный ответ, но и импульс для дальнейших своих исследований. Например, вспоминается, что научная статья финского ученого Юхо Янхунена и его ученика Тома Эриксона появилась в результате обращения их к В. И. Рассадину по поводу одного на первый взгляд незначительного слова *Касаа*, не зафиксированного в словарях, в переводе с тофаларского означающего озеро Хубсугул. И таких примеров можно привести множество.

Характеризуя его как исследователя, отмечу, что он был очень увлечен научным поиском, ему характерны быстрота и оригинальность мышления, гибкость ума, способность вникать в суть проблемы. Валентин Иванович очень заинтересованный собеседник. А какой он рассказчик! Он мог часами рассказывать о закономерностях исторического развития языка, и все это подкреплялось многочисленными и убедительными примерами.

Я всегда поражалась, как, откуда он все это знает, как можно все это запомнить и изложить в подробностях суть того или иного языкового явления? Всегда удивлялась и поражалась, как он улавливал все мельчайшие нюансы функционирования звука, морфемы, слова, предложения в разных по своей структуре и системе языках. Все это излагалось не в строго академическом стиле, а было доступно для неподготовленного слушателя, поскольку эта специфическая информация комментировалась и содержала любопытные сведения по материальной и духовной культуре. Хочется отметить, что в круг интересов Валентина Ивановича красной чертой проходила проблема взаимосвязи языка и культуры, проблема языка и мышления. Не это ли является главным принципом исследователя-лингвиста?

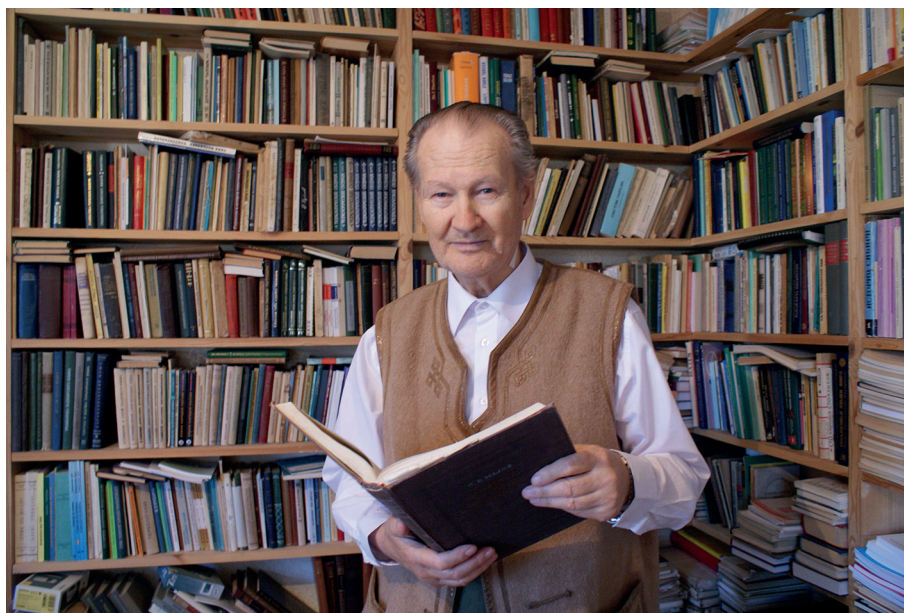
Благодаря своему таланту исследователя, которому можно только позавидовать, широте

профессионального кругозора и научных интересов, Валентин Иванович, если можно так выразиться, подарил отечественной и мировой науке серию фундаментальных трудов по монголоведению, тюркологии, алтаистике.

Валентина Ивановича по праву можно назвать просветителем. В народе его называют тофаларским и сойотским Кириллом и Мефодием. Он создатель письменности для бесписьменных ранее сибирских тюркских языков — тофаларского и сойотского. Несмотря на свою большую занятость, Валентин Иванович разработал буквари этих языков, с присущей ему скрупулезностью тщательно взвесив шаг, максимально учитывая интересы адресата. Вдумчиво и обстоятельно, не упуская из виду весь комплекс задач по созданию учебников, продумывал композицию, содержание иллюстраций, цветовое оформление, шрифты и т. д. Создав учебник, ставший первым помощником учеников в постижении языка и овладении речью, Валентин Иванович сумел реализовать самую важную задачу — задачу обучения. Дидактическая грамотность ученого-лингвиста проявилась и в осмыслении системы обучения. В частности, заинтересованность в достижении положительного результата лежит в основе обращения В. И. Рассадина к идее создания не только букварей, а ряда школьных и иных учебных пособий, обеспечивающих обучение тофаларскому и сойотскому языкам.

Он описал звуковой строй тофаларского и сойотского языков и их основные закономерности. Изучение фонетики этих языков велось посредством восприятия звуков речи на слух. Слух у Валентина Ивановича был настолько острым и совершенным, что экспериментально исследование полностью подтвердило его правильность.

«Язык считается основным, ярчайшим и устойчивым показателем этноса», — так писал крупный языковед нашего времени Н. И. Толстой. Не случайно Валентин Иванович Рассадин, посвятивший свою жизнь изучению тофаларов, одного из тюркских народов Сибири, начал с их языка. Он жил с носителями языка бок о бок в тайге, чумах, на горных пастбищах, записывал речь, собирал образцы богатого

Валентин Иванович в своем рабочем кабинете. Элиста

фольклора маленького народа. Валентин Иванович составил уникальную картотеку тофаларского языка, в ней 40 тысяч карточек. На основании этой картотеки им создан и издан в Москве академический «Тофаларско-русский словарь» объемом более 16 тысяч слов, иллюстрированных тщательно подобранными примерами. Изучая язык тофаларов, сойотов ученый руководствовался желанием понять культуру, духовную жизнь народа. В отличие от многих современных исследователей, он знал, что для этого необходимо научиться видеть мир сквозь призму их родного языка. Любой народ — это прежде всего его язык, который объединяет современников, роднит потомков и предков. Есть язык — есть народ, нет языка — нет и народа.

Рассади́на Валентина Ивановича можно охарактеризовать как человека, который неравнодушен к чужим бедам, как человека, который способен сострадать, сочувствовать, готового всегда прийти на помощь. Именно человеколюбием объясняется результат его просветительской и наставнической деятельности. Более 50-ти человек, в том числе и из-за рубежа, достигли статуса исследователей с ученой степенью под его руководством. Заслуга Валентина Ивановича состоит не только в том, что им заложены исследовательские навыки,

отточены профессиональные умения, что, безусловно, уже составляет завидный багаж его учеников. Но не менее важно и то, что обретается ими в плане морально-нравственном. В этом смысле показательны и поучительны для молодых исследователей личностные качества ученого. Знаменательно, что когда открывался восточный факультет в Бурятском госуниверситете, Валентина Ивановича пригласили заведовать кафедрой языков народов Центральной и Восточной Азии». Он создал и возглавил эту кафедру. Большинство выпускников этой кафедры пополнили ряды научных сотрудников ИМБТ СО РАН. Как же надо работать, чтобы добиться того, что люди, которые совершенно не знали языка или языков, стали прекрасно ориентироваться в современных монгольских языках, в старописьменном монгольском языке на вертикальной письменности — это заслуга Валентина Ивановича! Разве это не подвиг!

Говоря о его душевной человеческой щедрости и доброте, которая проявляется на любом поприще, можно сказать о его работе как научного руководителя с аспирантами и докторантами. Редко встретишь научного руководителя, коллегу — великодушного, терпимого, мудрого и оптимистически настроенного в оценке личностных и деловых качествах своих учеников, коллег. Это меня всегда поражало! Его харак-

теризуют такие качества как ответственность и обязательность. Если обещал, то обязательно делает, даже рискуя своим здоровьем.

Не только среди бурятских, но и среди московских, Санкт-Петербургских научных руководителей аспирантами, докторантами и соискателями существовало мнение, что если Рассадин одобряет диссертацию, то её можно выносить на защиту.

Трудно сказать, почему избранницей Валентина Рассадина стала именно монгольская филология. Еще в школьные годы он изучил татарский язык настолько, что татары, когда он среди них, считают его своим. Немцы тоже принимают его за своего: он говорил на абсолютно чистом, определенном диалекте немецкого языка. Валентин Рассадин — явление очень интересное. Познав некоторые языки, он почувствовал, нашел в них какие-то сходства, близость и решил овладеть этими языками в научном отношении, описать их. В итоге в совершенстве овладел и разговаривал на многих языках мира. Разве это не дерзание! Разве это не подвиг!

Валентин Иванович Рассадин — полиглот. Он свободно владел бурятским, калмыцким, монгольским, татарским, знал тофаларский, сойотский, тувинский, а также древние тюркские и старомонгольские языки, читал по-хакасски, по-алтайски, по-киргизски, по-казахски и на других тюркских языках. Знает немецкий, английский, французский, проштудировал арабский и персидский.

Знание языков помогало не только в изучении первоисточников, но и давало возможность свободно общаться с людьми разных национальностей во время экспедиций, устанавливать близкие творческие контакты с отечественными и зарубежными учеными. В кругу его знакомых — видные специалисты-востоковеды. Наша квартира похожа скорей всего на научную библиотеку. Около тысячи томов, аккуратно расставленных на полках, ждали по вечерам своего хозяина.

Валентин Иванович прекрасно ориентировался в тюркских языках. Он знал, как с кем разговаривать. В Казахстане, к примеру, разговаривает с любым казахом, зная, какие

звуки там отличны от татарского. Приехал в Азербайджан — чувствует звуки, строй языка и здесь. Любопытные эпизоды в его жизни бывали не раз. В Азербайджане его считают исследователем азербайджанского языка, хотя ни одной статьи на этот счет он не написал. Просто на одной из конференций этот монголовед (в то время жил и работал в Бурятии) высказал несколько весьма глубоких соображений по азербайджанскому языку. Теперь коллеги из Баку всегда интересуются: «Как там наш Рассадин?». И вообще я не раз сталкивалась с тем, что Валентин Иванович может, пусть даже и на бытовые темы, общаться с японцами, китайцами, итальянцами, венграми, литовцами, чехами, поляками, турками, финнами, не говоря о монгольском, татарском, бурятском, английском, немецком, французском языках, на которых свободно говорил.

На мой взгляд, такие понятия, как гармоничная личность, садовод и кулинар, охотник и рыболов как-то несовместимы с человеком, увлеченным большой наукой. Тем не менее, но это факт. Валентин Иванович был заядлым садоводом-огородником, он мог с увлечением рассказывать о том, как «взрослела» облепиха, «рождались» помидорчики, кабачки, наливалась тыква и т. п. Из обильного дачного урожая он сам варил варенье, солил, мариновал.

Также хочется сказать о его кулинарных способностях. Он знал, на каком огне, что и как надо приготовить. Не существует блюд, которые не мог бы приготовить Валентин Иванович. К тому же он радушный и гостеприимный хозяин. Это удивительно гармоничный человек состоялся во всем — в науке и в жизни.

Известно, что деятельность ученого примечательна не только научными трудами, но и обаянием его человеческой натуры. В отношении Валентина Ивановича Рассадина это особенно показательно. Он олицетворяет лучшие качества ученого, всегда был примером компетентного и независимого исследователя-лингвиста, продолжающего традиции великих ученых XIX–XX вв. Эти его качества особенно ценны в наше время, когда личность ученого поглощается так называемой современной парадигмой.

Пример самоотверженного служения науке действителен, и в этом особая значимость и ценность его личности.

Валентин Иванович был яркий исследователь и чудесный человек. Это имя и память о Валентине Ивановиче как о человеке останутся в памяти всех, кому посчастливилось знать его, кто будет обращаться к его трудам еще многие-многие десятилетия спустя.

Его имя, как сказали его коллеги из Азербайджана, «начиная с монгольских, бурятских, калмыцких степей, как ярчайшая звезда вечно будет гореть на небосклоне тюрко-монгольских языков, освещая путь каждому ученому, влюбленному в свой народ».

Прошло семь лет, как не стало Валентина Ивановича Рассадина, но дело его продолжается.

В. И. Рассадин на протяжении всей своей жизни пытался сохранить не только языковую семью, но и ее внутреннее разнообразие. К сожалению, в современном мире это разнообразие исчезает во всех сферах жизни. Главная заслуга Валентина Ивановича Рассадина заключается в том, что он спасал языки. Им возрождены к жизни утраченные, забытые, умирающие сойотский и тофаларский языки.

Эта просветительская деятельность В. И. Рассадина заслуживает самой высокой оценки и свидетельствует о благородстве его натуры, активной гражданской позиции. Результат этой деятельности может быть без преувеличения отнесен к категории подвига.

Он очень рано понял, как важно срочно документировать исчезающее языковое наследие таких маленьких коренных народностей, как тофалары и сойоты. Валентин Иванович очень много сделал в области изучения более крупных, но явно находящихся в зоне риска бурятского и калмыцкого языков. Он пытался показать, что процесс исчезновения языка можно приостановить и что исчезающий язык можно даже в какой-то мере «реконструировать». Его проект по тофаларскому и сойотскому языкам можно считать одной из первых попыток оживить исчезающий язык и вернуть потомкам бывших его носителей.

Так, например, после кончины профессора Рассадина в марте 2018 г. были изданы в

издательстве КалмГУ «Русско-тофаларский детский разговорник» (4.5 п. л.) Учебное пособие для учащихся 1 класса тофаларских школ «Программа предварительного (добукварного) устного курса по развитию тофаларской речи» (2 п. л.). Разговорник представляет собой начальные ступени домашнего обучения тофаларскому языку детей, не знающих родного языка, и может быть использован в детских садах. Основная задача учебного пособия заключается в том, чтобы приучить слух детей к звукам и усвоенным словам тофаларского языка, приучить их речевой аппарат к правильному произношению этих звуков и слов, накопить определенный запас тофаларских слов и простых фраз. Главное — в процессе прохождения этого курса учащиеся должны научиться слушать, понимать и говорить на тофаларском языке в объеме усвоенного ими словаря и грамматических форм в простых фразах.

В 2018 г. в издательстве «Джангар» в г. Элиста выходит «Краткая практическая грамматика современного калмыцкого языка» для тех, кто интересуется калмыцким языком и желает его изучать, постичь основные особенности калмыцкого языка и речи независимо от возраста.

В 2019 г. благодаря Фонду сохранения и изучения родных языков Российской Федерации и при поддержке Международного Шуховского фонда в Москве в издательстве «Кириллика» были переизданы учебники «Родное слово» для образовательных учреждений, которые представляли собой литературное чтение на тофаларском языке для 2-го, 3-го, 4-го классов и методические рекомендации к литературному чтению на тофаларском языке отдельно для каждого класса.

В 2019 г. в Улан-Удэ в издательстве «Республиканская типография» издан «Картинный словарь сойотского языка», который содержит наиболее употребительные слова сойотского языка, овладение которыми предусмотрено программой для начальных классов национальной школы. Сойотские слова, приведенные в словаре являются однозначными, что упрощает их запоминание и использование; кроме того, даются переводы на бурятский и английский языки. Объем словаря 646 лекси-

ческих единиц, которые достаточно хорошо отражают специфику среды обитания, особенности современной хозяйственной деятельности, материальной культуры и быта сойотов — таёжных охотников и оленеводов.

В 2020 г. в издательстве «Бэлиг» в г. Улан-Удэ издан «Русско-сойотско-бурятский-английский язык», который содержит более 6000 слов.

В 2021 г. выходит из печати «Русско-сойотский разговорник». Учебное издание для учащихся 1 класса сойотских школ. Данный разговорник предназначен для организации добукварного устного курса по развитию речи на сойотском языке в первом полугодии 1-го класса (48 часов). Он послужит базой, на которой будет построено обучение детей сойотской грамоте. Издание включает темы для организации устной речевой деятельности. Кроме того, напечатана «Программа предварительного (добукварного) устного курса по развитию сойотской речи для учащихся 1-го класса сойотских школ (2 п. л.).

В 2022–2023 гг. идет подготовка учебников «Сойот дыл / Сойотский язык». 1 класс: учебник» и «Сойот дыл / Сойотский язык». 2 класс: учебник», которые являются частью учебно-методического комплекта по сойотскому языку для школ с русским языком обучения. Основная цель этих учебников — развитие речи учащихся и обучение грамматике сойотского языка. Параллельно готовится «Хрестоматия». 1 класс. Книга для чтения на сойотском языке и «Хрестоматия». 2 класс. Книга для чтения на сойотском языке. Переводы всех текстов были подготовлены В. И. Рассадиным. Все учебные пособия сопровождаются методическими рекомендациями по использованию в педагогической практике. Все эти учебные пособия и учебники выходят под эгидой Министерства образования и науки России и Калмыцкого государственного госуниверситета.

В 2019 г. в Издательстве «Нестор-История» г. Санкт-Петербурга вышла монография «Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности». Данное издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, отв. редактор чл.-корр. А. В. Дыбо, объемом 608 с. монография посвящена одной из

основополагающих, причем спорных проблем алтаистики — проблеме сложения и существования тюрко-монгольской языковой общности, наличие которой, по мнению Рассадина, фактически легло в основу гипотезы генетического родства так называемых алтайских языков: тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских.

Один из крупнейших в мире специалистов в области сравнительно-исторического монгольского и тюрко-монгольского языкознания, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, ветеран войны и труда, несовершеннолетний узник фашистских концлагерей, Валентин Иванович Рассадин являлся иностранным членом-корреспондентом Международного финно-угорского общества (Финляндия), членом Российского комитета тюркологов, Заслуженным деятелем науки РСФСР, Бурятской АССР, Республики Калмыкия, Передовиком науки Монголии, Заслуженным профессором Бурятского университета, Почетным доктором Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Почетным профессором Академии наук Монголии, Почетным профессором Монгольского университета «Гурван эрдэни», Почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации, кавалером ордена «Дружба», лауреатом первой бурятской премии «Признание» в области науки, Почетным жителем Окинского района Республики Бурятия, награжден золотой медалью «Алдар соло», знаком отличия «Гражданская доблесть» Республики Саха (Якутия), медалью за заслуги в развитии науки республики Саха (Якутия), орденами «Полярная звезда» и Хубилай хана (Монголия), медалью к 800-летию Монгольской государственности. Номинирован Международной турецкой организацией «KIBATEK» за достижения в деле изучения языка турок-месхетинцев, награжден многочисленными Почетными грамотами.

В. И. Рассадин — создатель научной школы сравнительно-исторического типологического и сопоставительного языкознания, автор более 400 научных трудов, основными из которых являются исследования малочисленных

тюркских языков и их диалектов Саяно-Алтайского региона России и Монголии. Им подготовлено 53 кандидата и 6 докторов наук.

В 2024 г. Валентину Ивановичу Рассадину исполнилось бы 85 лет. До последних дней он работал в должности директора «Научного центра монголоведных и алтаистических

исследований» и профессора кафедры калмыцкого языка и монголистики Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. В год его юбилея мы с благодарностью вспоминаем прекрасного человека и выдающегося ученого, всю свою жизнь посвятившего отечественной науке.

**“THE SCIENTIST’S ACTIVITY IS NOTABLE NOT ONLY
FOR HIS SCIENTIFIC WORKS, BUT ALSO FOR THE CHARM
OF HIS HUMAN NATURE”**

Svetlana M. TROFIMOVA

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov

About the author: **Svetlana M. TROFIMOVA**, Dr. Sci. (Philology), Professor, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russian Federation) (trofimovasm@mail.ru). ORCID: 0000-0003-1812-7117. Wife of Valentin I. Rassadin.

И. В. КУЛЬГАНЕК, Д. А. НОСОВ
Институт восточных рукописей РАН

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЕДЬМЫЕ ПЕТЕРБУРГСКИЕ МОНГОЛОВЕДНЫЕ ЧТЕНИЯ» (Санкт-Петербург, 2–3 октября. 2024 г.)

Об авторах:

Кульганек Ирина Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия) (kulgan@inbox.ru). ORCID: 0000-0003-1417-3167.

Носов Дмитрий Алексеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел рукописей и документов, Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия) (dnosov@mail.ru). ORCID: 0000-0001-7247-1184.

© Кульганек И. В., 2024
© Носов Д. А., 2024

2–3 октября 2024 г. состоялась международная российско-монгольская научная конференция «Седьмые Петербургские монголоведные чтения».

Организаторами конференции выступили Институт восточных рукописей Российской академии наук, Институт языка и литературы Монгольской академии наук. Конференция прошла в очном и видео-формате в Зеленом зале Института восточных рукописей РАН (Дворцовая наб., 18. Ново-Михайловский дворец. Санкт-Петербург, Россия) Помимо сотрудников, представляющих стороны организаторов конференции, в мероприятии участвовали специалисты Санкт-Петербургского государственного университета, Государственного Эрмитажа, Национального музея Чингис-хана.

Данная конференция продолжает периодические научные мероприятия, проводимые Институтом восточных рукописей РАН и Институтом языка и литературы МАН с 2016 г. Каждое мероприятие посвящено какому-либо значимому событию в монголоведении, конкретному ученому-монголоведу, внесшему вклад в изучение Монголии, Центральной Азии, или зна-

чительному политическому, культурному деятелю монгольского народа. За это время ИВР РАН и ИЯЛ МАН были проведены конференции, посвященные памяти К. Ф. Голстунского А. Г. Сазыкина, З. К. Касьяненко, Вл. Л. Котвича, А. В. Бурдукова, московским юбилярам-монголоведам, 200-летию юбилею ИВР РАН. Конференция этого года посвящена 300-летию юбилею Российской академии наук.

На конференции обсуждались актуальные проблемы изучения литературы, языка, истории монгольских народов, а также истории монголоведения в России и мире. Особое внимание уделено проблемам монголоведных исследований, актуальным для РАН.

Главной задачей конференции было обозначено предъявление мировому научному сообществу новейших результатов изучения письменных и устных памятников монгольской словесности, показ возможностей современных методов исследования и подходов к рассмотрению актуальных проблем отечественного и мирового монголоведения.

Сопредседателями Оргкомитета выступили член-корр. РАН, директор ИВР РАН

Участники «Седьмых петербургских монголоведных чтений»

И. Ф. Попова и Dr. Sci., директор ИЯЛ МАН Ж. Бат-Ирээдуй. В оргкомитет вошли сотрудники ИВР РАН и ИЯЛ МАН: д. филол. н. ИВР РАН И. В. Кульганек, к. филол. н. ИВР РАН Д. А. Носов, Ph. D. ИЯЛ МАН А. Алимаа, Ph. D. ИЯЛ МАН Б. Дайриймаа.

К началу конференции была издана брошюра, в которую вошли Программа, аннотации докладов и список участников конференции из 30 имен.

На конференции прозвучало 20 докладов. Из них 5 докладов — на монгольском языке, 15 — на русском. Состоялись презентации двух новых монографий по монголоведению, в создании которых приняли участие сотрудники ИВР РАН, и девяти томов издания «Памятники фольклора монгольских народов», подготовленного ИМЛИ РАН совместно с Калмыцким государственным университетом и ИЯЛ МАН.

На открытии конференции выступила И. Ф. Попова с приветственным словом в адрес конференции и кратким экскурсом в историю развития монголоведения в ИВР РАН за время работы постоянной конференции. В адрес конференции поступило также приветствие директора Института языка и литературы Монгольской академии наук доктора филологических наук Ж. Бат-Ирээдуй со словами пожелания успешного проведения научного мероприятия и новых научных достижений.

В первый день конференции на утреннем заседании, которое вел к. филол. н. Д. А. Носов, было заслушано 7 докладов.

Д. и. н., д. полит. н. П. Н. Дудин в своем докладе «Монгольские институты публичной власти — в неопубликованном рукописном наследии отца Иакинфа (Н. Я. Бичурина)» познакомил с содержанием 12-ой главы третьего тома «Изложения Китайского законодательства, составленного Монахом Иакинфом Бичуриным». Глава составлена во время проживания отца Иакинфа в Кяхте и содержит законы «Да Цин хуэйдянь» 1764 г., регулирующие деятельность Лифаньюань.

Доктор культурологии Ю. И. Елихина представила доклад «Буддийские фонды и коллекции в музеях Казани: обзор и классификация», ставший результатом работы авторского коллектива, в который вошли к. и. н. Л. Лицю, д. и. н. Р. М. Валеев, к. пед. н. Р. З. Валеева. Докладчик сделала обзор буддийских материалов из музейных фондов и коллекций Казани: Национального музея Республики Татарстан, Государственного музея изобразительных искусств и Этнографического музея Казанского (Приволжского) федерального университета. Автор дала краткую характеристику произведений традиционного буддийского искусства: скульптуре, живописи, ритуальных предметов,

Выступление И. Ф. Поповой на открытии конференции

уделив внимание вопросам формирования и хранения комплекса буддийских фондов, истории университетского китаеведения и монголоведения в Казани в первой половине XIX в., деятельности О. М. Ковалевского, А. В. Попова, В. П. Васильева, Д. Банзарова, А. А. Бобровникова, Г. Гомбоева, Н. Ф. Катанова.

К. филол. н. Э. Мунхцэцэг в докладе «Толковый словарь монгольского языка», составленный в 1930 году» рассмотрела особенности рукописного словаря, хранящегося в Монгольской национальной библиотеке, дала комментарии к толкованию ряда слов, объяснила принцип построения толкований и выяснила закономерности в организации толкований слов, входящих в словарь.

Н. с. РЭМ М. В. Федорова в докладе «Монгольские коллекции Жозефа Мартэна конца XIX века в собрании Российского этнографического музея: дар ИРГО» ввела в научный оборот монгольские коллекции, собранные французским путешественником и исследователем Жозефом Мартэном во время его экспедиции в Центральную Азию в 1891–1892 гг. Проследив путь поступления коллекции из ИРГО в Этнографический отдел Русского музея и затем в РЭМ, докладчик кратко описала

артефакты и рассмотрела их место и роль в буддийской культовой системе, раскрыв малоизвестную страницу в истории сотрудничества ИРГО и РЭМ.

К. филол. н. С. С. Сабрукова в докладе «А. Г. Сазыкин (1943–2005) и его научное наследие (по материалам АВ ИВР РАН)» познакомилась с содержанием архива А. Г. Сазыкина, более 30 лет занимавшегося исследованиями монгольских рукописей и ксилографов, автора 7 монографий и более 80 научных статей. Архивные материалы А. Г. Сазыкина, переданные в 2005 г. в ИВР РАН, представляют огромный интерес для монголоведного мирового научного сообщества.

Ph. D. Н. В. Ямпольская представила доклад, подготовленный в соавторстве с сотрудниками Центральной научно-технической библиотеки по строительству и архитектуре г. Москвы — главным библиотекарем Л. А. Федотовой и главным библиографом И. Н. Храповой «Буддийские артефакты в собрании отдела редких книг Центральной научно-технической библиотеки по строительству и архитектуре». Доклад посвящен двум предметам, числящимся в инвентарных книгах как «Монгольские молитвенники» и представляющим собой артефакты,

Монгольские участники конференции

сконструированные из фрагментов медицинского трактата «Лхантаб» на тибетском языке вложенных в обложки книг, декорированных вырезанными фрагментами нескольких буддийских икон, миниатюрными ритуальными изображениями и шёлковыми флажками. Докладчик сделала предположения о времени и месте появления артефактов.

Доклад д. филол. н. О. В. Бураевой «Этническая идентичность карымов Байкальского региона» был посвящен этническим процессам в семьях, возникающим в результате брачных союзов между представителями разных этносов Байкальского региона. Докладчик остановилась на формировании особой группы населения — карымах, посредников общения бурятской и русской культур, занимающих промежуточное положение между двумя культурами и являющихся носителем билингвизма и бикультурализма.

На вечернем заседании, которое вела к. филол. н. Н. С. Яхонтова, прозвучало 4 доклада.

Перед собравшимися выступили: старший преподаватель Восточного факультета СПбГУ К. В. Алексеев с докладом «Варнархаварна» в

монгольском рукописном Ганджуре», к. филол. н. Д. А. Носов — с докладом «Сведения из русскоязычных источников о монгольском мифологическом персонаже *хун-хорхой*». Д. филол. н. Л. С. Дампилова предложила сообщение о мотиве мифологической «чуди» в русских преданиях о баргутах, к. филол. н. Н. С. Яхонтова представила итоги своего исследования мелкого типографского шрифта ойратского «ясного письма».

На утреннем заседании второго дня конференции, которое вела к. филол. н. М. П. Петрова, монгольские коллеги представили свои доклады в видео-формате. Ведущий научный сотрудник Национального музея Чингис-хана (Улан-Батор, Монголия) Д. Гэрэлмаа рассказала о лексическом составе писем феодалов и лам XVIII в.; к. филол. н., научный сотрудник сектора фольклористики Института языка и литературы Монгольской академии наук Б. Дариймаа представила сообщение о жанровых особенностях монгольской бытовой сказки. Доцент, заведующая кафедрой монгольского языка Университета иностранных языков (Улан-Батор, Монголия) Р. Бигэрмаа сделала доклад о новом

Фрагмент заседания в Зеленом зале

явлении в современном монгольском литературном процессе, так называемой *эко-литературе*. К. филол. н., доцент кафедры монголоведения и тибетологии СПбГУ М. П. Петрова предложила результаты литературоведческого анализа эмоциональной составляющей поэтических сборников монгольского писателя Дан Нямы. Магистр монгольского языка, писатель, член Союза писателей Монголии Ц. Тумэнбаяр рассмотрела женские персонажи и произведения классика современной монгольской литературы Д. Нацагдоржа.

Дневное заседание было посвящено проблемам литературоведения и фольклористики. Отражению лечебной народной практики в устных нарративах уделили внимание в своем докладе д. филол. н., профессор кафедры калмыцкой литературы и журналистики Института калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого государственного университета (Элиста) Е. Э. Хабунова и д. филол. н. профессор, главный научный сотрудник отдела фольклористики и литературоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ) Л. С. Дампилова. Научный сотрудник Международного исследовательского центра Калмыцкого государственного

университета Б. Б. Городовикова Б. В. Меняев, рассказал об особенностях ойратского сборника «Сказание нектарного учения», состоящего из переработанных индийских сюжетов. К. филол. н. доцент Калмыцкого государственного университета Э. У. Омакаева посвятила свое сообщение описанию основных обозначений мастей коня в песенном фольклоре калмыков и ойратов Монголии. К. филол. н. старший научный сотрудник Калмыцкого государственного университет им. Б. Б. Городовикова Б. Х. Борлыкова остановилась на персонажах буддийского пантеона в песнях-шастрах монгольских народов.

В заслушанных докладах был рассмотрен широкий круг проблем классического монголоведения, представлены результаты полевых экспедиционных исследований. Большое внимание было уделено источниковедению как одному из ведущих направлений мирового монголоведения, способствующему расширению исследований по истории письменного наследия Монголии. В ряде докладов были рассмотрены вопросы взаимодействия и взаимовлияния в контактных зонах культур монгольских народов с русским и другими народами. Докладчики отметили особое значение на совре-

Фрагмент конференции. Зеленый зал

Фрагмент конференции. Зеленый зал

менном этапе новой методологии сравнительно-типологического изучения традиционной культуры контактирующих народов пограничных территорий.

Особый интерес представляют источники и материалы, хранящиеся в России и Монголии, в первую очередь, в Институте восточных рукописей РАН, Институте языка и литературы Монгольской академии наук, Институте монголоведения, тибетологии и буддологии СО РАН, Восточном факультете СПбГУ, Государственном Эрмитаже, Российском этнографическом музее, Национальном музее республики Татарстан, Государственном музее изобразительных искусств (Казань), Этнографического

музея Казанского федерального университета, Калмыцком научном центре.

Итоги Конференции дают основание утверждать, что конференция «Седьмые петербургские монголоведные чтения», организованная Институтом восточных рукописей РАН совместно с Институтом языка и литературы Монгольской академии наук, имеет большое значение для дальнейших исследований по истории, культуре и языку монгольских народов, проводимых на базе письменных памятников, архивных источников и полевых исследований. Конференция вносит значительный вклад в объединение усилий специалистов монголоведов в исследования с применением

новых междисциплинарных методов. Проведенное мероприятие продемонстрировало новые возможности в деле введения в научный оборот культурного наследия монголов, подготовки молодых исследователей, создания совместных научных трудов, проведения в дальнейшем специальных симпозиумов и конференций, реализации более крупных проектов. Конференция стала свидетельством заинтересованного внимания Академии наук

Монголии и научного сообщества Монголии к современному российскому монголоведению.

Участники Конференции поддерживают предложение продолжать проводить это научное мероприятие регулярно и запланировать следующее в Санкт-Петербурге на октябрь 2026 г. По итогам конференции планируется публикация докладов в Санкт-Петербургском журнале монголоведных исследований «Mongolica» в течение 2025 г.

**THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
“THE SEVENTH ST. PETERSBURG MONGOL READINGS”
(ST. PETERSBURG. OCTOBER 2–3, 2024)**

Irina V. KULGANEK, Dmitry A. NOSOV
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

About the authors:

Irina V. KULGANEK, Dr. Sci. (Philology), Chief Researcher, Head of the Section of Central Asian Studies of the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (kulgan@inbox.ru). ORCID: 0000-0003-1417-3167.

Dmitry A. Nosov, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Department of Manuscripts and Documents, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (dnosov@mail.ru). ORCID: 0000-0001-7247-1184.

